

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 4 (46) 2022

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2022.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+

*PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.*

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zhrebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences (Russia, Syktyvkar);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikalian State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology,
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Мартысюк П. Г.** Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности... 10

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Герасимов С. В., Синякова Л. В.** Технологии регионального и республиканского брендинга: сыктывкарский кейс..... 24
- Клюкина Л. А.** Дискуссия о сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI в. 48
- Маслеева В. В.** Модульный текст как средство продвижения исторической реконструкции..... 64
- Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В.** Феномен случайных и курьезных повреждений памятников историко-культурного наследия..... 79
- Харитоновна М. А.** Миф о рае как центральная тема европейской культуры..... 92

ПЕДАГОГИКА

- Бочаров С. А.** Художественно-педагогическая подготовка руководителя студии детского художественного творчества: проблемы и возможности их решения..... 113
- Сажина С. Д.** Актуальные проблемы подготовки педагогов в области воспитания..... 132

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти профессора Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения).** Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Часть 1 (науч. ред. А. К. И. Забулионите)..... 145

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CULTURE

Martysiuk P.G. The Mythologem of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness.....	10
--	----

CULTUROLOGY

Gerasimov S. V., Sinyakova L. V. Technologies of Regional and Republican Branding: Syktyvkar Case.....	24
Klyukina L. A. Discussion on the Essence of K. A. Ton's Russian-Byzantinesque Temples in the National Culture from the 19 th through to the Early 21 st Century.....	48
Masleeva V. V. Modular Text as a Means of Promoting Historical Reconstruction.....	64
Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. The Phenomenon of Accidental and Curious Damageto Monuments of Historical and Cultural Heritage.....	79
Kharitonova M. A. The Myth of a Paradise as a Central Theme of European Culture.....	92

PEDAGOGY

Bocharov S. A. Artistic and Pedagogical Training of a Head of the Studio of Children's Artistic Creativity: Issues and Their Solutions.....	113
Sazhina S.D. Relevant Issues of Teacher Training in the Field of Education.....	132

SCIENTIFIC DISCUSSION. CULTUROLOGY

Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 (academic ed. A. K. I. Zabulionite)....	145
---	-----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России, главный редактор журнала
«История и обществоведение» (Минск), Санкт-Петербург, Россия,
Минск, Республика Беларусь, Pr_martis@yahoo.com

***Аннотация.** Статья посвящена феномену судьбы, его генезису и становлению в культурной традиции. Тема судьбы изначально зародилась в античности, что неизбежно вводит её в систему мифологических воззрений и ранних религиозных верований. Будучи порождением мифологического сознания, судьба занимает определённое место как в низшем (демоническом), так и высшем (космогоническом) слое мифологической картины мира. Парадокс идентификации судьбы заключается в том, что, будучи одновременно носителем мифологических черт, она демонстрирует чуждость и инородность мифу. Являясь важнейшим элементом архаической картины мира, судьба демонстрирует как свою мифологичность, так и неоднозначность, многосмысленность и неопределённость философского типа. Образ судьбы не исчерпывается мифологическим прошлым. По мере эволюции сознания от мифа к логосу судьба наделяется абстрактными характери-*

стиками, представленными в таких категориях, как необходимость, закономерность и случайность. В современной европейской культуре феномен судьбы претерпевает десакрализацию, хотя при этом и сохраняет мифосемантическую направленность. По мере выхода за рамки традиционного мифа судьба непосредственно связывается с нравственной и эстетической природой человека.

Культурологический анализ феномена судьбы позволяет раскрыть его мифосемантическую природу, исследовать эволюцию представлений о судьбе от архаических мифов к героическому эпосу, выявить отдельные черты судьбы, способные выступить в качестве источника нелинейной динамики европейской культуры.

Ключевые слова: герой, культура, космос, миф, мифологема судьбы, закономерность, необходимость, природа, случайность, хаос

Для цитирования: Мартысюк П. Г. Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 10–23. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

The Mythologem of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness

Pavel G. Martysiuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Editor of the “History and Society”, St. Petersburg, Russia, Minsk,
the Republic of Belarus, Pr_martis@yahoo.com

Abstract. *The article is devoted to the phenomenon of fate, its genesis and formation in the cultural tradition. The theme of fate originally appeared in antiquity, which inevitably introduces it into the system of mythological beliefs and early religious beliefs. Being a product of mythological consciousness, fate occupies a certain place both in the lower (demonic) and higher (cosmogonic) layers of the mythological picture of the world. The paradox of the identification of fate lies in the fact that, being at the same time the bearer of mythological features, it simultaneously demonstrates alienation and foreignness to the myth. Being the most important element of the archaic picture of the world, it demonstrates both its mythological nature and the ambiguity, ambiguity and uncertainty of the philosophical type. The image of fate is not exhausted by the mythological past. As consciousness evolves from myth to logos, fate is endowed with abstract characteristics presented in such categories as necessity, regularity, and chance. In modern European culture, the phenomenon of fate is undergoing desacralization, although at the same time it retains a mythosemantic orientation. As we go beyond*

the traditional myth, fate is directly related to the moral and aesthetic nature of man.

The culturological analysis of the phenomenon of fate makes it possible to reveal its mythosemantic nature, to explore the evolution of ideas about fate from archaic myths to the heroic epic, to identify individual features of fate that can act as a source of non-linear dynamics of European culture.

Keywords: *hero, culture, space, myth, mythology of fate, pattern, necessity, nature, accident, chaos*

For citation: Martysiuk P. G. The Mythologem of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:10–23 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

Введение. Целью представленной статьи является выявление истоков феномена судьбы в древнегреческих космогонических мифах и героическом эпосе, а также трансформация представлений о судьбе в контексте зарождающегося философского знания.

В процессе реализации цели исследования автор обращается к рассмотрению категорий необходимости, закономерности и случайности, способствующих раскрытию природы судьбы не только в собственно мифологическом срезе, но и в контексте философско-культурологического анализа. Выявление основополагающих концептуальных представлений о судьбе, содержащих многосложный и противоречивый характер, способствует более глубокому осмыслению судьбы как феномена культуры.

Значительное внимание феномену судьбы в мифе и славянском фольклоре уделяется в работах С. Аверинцева (Судьба // Философская энциклопедия), А. Афанасьева (Древо жизни), А. Веселовского (Разыскания в области духовного стиха. XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян). В их исследованиях неоднозначный образ судьбы представлен в системе дуальных представлений. Как пример, Доля — Недоля, рациональное — иррациональное и др.

Тема судьбы нашла отражение и в коллективной монографии «Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев», подготовленной такими авторами, как А. Гуревич, Т. Михайлова, Н. Ганина и др. В указанной монографии авторы обращаются к исследованию архаического образа женщины-судьбы в мифологической традиции древних кельтов и германцев.

К фундаментальным исследованиям по проблеме судьбы следует также отнести монографии В. Горана «Древнегреческая мифология судьбы» и П. Сапронова «Феномен героизма». В них феномен судьбы рассматривается в контексте древнегреческой космогонической мифологии, а также героического эпоса.

В рамках проведённого исследования автор пришёл к выводу, что судьба благодаря присущей ей категории необходимости является отражением процесса возникновения и функционирования разнообразных форм сущего, включая природный универсум в его античном понимании. Наряду с категорией необходимости феномену судьбы присуща категория случайности, придающая судьбе стихийность, иррациональность и непредсказуемость. Категория случайности, реализующаяся в судьбе, в последующем способна выступить одним из источников нелинейной динамики культуры.

Методы исследования. С целью исследования мифологемы судьбы автором был использован ряд теоретических методов: компаративного анализа при сравнении различных взглядов на мифологическую природу судьбы и её трансформацию в условиях перехода от мифа к логосу; структурно-функциональный метод, позволивший исследовать феномен инверсии путем обращения к бинару «космос — хаос» и его функционированию в мифологическом пространстве и времени; герменевтический метод, использование которого предоставляет возможность раскрыть мифологическую природу феномена судьбы в качестве источника нелинейной динамики европейской культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проблемы судьбы не может быть полноценным без должного анализа определяющих её природу категорий: необходимости, закономерности и случайности. Изначально они заявляют о себе в контексте мифологического сознания, доминирующую роль в котором играют вещественно-телесные интуиции. В мифологеме «судьба» представленные категории пребывают в единстве и взаимодействии. В последующем они раскрываются в ситуации нейтрализации судьбы как обезличенной силы и её рационализации в процессе перехода от мифа к логосу.

В феномене судьбы сокрыт многовековой опыт осмысления необходимости, управляющей мировым порядком и жизнью отдельно взятого человека. Судьба является внешней силой, неподвластной человеческому хотению. В ней присутствуют независимость и непознаваемость, хаотичность и непредсказуемая стихийность. При

всём этом судьба, отождествляясь с провидением, способна продемонстрировать необходимую зависимость всего происходящего от универсального разума, являющегося частью мирового целого. Человеческая жизнь уподобляется частице в море пыли, гонимой ветром в неизвестном направлении. По сути, человек, несмотря на сопротивление обстоятельствам, оказывается во власти внешних сил. Отсюда проистекает фаталистическая направленность стоической философии, выраженная в знаменитом высказывании: «Желającego судьба ведёт, нежелающего — тащит».

Категория необходимости содержит идею возникновения, сохранения и поддержания миропорядка, присущего мифологической картине мира. Судьба отождествляется с необходимостью благодаря её связи с космосом, представленном античной традицией в качестве природного универсума. Будучи связанной с античным космосом, судьба демонстрирует по сравнению с другими мифологическими феноменами новый, более высокий уровень объективной необходимости, отчасти обусловленный идеей неизменно повторяющегося природного цикла.

Космос, заполняющий жизненное пространство античной картины мира, пребывает в непрестанном движении. Вне его нет ничего, посему он обречён совершать вечное круговращение, исчерпывая себя в своих же собственных пределах. Бытие космоса перманентно, а последовательность его возвращений бесконечна. Космос, лишь часть которого — человек, задуман как постоянный циклический процесс, заключённый в бесконечный ряд самовоспроизводящихся отрезков, замкнутых на себя оборотов.

Космос взаимодействует с Хаосом. Хаос — это первоначальное состояние всего существующего, над которым не властвует время. Он лишён пространственного измерения и пребывает вне власти жизни и смерти. Состояние хаоса обладает относительным постоянством и допускает лишь неупорядоченное движение и переход одного в другое в пределах своей же субстанции. Из хаоса впервые возникает сформированное становление, начинающее и структурирующее само себя. Хаос, являясь первообразом материи, не исчезает бесследно, а сохраняет за собой право быть принципом становления после того, как из него выделяется видимый, измеримый мир. Видимый мир находится во власти хаоса и по мере редукции вновь и вновь возвращается к нему. В этой ситуации мифическая реальность способна переживать два противоположных друг другу состояния: космическое и хаотиче-

ское. Они попеременно чередуются или перемежаются, так и не приходя к единому целому.

Представления о судьбе формируются по мере выделения человека из природы, сохраняющей черты космоса и хаоса. Дистанцированное восприятие хаоса приводит к ощущению непостижимых глубин собственного существа. На основании этого можно сделать вывод, что тема судьбы не ограничивается исключительно природной реальностью. Свою подлинную сущность она демонстрирует в контексте взаимосвязи хаоса и космоса. Космос — это источник объективизации и гармонизации судьбы в её проекции на сущее. В свою очередь хаос — лоно всех вещей, их потенция, добытийное, неактуализированное бытие. В равной мере он начало, порождающее и возвращающее всё выявленное, всякое индивидуальное бытие и первичную невыявленность предсуществования. Он неуловим, неопределим, безмерен и в этом смысле олицетворяет стихийную, иррациональную природу судьбы. С известного момента извечные представления о хаосе-космосе трансформировались в образ судьбы, царящей над космосом.

Судьба, представленная в своей необходимости, в античной культуре связывалась с космическими ритмами, соответствующими биологическим ритмам человека. В. Горан, придерживаясь взглядов древнегреческих мыслителей в отношении проблемы судьбы, делает достаточно интересное наблюдение: «то, что именно Мойры выводят Деметру из состояния, следствием которого оказывается нарушение вегетационного цикла, также свидетельствует о том, что представления о судьбе были определенным образом связаны с представлениями о годичном природном цикле» [1, с. 104].

Древний грек представлял божество Ананку как само воплощение необходимости, неизбежности, вершительницы жизненного пути человека. В судьбе сокрыт вечный закон соразмерности и предопределённости, который возвышается над всем человеческим и божественным. Хотя попытки ей воспротивиться периодически предпринимаются, но тем не менее они не имеют должного результата. В представлениях Гомера судьба тесно связана с космическими и природными ритмами. В «Илиаде» присутствует сцена взвешивания Зевсом судеб троянского и ахейского войск. В. Горан обращает внимание на то, что «если “весы судьбы”» в руках Зевса позволительно интерпретировать как символ космического равновесия, то можно допустить, что гомеровские представления о судьбе были

определенным образом связаны с представлениями, составившими зачатки астрономических знаний» [1, с. 97–98].

В закономерности реализуется процесс утверждения абсолютной власти необходимости. Неизменность космоса детерминирована его закономерной периодической обновляемостью. По мере иссякания жизненных сил космос переходит в хаос, а затем по мере накопления сил вновь из него выстраивается. В процессе космизации судьба обретает черты космоса, что проявляется в присущей ей динамике возврата.

Нелинейная динамика судьбы на ранних этапах становления культуры находится в зависимости от циклических природных процессов. «Мысль человека интуитивно распознаёт закономерность и известную упорядоченность явлений природы, начиная от периодичности функционирования собственного организма и необходимой ритмичности трудового процесса и кончая закономерной смены дня и ночи, времён года, воссоздания пищевых ресурсов и т. п.» [1, с. 96]. В повторяющихся природных процессах, в циклах жизни и смерти человек прозревал великую силу, сверхвременную, сверхчеловеческую и неизменную. «Концептуализация наблюдений за циклическими процессами в природе определяет магистральную линию учения о циклических процессах в культуре, берущую начало в мифологической традиции» [2, с. 40].

В гомеровском эпосе особое внимание отводится связи судьбы с суточными циклами. Зевс приурочивает взвешивание судеб строго к моменту, когда Солнце проходит середину своего дневного пути. Взвешивание судеб связывает эту сакрализацию суточного цикла с идеей судьбы. Соотнесённость в древнегреческой мифологии представлений о судьбе с сакрализацией суточного цикла прослеживается и у Гесиода, у которого фигура Ночи тесно связана с богинями судьбы непосредственно. Через генеалогию Мойр представления о судьбе соотнесены с идеей ритмичности космических процессов и связанных с ними вегетативных процессов.

Миф, повествующий о гибели Фаэтона, сына бога солнца, свидетельствует о невозможности человеком преодолеть свою, человеческую судьбу и уравниваться в правах с богом. В образе Фаэтона воплощено некое глубинное противоречие в понимании героем человеческой природы. Зная, что он сын бога, Фаэтон пытается уравнивать себя в правах с отцом. Однако не следует забывать: если движение по небесному своду для Гелиоса является его функцией как бога солнца, то для Фаэтона оно оказывается ограниченным его че-

ловеческими возможностями. Поэтому примирение жизни и смерти становится возможным лишь в пределах вечно существующей божественной субстанции. Для героя же эта попытка в мифосемантическом срезе заканчивается бесконечно повторяющейся гибелью. Как отмечает Г. Надь, «в фигуре отца Гелиоса воплощена божественная неизменность чередования восходов и закатов, а фигура его сына Фаэтона олицетворяет то, что в этом чередовании, понятом как чередование смерти и возрождения, неизбежно присутствует смерть» [3, с. 316].

Именно судьба в лице Аполлона, в более поздних её трактовках, уже не слепая необходимость, хотя сила её по-прежнему неумолима. В описании веретена Ананки Платон указывает, что «сверху на каждом из кругов веретена восседает по Сирене; вращаясь вместе с ними, каждая из них издает только один звук, всегда той же высоты. Из всех звуков — а их восемь — получается стройное созвучие» [4, с. 416]. Далее Платон обращает внимание на то, что «гармонию, пути которой сродни круговращениям души, Музы даровали каждому рассудительному своему почитателю не для бессмысленного удовольствия... но как средство против разлада в круговращении души, долженствующее привести её к строю и согласованности с самой собой» [4, с. 450]. Тем самым Платон оставляет за человеком шанс вписаться в круговращение космоса и использовать необходимость (судьбу) себе во благо. В связи с этим для человека, упустившего свой шанс, вечное возвращение созвучно обрывку мелодии на заезженном диске, в то время как для того, кто сумел им воспользоваться, мелодия способна зазвучать как «хоры стройные светил». Отсюда следует вывод, что расположение судьбы во многом зависит от самого человека. Философская мысль в лице Платона открывает перспективу освобождения человека от абсолютно фатализма судьбы. Человек обретает тот максимум свободы, который позволяет ему реализовать собственный потенциал на фоне перманентного давления судьбы.

В диалогах Платона «Федр» и «Государство» присутствует идея выбора судьбы. Каждое тысячелетие души, следуя закону необходимости, сами выбирают свою собственную жизнь. Но перед новым воплощением в земную жизнь, испив воды из Леты (реки забвения), они утрачивают память о своей прошлой жизни. Как видим, земная жизнь человека и вся человеческая история не полностью пребывают во власти фатальности судьбы, а посему не следуют в полной мере закону необходимости. По этой причине трудно не со-

гласиться с А. Лосевым, утверждавшим, что «та человеческая история, которую мыслит себе Платон, обязательно есть слияние свободы и необходимости» [5, с. 160].

На наш взгляд, категория случайности как атрибут судьбы может быть воспринята в качестве феномена более позднего временного порядка, фигурирующего в реализации судьбоносной индивидуально-экзистенциальной мировоззренческой установки. «Ощущению судьбы как ритма и мерности в индивидуально-человеческом измерении присуще своеобразие, вряд ли распространяемое на космическое целое» [6, с. 65].

По большей части категория случайности возникает тогда, когда мифологическая рефлексия в рамках отдельно взятого сознания утрачивает своё господствующее положение. В семантике случайности открывается неоднозначное отношение к судьбе, зарождается сомнение в её абсолютной всепокрушающей силе. Изречение Екклесиаста : «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их» [Екклесиаст 9:11], является тому подтверждением. В основе его сокрыта двусмысленность. С одной стороны, сильнейшему по большей части даруется победа. С другой стороны, нельзя исключать и тот факт, что не самый лучший может также стать победителем.

Случайность связана с необходимостью и представляет собой нераспознанную закономерность. Судьба в ракурсе раскрытия случайности по большей части имеет экзистенциальную направленность. Во многом это и определяет неоднозначное, а местами и многозначительное отношение к феномену судьбы и его месту в мироощущении и действии героя. В героизме изначально сокрыта потребность в преодолении судьбы как необходимости. В античной традиции оно нередко реализуется в смерти или уходе героя за пределы пространства действия судьбы. В более поздних культурных представлениях открывается перспектива овладения судьбой, её задабривания и подчинения интересам человека.

Судьба в силу своей непредсказуемости и неуловимости препятствует человеку иметь право быть самим собой. Поэтому он, отстаивая своё индивидуально-личностное начало, вынужден нередко действовать вопреки судьбе, что и пробуждает к жизни с его стороны героическое действие. При всём этом судьба не желает иметь дело с частными проявлениями сущего, что объясняется присущи-

ми ей механизмами действия необходимости и закономерности. Именно последние связывают её с мировым (космическим) целым. При этом при её безразличии к отдельно взятому индивиду она присутствует в жизни каждого человека и сопровождает его в делах и героических поступках.

«В античности диалектика космоса (рационального) и хаоса (иррационального) находит своеобразное воплощение в системе представлений о судьбе, предваряющей рождение древнегреческой трагедии» [7, с. 24]. Будучи зависим от вечно вращающегося космоса, а также безличного круговорота природы, античный герой ощущает на себе довлеющую силу судьбы. Переживая неумолимость судьбы, он стремится изо всех сил ей воспрепятствовать. И это становится возможным через акт самоотрицания. Чтобы противостоять судьбе, царь Эдип наносит себе физическое увечье — выкалывает глаза. Тем самым он демонстрирует, что стремление противостоять судьбе в конечном счете оборачивается разрушением первоначальной целостности героя. Это является причиной прекращения действия судьбы, и, как итог, Эдип перестает быть тем, кем был рожден, — предопределенным бытием к смерти.

По сравнению с космосом, включающим идею судьбы, человек находится в проигрышном положении. Находясь в зависимости от космического ритма, античный герой не в состоянии разделить его в реализующейся полноте. По мере своего изнашивания космос переходит в хаос, а затем вновь восстанавливается из него. Что касается героя, то вместе с увядающим космосом он претерпевает ослабление своей физической природы. В отличие от самовосстанавливающегося космоса разрушение его человеческой природы обретает судьбоносный фатальный характер, не вписывающийся в вечный космический ритм.

По сути, в древнегреческом трагике мы имеем дело с преодолением жизненной субстанции героя на фоне возобновляющейся космической гармонии. Представленное наводит на мысль, что сокрытые потенции космоса лежат в глубине, бездонности, некоей беспорядочной хтонической стихии, именуемой хаосом. Герой греческой трагедии ощущает своё бессилие перед космическим бытием. В этом реализуется его трагическое состояние, ведущее к неизбежной утрате жизненных сил. Античная культура и являлась той спасительной средой, которая гармонизировала жизнедеятельность, смягчала, а в определённой степени и устраняла трагедию противостояния космоса и хаоса, реализующуюся в судьбе.

Оказавшись во власти судьбы, человек невольно начинает ощущать разлад с самим собой. Судьбоносное действие, мнимое им как случайное, является закономерным результатом действия внешней силы (судьбы). Когда человек ощущает на себе её влияние, то его влечёт в неопределённое будущее, где он встречается со своей нераспознанной сущностью. Отсюда можно заключить, что судьба действует в двух мирах: макро- и микрокосмосе. Она приводит их к тождественности, не воспринимаемой человеком как должное. Его микромир не может в полной мере быть соотнесён с макромиром, именуемым космосом. У индивидуальной души исключительно свои жизненные ритмы. В ракурсе подобного рода размышлений мы невольно погружаемся в глубины психологии. В частности, проблему соотнесённости контролируемого сознания (микрокосмоса) и проявлений бессознательного, в нашем понимании именуемого микрохаосом. На протяжении всей античной истории человек пытался примирить космос и хаос, что, по сути, эквивалентно гармонизации сознания и бессознательного. Одним из путей решения данной проблемы выступал ритуал. В ритуале осуществлялась попытка гармонизации микро- и макрокосмоса, открывалась перспектива вечного овладения хаосом. Нарушение порядка, заложенного в ритуале, препятствовало овладению хаосом, и человек невольно оказывался перед лицом судьбы.

Определённый интерес, в особенности с точки зрения эволюции морали, представляет рассмотрение категорий закономерности и случайности в отдельных направлениях фольклористики. Если в античной традиции судьба применительно к феномену героизма по большей части обусловлена категориями необходимости и закономерности, то в фольклоре доминирует судьба в её случайности. Сказочный герой действует вне влияния высших космических судьбоносных сил. По большей части его усилия сводятся к решению повседневных жизненных задач.

Особое внимание в народной культуре уделяется витальному родовому (социальному) началу, определяющему жизненный удел героя сказки. Реальные изменения в характере данного отношения находят специфическое отражение в связи судьбы с исходной недостаточностью витальных благ. С исходной недостаточностью связаны такие важные темы сказки, как приобретение, потеря и компенсация утраченных благ. Нередко в процессе устранения исходной недостаточности возникает новая ситуация, способствующая обретению дополнительных сказочных благ.

Сказочные блага, к которым всячески стремится человек, разделены сверхъестественными характеристиками, и их принадлежность к области сакрального не вызывает сомнений. Их добыча крайне затруднительна и нередко чревата для отыскивающего их временными трудностями: утратой материального достатка, различного рода физическими увечьями, а то и временной смертью. Путь к достижению искомым благ неизменно лежит через систему испытаний героя. «Испытание, — пишет Е. Мелетинский, — это синтагматическая категория именно сказки, но ритм потерь и приобретений объединяет волшебную сказку с мифом и с другими видами повествовательного фольклора» [8, с. 12].

Несмотря на подстерегающие героя опасности, он отправляется в столь сложный путь, который традиционно заканчивается успешно, а приобретение в конечном счёте, выступая своего рода универсальным благом, компенсирует первоначальную недостачу. В конце пути судьба дарует счастливцу возможность полного удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей.

Следует обратить внимание на то, что за случайным обретением витального блага распознаётся закономерность действия судьбы. Одним из её источников выступает нравственность, занимающая заметное место в славянском фольклоре. Именно нравственные качества героя располагают судьбу. Во многом благодаря высоким нравственным качествам герою волшебной сказки удастся не только сохранить жизнь, но и приобрести желанное благо. Не случайно в славянском фольклоре имеется много сведений, указывающих на предназначение кладов праведникам, чистым душам, сиротам, вдовам и другим обездоленным. Так как они, будучи существами нравственно свободными, могут сознательно предпочитать зло добру. Наряду с этим внешне случайное обретение кладов недоступно грешникам, людям богатым, алчным и завистливым, упорно пребывающим во зле.

Несмотря на то что восприятие и осмысление проблемы судьбы началось в мифологической традиции, её связь с мифом сохраняется и в послемифологическую эпоху. По мере редукции мифа судьба сохраняет статус мифологеми. Присущие ей вещественно-телесные интуиции преобразуются в метафору, а также различного рода абстракции философского типа. К ним можно отнести необходимость, случайность, нравственное воздаяние, справедливость и др. Например, у Фалеса мы сталкиваемся с процессом трансформации мифопоэтического образа Ананки в философскую категорию необходи-

мости. Здесь уже не только прослеживается зависимость от мифологического образа судьбы, что объясняется сохраняющейся связью первых философских учений с мифологической традицией, но и утверждается общее представление о судьбе как необходимости.

В истории представлений о судьбе сохранились две тенденции. Первая тенденция сводится к признанию всеобщности судьбы, что обусловлено отождествлением судьбы с космическими ритмами и восприятием космоса в качестве природного универсума. Действуя в качестве надмирового целого, судьба провоцирует динамику сущего. Всеобщность судьбы также обусловлена присущими ей категориями необходимости и закономерности. Вторая тенденция предполагает проекцию универсальной природы судьбы на индивидуальное, т. е. неповторимый жизненный путь человека. Субъективизм судьбы благодаря случайности и непредсказуемости определяет путь фольклорного героя.

Список источников

1. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 335 с.
2. Мартысюк П. Г. Циклическая динамика культуры как следствие мифологизации природы // *Человек. Культура. Образование*. 2020. № 2 (36). С. 27–43.
3. Надь Г. Греческая мифология и поэтика / пер. с англ. Н. П. Гринцера. М.: Прогресс–Традиция, 2002. 432 с.
4. Платон. Тимей // *Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. С. С. Аверенцева [и др.]*. М., 1994. Т. 3. С. 421–501.
5. Лосев А. Ф. Античная философия истории. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
6. Сапронов П. А. Феномен героизма. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. 491 с.
7. Мартысюк П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения // *Человек. Культура. Образование*. 2018. № 3 (29). С. 19–26.
8. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки (происхождение образа). М.: Вост. лит., 1958. 263 с.

References

1. Goran V. P. *Drevnegrecheskaya mifologema sud'by* [The mind of primitive man]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 335 p. (In Russ.)
2. Martysyuk P. G. Cyclic dynamics of culture as a consequence of the mythologization of nature. *Celovek, kul'tura i obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 2 (36), pp. 27–43. (In Russ.)

3. Nagy G. *Grecheskaya mifologiya i poetika* [Greek mythology and poetics]. Moscow, Progress-Tradition, 2002, 432 p. (In Russ.)
4. Plato. *Timey* [Timaeus]. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected. op.: in 4 volumes] / general ed. Moscow, 1994. Vol. 3, pp. 421–501. (In Russ.)
5. Losev A. F. *Antichnaya filosofiya istorii* [Antique philosophy of history]. St. Petersburg, Aletheia, 2000, 256 p. (In Russ.)
6. Saprnov P. A. *Fenomen geroizma* [The phenomenon of heroism]. St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997, 491 p. (In Russ.)
7. Martysiuk P. G. The cyclic paradigm of culture: the path of self-determination. *Celovek, kul'tura i obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2018, no. 3 (29), pp. 19–26. (In Russ.)
8. Meletinsky E. M. *Geroy volshebnoy skazki (proiskhozhdeniye obraza)* [The hero of a fairy tale (the origin of the image)]. Moscow, Publishing house "Vost. lit.", 1958, 263 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Мартысюк Павел Григорьевич

Pavel G. Martysiuk

доктор философских наук,
доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры философии и
социологии Санкт-Петербургского
университета МВД России, главный
редактор журнала «История и
обществоведение» (Минск), Санкт-
Петербург, Россия, Минск, Республика
Беларусь

Doctor of Philosophy, Doctor of
Cultural Studies, Associate Professor,
Professor of the Department of
Philosophy and Sociology, St.
Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Chief
Editor of the "History and Society",
Saint-Petersburg, Russia, Minsk, the
Republic of Belarus

198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика
Пилутова, 1

1 Pilot Pilyutov St., St. Petersburg,
198206, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

06.10.2022
22.10.2022
01.11.2022

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья / Original article

УДК 378.1:394.9

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-24>

Технологии регионального и республиканского брендинга: сыктывкарский кейс

Герасимов Сергей Викторович¹, Синякова Лилия Владимировна²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия;

² Ассоциация АСДОР, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} votje82@mail.ru

***Аннотация.** Технологии брендинга находятся в постоянном развитии и за последние 100 лет претерпели много различных метаморфоз. В статье изложены ключевые элементы работы по созданию бренда столицы Республики Коми, который должен отвечать на большую часть современных требований и вызовов, предъявляемых к коммуникационным продуктам такого уровня. Современный брендинг территорий сталкивается часто с задачами по учету всех интересов контактных групп, заинтересованных в смене существующего имиджа и развитии региона. Практики по созданию компромиссного решения не всегда удовлетворяют требованиям стейкхолдеров. Поэтому требуется создание принципиально новой среды публичной коммуникации, в которой бы могли существовать разнонаправленные интересы всех заинтересованных сторон на основе социаль-*

но ответственного партнерства. Технология современного брендинга может использовать виртуальные и дополненные пространства, перемещая фокус внимания из действительности в интернет-пространство, где в результате пандемии и развития цифровых технологий все больше и больше предпочитает проводить время целевая аудитория. Кроме этого, размещение бренда на интегрированных игровых платформах позволяет участникам коммуникационного пространства не только вспоминать о бренде, но и совместно с ним проживать яркие и увлекательные игровые эпизоды.

Представляемая технология предусматривает привязку бренда к реальным историческим событиям и персонажам, значимым культурным, досуговым, спортивным объектам. В создаваемом коммуникационном пространстве открывается возможность организации и участия в региональных праздниках, конкурсах и других специальных событиях. В статье подробно изложены этапы проведения предварительных маркетинговых исследований, проведения поисковой игры с участием внутренних и внешних специалистов, стратегического планирования и тактической реализации разработанной технологии.

Ключевые слова: *брендинг, территориальный брендинг, коммуникация, Республика Коми, Сыктывкар, игровой брендинг, РПП-стратегия*

Для цитирования: Герасимов С. В., Синякова Л. В. Технологии регионального и республиканского брендинга: сыктывкарский кейс // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 24–47. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-24>

Technologies of Regional and Republican Branding: Syktvykar Case

Sergey V. Gerasimov¹, Lilia V. Sinyakova²

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

² ASDOR Association, St. Petersburg, Russia

^{1,2} votje82@mail.ru

Abstract. *Branding technologies are in constant development and have undergone many different metamorphoses over the past 100 years. The article outlines key elements of the work on creating a brand of the capital of the Komi Republic, which should meet most of the modern requirements and challenges for communication products of this level. Modern territory branding often faces the challenge of taking into account all the interests of contact groups interested in changing the existing image and developing the region. Practices for creating a compromise solution do not always satisfy the requirements of stakeholders. Therefore, it is necessary to create a fundamentally new environment for public*

communication, in which multidirectional interests of all parties concerned could exist on the basis of a socially responsible partnership. The technology of modern branding can use virtual and augmented spaces while shifting the focus from reality to the Internet space where, as a result of the pandemic and the development of digital technologies, the target audience increasingly prefers to spend their time. In addition, the placement of the brand on integrated gaming platforms allows the participants of the communication space not only to remember the brand, but also to live bright and exciting game episodes together with it.

The presented technology provides for linking the brand to real historical events and characters, significant cultural, leisure, sports facilities. The created communication space opens up the possibility of organizing and participating in regional holidays, contests and other special events. The article describes in detail the stages of conducting preliminary marketing research, conducting a search game with the participation of internal and external specialists, strategic planning and tactical implementation of the developed technology.

Keywords: branding, territorial branding, communications, Komi Republic, Syktyvkar, game branding, RPG-strategy

For citation: Gerasimov S. V., Sinyakova L. V. Technologies of Regional and Republican Branding: Syktyvkar Case. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022;4:24–47 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-24>

Введение. Технологии брендинга прошли большой эволюционный путь. Каждый эпизод развития был связан с конкретной задачей, начиная от клейма собственника на животных до формирований устойчивых рефлекторных паттернов у целевых аудиторий. В современном обществе брендинг товаров, услуг, персонажей, идей — наиболее прогрессивная технология привлечения внимания. В нашем случае речь идет об универсальной игровой оболочке, объединяющей как народы Республики Коми, так и гостей этого региона [1]. Одним из мощнейших мировых трендов, объединяющих в себе литературу, мультипликацию, кино и киносериалы, компьютерные игры, является развитие жанра фэнтези. Этот жанр имеет широкий спектр, и в его основе лежат Computer Role-Playing Game, или РПГ. В пространство, основанное на РПГ, входит литература таких жанров, как боевики, детективы, магическое фэнтези, альтернативные миры, апокалиптика, альтернативная история, научная фантастика и т. п. Возраст игроков, зрителей, читателей от 6 до 70+ лет, при этом существуют как сегментированные, так и пред-

назначенные широкому кругу¹ тексты, игры и видеофильмы. В этой искусственной реальности находится 3.1 млрд, или 40 % жителей Земли². В РФ за 2020 год рост количества посетителей таких сайтов вырос в 5 раз³.

В статье последовательно раскрывается опыт создания территориального бренда столицы Республики Коми — Сыктывкара. Уникальная особенность брендируемой территории — наличие в ней огромного культурного пласта устного народного творчества, запечатленного в местных нарративах [2, с. 160]. Республика буквально населена мифическими и сказочными персонажами, которые не только служат для воспитания детей и подростков, но и неразрывно связаны с местной культурой: с природой, народной медициной, охотой и рыболовством, особым отношением к человеку и миру. Эта особенность сегодня в 2022 году пересекается с мировым трендом, направленным на мир фэнтези, поиски нового трансцендентного знания в забытых и удаленных культурах. Таинственные истории окружают происхождение мегалитических сооружений на Северном Урале. К этому течению можно отнести и большой корпус рассказов о различных inferнальных существах, приходящих из потустороннего мира, помогающих и присматривающих за хозяйством в сложном быту народов Севера. Многие из этих персонажей известны россиянам как герои детских сказок, но в Республике Коми они не только уживаются с православной верой, но и ощущаются как реальные соседи и помощники. Особенностью территории является многоязычие населения и, в частности, наличие коми языка, относящегося к финно-угорской ветви уральской языковой семьи, на языках которой говорят и народы Европы, и целый ряд народов Поволжья и Западной Сибири. Язык коми, в отличие от многих других уральских языков, относится к старописьменным, ибо первая коми азбука была разработана еще Стефаном Пермским, хотя древних письменных памятников сохранилось немного [3].

¹ Жанры аниме и манги. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.04.2022).

² Сколько людей на планете играют в видеоигры? URL: <https://oblast45.ru/publication/34041#:~:text=> (дата обращения: 21.04.2022).

³ Компьютерные и видеоигры (российский рынок). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 21.04.2022).

Республика Коми и ее столица представляют собой сложный объект для брендинга. Сложность проявляется в большом количестве субстанциональных признаков региона, располагающихся в разных пространственных и временных координатах. Они напоминают матрешку концептов [4], за каждым новым смыслом раскрывается следующий горизонт реальности, несущий еще более скрытые смыслы. Сыктывкар представляет собой город, имеющий сложную сегментацию в ментальном, пространственном и символическом векторах развития [5]. С одной стороны, это усложняет и делает невозможным поиск общего единого культурного образа, с другой — открывает возможности построения динамичного бренда, учитывающего все интересы.

Кроме сказанного, современный мировой кинематограф находится в состоянии перехода от сюжетов, связанных с европейскими комиксами, к азиатским сюжетам в кино, литературе и мультипликации. В отличие от европейских комиксов, где сюжет разделен на борьбу добра со злом, японо-корейские сюжеты связаны с постоянным перерождением человека в новых реальностях, взаимодействием со сложным миром духов и стихий. Нарративы, существующие в Республике Коми, например ижмо-колвинский эпос, представляющий собой синтез народных представлений ненцев и северных коми [6], на взгляд автора, представляют собой синтез этих двух концептов, устойчивую сложную систему взаимосвязей людей, животных, духов, природы и т. д., которую хорошо знает каждый житель. Жители этого региона могут стать проводниками или сталкерами для всех желающих погрузиться в увлекательный, волнующий и драматичный мир культуры Республики Коми. Начиная такое длительное путешествие с непредсказуемым и интерактивным сюжетом, жители региона и его гости смогут через мифологический и мистический маршрут раскрыть свой внутренний мир, пересмотреть и скорректировать свои ценности и нормы, прийти в гармонию с собой и миром. Все перечисленное необходимо учитывать при позиционировании и продвижении бренда Республики Коми [7].

Необходимость конструирования бренда. Создание бренда для любого объекта: товара, услуги, персонажа, идеи, территории — продиктовано спецификой информационного общества, в котором необходимо постоянно преодолевать уровень информационного шума, который также растет [8]. В современных условиях брендинг представляет собой необходимость постоянно заявлять о себе

в публичном информационном пространстве. Если этого не делать, то информационная ниша будет заполняться случайной информацией с низким качеством. В таком ключе информация будет представлять собой слухи, сплетни, яркие события криминальной хроники. При этом замечательный объект может выглядеть крайне не презентабельно на фоне конкурентов.

В случае территориального брендинга акцент перемещается от продвижения достижений народного хозяйства региона к фантазийному описанию будущего. Современный брендинг — это не только бренд-бук, логотип и слоган, которые после создания могут лечь на полку или пропасть в отчетах о проделанной работе. Современный бренд — это пространство, где проводят свое время жители брендируемой территории и гости. «Окружение играет короля», а бренд создается в головах у людей. Таким образом, необходим интерактивный процесс, а не только доклад о собранном урожае и построенных квадратных метрах жилья. Необходимость создания бренда Республики Коми как новой реальности будущего, нарративного пространства, в котором гармонично могли бы существовать интересы всех стейкхолдеров, была обозначена в 2012 году [7] Г. Л. Тульчинским. Позже был собран и систематизирован опыт развития территорий, на которых присутствует выраженная производственная доминанта, в том числе с помощью технологии социального партнерства [9, с. 214–221].

В процессе исследования вопроса необходимости брендинга территории, а также идеи баланса между интересами властей [10], бизнеса и населения была отмечена роль использования художественно-постановочных средств в процессе создания интерактивного процесса взаимодействия всех заинтересованных [11]. Использовался опыт сбора и описания брендируемой территории, проведенный И. И. Лейман [12]. О необходимости брендинга и включении в него наукоемких технологий говорили и представители администрации, которые провели маркетинговые исследования в целевых аудиториях населения и бизнеса (результаты которых легли в основу проекта «Сыктывкар — столица леса»¹) и составили основу технического задания (брифа) на разработку бренда.

¹ Проект «Сыктывкар — столица леса» представили участникам межрегионального слета «Новаторы Севера». URL: <https://komiinform.ru/news/226986>; Знакомьтесь, Сыктывкар! Столица Республики Коми! Столица леса! URL: <https://b2b-market.world/exhibition/syktvykar-stolitsa-lesa/>; «Сыктывкар — столица

Кроме этого, в разработке концепции (идеи) бренда использовались рекомендации для конструирования образа территории Кевина Линча: «Для “работающего” образа необходима, во-первых, опознаваемость объекта, предполагающая различие его среди других. Во-вторых, образ должен включать в себя пространственную или формальную соотнесённость объекта с наблюдателем и другими объектами. В-третьих, объект должен иметь какое-то практическое или эмоциональное значение для наблюдателя»¹.

Разрабатываемый концепт интерактивного игрового пространства, кроме непосредственного формирования современного бренда, мог решать много различных задач. В этом ряду и задачи территориально ориентированного социально-культурного инжиниринга [13], создание платформы для интерактивной карты города и республики, размещение виртуальных коллекций музеев, библиотек, создание интерактивного концертного зала, архива. Современный бренд должен решать и экономические задачи, в том числе: информирование, разъяснение особенностей работы предприятий, размещение рекламы товаров и услуг, их продвижение в информационной среде с учетом идентичности активного населения [14]. Указанные проекты проходили и проходят в интерактивном режиме. Например, проект «Городские легенды — 2014»².

Постановка задачи. Инициатором создания бренда выступает Администрация города Сыктывкара — столицы Республики Коми. На протяжении последних лет предпринимались неоднократные попытки создания бренда Сыктывкара и Республики Коми.

К моменту начала подготовки поисковой игры были собраны, обобщены и представлены обширные материалы по деятельности и достижениям Республики Коми. В презентации проекта «Сыктывкар — столица леса» (ссылка выше) была представлена собранная администрацией города информация о современных достижениях в области лесопереработки и экспорта леса, образования, спорта и

леса»: в мэрии рассказали о масштабном проекте по преобразованию города. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/136933/> (дата обращения: 22.04.2022).

¹ Сайт В. Л. Глазычева. Линч К. «Образ города». URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city_1.htm (дата обращения: 22.04.2022).

² Проект «Городские легенды». URL: <https://xn--80adx5abi4ec.xn--p1ai/administration/upravlenie-informatsii-i-organizatsionnoj-raboty/gorodskie-legendy> (дата обращения: 22.04.2022).

культуры. Кроме этого, в этой презентации проекта администрации был сделан акцент на связи науки и административного аппарата, что служит потенциалом для развития региона. В проделанной работе было отмечено, что Республика Коми находится в мировом тренде роста строительства малоэтажного жилья из экологических материалов. Презентация обобщила большую работу по сбору и обработке данных по развитию Сыктывкара, были отмечены успехи в области событийного менеджмента, редевелопмента, реализации проектов в области культуры и спорта.

Для проведения ситуационного анализа, взгляда «изнутри» на задачу создания и продвижения бренда были привлечены специалисты из администрации города, активисты, студенты и преподаватели направления «Реклама и связи с общественностью» СГУ им. Питирима Сорокина. Анализом внешней коммуникационной среды и существующего имиджа региона занялись студенты и преподаватели направления «Государственное и муниципальное управление» ВШЭ-СПб.

В результате нескольких месяцев работы были проведены масштабные маркетинговые исследования и двусторонний ситуационный анализ проблемы. Большая часть кабинетных и полевых исследований проводилась по двум направлениям. Взгляд «изнутри» представляли студенты и преподаватели СГУ им. Питирима Сорокина. Их работа была проведена под непосредственным руководством и на основе теоретических и практических исследований в области территориального брендинга [11] зав. кафедрой связей с общественностью и рекламы СГУ И. И. Лейман. Подготовкой исследований и поисковой игры в сфере создания виртуальных реальностей [15] занималась доцент кафедры изобразительных искусств и дизайна СГУ А. В. Лянцевич. Оба руководителя сыктывкарской команды использовали в работе по сбору и систематизации данных свои авторские разработки в области территориального брендинга и дизайна. В результате был собран уникальный материал по глубокому анализу культурной среды Сыктывкара и Республики Коми, содержательная часть которого была представлена в «Аналитической записке» по итогам аналитического этапа и поисковой игры, представленной в администрацию города. Объем аналитической записки составляет более 33 страниц, поэтому в данной статье приводятся только наиболее существенные элементы и выводы исследований.

В первую очередь было необходимо выявить наиболее острые проблемы столицы и республики, которые можно решить с помощью территориального брендинга. В их число попали «ожидаемые» проблемы: отсутствие четко выраженной идентичности региона на фоне соседних территорий, наличие множества равнозначных потенциальных доминант, каждая из которых может служить изображением бренда города и края. Одним из краеугольных камней в поиске бренда стал ранее созданный бренд города: «Сыктывкар — столица леса». Несмотря на очень красивый слоган, в нем содержится внутреннее противоречие: город — это то, что противостоит загороду и отделяется от него оградой. В рассматриваемом случае лес — это то, что за пределами города, и наоборот. «Столица леса» — идея, которая хорошо ложится в формат классического бренда предыдущей, постиндустриальной, эпохи, и в ней содержится меседж о лучшей в стране деревоперерабатывающей отрасли. Подобный бренд, удовлетворяя коммуникационные ожидания крупного бизнеса, служит торговой маркой, гарантом качества и определенной уникальности. Несмотря на это, обнаружилось, что лес и деревообработка — это не тождественные понятия, одно способствует сокращению другого. Кроме этого, подростки и молодежь не хотят себя позиционировать в качестве «людей из леса», а именно к ним обращена идея будущего бренда.

Другой несомненной доминантой, претендующей на бренд, являются спортивные достижения жителей республики, многие из которых — поклонники зимних видов спорта, среди них есть неоднократные победители и призеры олимпиад и чемпионатов мира. Спорт, при всей своей притягательности, современности, экологичности и соответствии другим мировым мейнстримам в брендинге, все-таки недостаточно полно представляет особенности многовековой культуры жителей республики.

Кроме этого, в Коми существуют и другие доминанты для продвижения. Это элементы устного народного творчества, в котором отражены конвенциональные идеи народов Севера, феномен коми языка как части финно-угорского языка, распространенного на огромных территориях за пределами Коми, и другие уникальные особенности региона [16], в частности уникальная письменность народов коми.

По результатам напряженной работы культурологов, рекламистов, PR-специалистов, представителей государственного и муниципального управления, при непосредственном участии профессора Г. Л. Тульчинского (НИУ ВШЭ СПб.), доцентов И. И. Лейман и А. В. Лянцевич (СГУ им. Питирима Сорокина) 16 и 17 апреля 2022 года в Сыктывкаре была проведена поисковая игра для уточнения особенностей и возможностей концепта бренда и его продвижения. В игре принимали участие группы студентов из Санкт-Петербурга и Сыктывкара, аналитики и дизайнеры, которые вырабатывали идеи бренд-месседжей, обсуждали разницу во взгляде на брендинг «изнутри» и «снаружи», основные идеи визуализации бренда, ожидания контактных групп. Результаты исследований проходят обобщение и систематизацию, готовятся к публикации, послужат основой стратегического проектирования бренда.

При создании территориального бренда необходимо обратить внимание на некоторые особенности, присущие 2022 году, и на ряд принципиальных отличий от предыдущих опытов и наработок. Эти особенности не связаны напрямую с Сыктывкаром и Коми, а, скорее, являются глобальными трендами в мировой практике.

Во-первых, в результате пандемии Covid-19 в разы выросло количество пользователей сети Интернет и социальных сетей, поэтому любой бренд должен быть представлен там, где проводит время его целевая аудитория, контактные группы бренда, партнеры, СМИ, представители властей и стейкхолдеры. В качестве побочного тренда можно отметить рост числа пользователей и увеличение времени проживания человека в Сети, увеличилось количество литературы, видеосюжетов, игр как в мировом интернет-пространстве, так и в российском секторе. Особенное внимание стоит обратить на тотальное присутствие идей РПГ-стратегий (RPG, role-playing game) не только в играх, но и в быту, на работе и учебе. Современное комфортное существование человека связано с регулярным повышением и обновлением его качеств, свойств и уровней. Это может быть как традиционный социальный или карьерный рост, так и личностный, культурный, научный, профессиональный и любой другой рост. Современный человек стремится постоянно «апгрейдить» свои знания, умения и навыки, фиксировать достижения в публичном пространстве в виде удостоверений, грамот, сертификатов, дипломов и т. д.

Во-вторых, рост цифровизации и развитие информационного общества способствуют первой особенности, но и сами по себе имеют специфику. Современное публичное коммуникационное пространство обладает принципиально новыми свойствами. Каждый его участник может по своему выбору быть автором информации, её критиком или распространителем, собирателем или коллекционером, источником новостей. Даже если человек ничего не создает в социальной сети, то даже сам факт его присутствия влияет на контент, учитывается в счетчиках и других характеристиках интернет-пространства.

В-третьих, культурное пространство как в Интернете, так и в офлайне столкнулось с информационным голодом и информационным шумом. Первый феномен связан с перманентным поиском информации по принципу: «владеющий информацией владеет миром». Поиск информации становится навязчивой необходимостью жителя информационного общества, для того чтобы стать вторичным источником наррации и перформативов, заключенных в наррации [17]. Информационный шум — результат не только постоянного роста интегрированных маркетинговых коммуникаций, но и желания большого числа жителей, проживающих время в социальных сетях, привлечь к себе внимание.

В ходе проведенной игры и дискуссии были выявлены следующие, во многом взаимосвязанные вопросы:

- как снять стигму «провинциального города»;
- как сократить миграцию молодежи из города;
- какое конкурентное преимущество есть у Сыктывкара перед другими экогородами;
- как решить проблему транспортной доступности, которая может стать ограничением для туризма;
- на какую аудиторию ориентирован брендинг города и как совместить разнообразные интересы целевых аудиторий;
- как выделиться на фоне городов-конкурентов: Ухты, Кирова, Перми, Ханты-Мансийска, Архангельска;
- какой концепт брендинга наиболее актуален и важен для целевой аудитории;
- как привлечь артистов и блогеров, родившихся и живущих в Республике Коми, для продвижения Сыктывкара и участия в его проектах;

- как организовать клиентский путь по городу;
- как повысить медиапредставленность города;
- как создать непротиворечивый образ онлайн- и офлайн-пространства города;
- как внедрить дизайн-код на улицах Сыктывкара.

Идея территориального (республиканского) бренда. В основу идеи бренда была положена концепция Г. Л. Тульчинского о том, что современный бренд дает ответ на надежды, чаяния, обещание реализации желаемого и представляет собой волшебную историю о магическом артефакте, причастность которому открывает дверь в царство мечты [16]. Современный территориальный брендинг в 2022 году состоит не столько из достижений народного хозяйства самой территории, сколько из нарративов, описывающих желаемое будущее брендируемого региона. При этом желаемое будущее, даже если оно в настоящем выглядит как миф или фантазия, может сильно отличаться от действительности. В противном случае пропадает образ будущего. В нашем случае идея представляет собой создание вокруг «волшебного артефакта» реальности с необычными свойствами, привязанной с помощью переходов к реальному городу и к реальной местности, в которой человек может проявить свои особенности или получить конкурентные преимущества. Таким «царством мечты» станет многоуровневая экскурсионно-игровая компьютерная реальность, в которой каждый может стать участником, сталкером, автором, критиком, игроком, читателем и зрителем. Обычно такими свойствами, кроме компьютерных игр, обладают литература и кино, куда устремляется зритель для переживания того опыта, который хотелось бы пережить в реальности. Переживая опыт героя или окунаясь в пространство с необычными свойствами (например, иную эпоху, иное место, иную социальную среду), зритель или читатель реализует свои фантазии и становится счастливее.

Для создания бренда необходимо решить несколько задач. Во-первых, бренд должен быть пространством, где могут находиться, общаться, работать, играть, переживать и конструировать событийный ряд участники и фанаты бренда. Во-вторых, бренд должен сбалансированно учитывать интересы всех контактных групп и базисного субъекта, интегрировать в себя все существующие и создаваемые доминанты, которых в Сыктывкаре и Коми огромное коли-

чество. В-третьих, бренд должен легко масштабироваться от каждого жителя или населенного пункта до Республики Коми без потери идентичности. В-четвертых, главными героями бренда должны быть хозяева края, они должны быть помещены в фокус внимания. В-пятых, гости должны проводить определенную часть времени в этой игре на постоянной основе. Чем больше будет игроков, тем популярнее станет бренд и сам край: «Короля играет окружение».

В результате бренд Сыктывкара и Республики Коми может быть реализован как многоуровневая игровая коммуникационная платформа. Рабочее название на сегодняшний день: «Сыктывкар — вход в Коми».

Описание бренда. В основе идеи — конструирование принципиально новой коммуникационной платформы, включающей в себя синтез нарративов, связанных с культурой и историей Сыктывкара. Вероятный успех такого решения обусловлен связью проекта с местными традициями, с Биармией, финно-угорской традицией, желанием видеть город экологичным, связанным с лесом. В то же время необходимо преодолеть оппозицию «город — лес» в этом проекте. Коммуникационным аспектом предлагаемой технологии брендинга будет организация интересного как жителям, так и гостям территории комфортного существования в интернет-пространстве с возможностью обучаться, играть, общаться, работать и совместно проводить свободное время.

Для этого предлагается создать альтернативный город в виртуальном и дополненном пространстве, основой которого будет реальный Сыктывкар. Виртуальный и реальный город будут соединяться в нескольких интерактивных точках: музеях, выставочных павильонах, базах отдыха, театрах, кинотеатрах, учебных и административных, деловых центрах, на заправках, на автомойках, парках, смотровых площадках, во время специальных событий. В тех местах и тогда, когда у человека есть свободные 5 минут, телефон и доступ в Интернет. Каждая интерактивная локация будет неразрывно связана со всем пространством как географически, так и через систему интернет-переходов. Она может включать в себя, соответственно, место встречи для разных игроков и групп, места для контактов с администрацией города, места обучения ремеслам (чеканка, кузня, гончарное производство, шорное, бондарное, кожевенное

и т. п., с производством сувениров на память), лектории, траектории экскурсий, проложенных по городу между этими местами (возможно использование аниматоров и аудиогидов как, например, в Смольном, Эрмитаже или Исаакиевском соборе), места для отдыха, гостиницы, рестораны, кафе и прочие инфраструктурные объекты. Для обеспечения развития проекта необходимо создание серий взаимосвязанных компьютерных игр, сериалов, мультфильмов и кино, написание большого объема различных по жанрам историй и романов, в основе которых будет РПГ-стратегия. Создание культовой музыки, которую бы слушали фанаты, создание сети «клубов фанатов бренда» [18, с. 28–29].

Все места должны быть созданы как в действительности, так и в дополненных реальностях в одном дизайне, с привязкой к геолокации, с доступом в мировую сеть.

Бренд представляет собой игровое пространство, где могут встречаться как жители Коми, так и гости столицы и республики. Их объединяет rpg-стратегия. В результате нахождения в игровом пространстве каждый получит баллы, очки, бонусы, награды, призы. В этой стратегии каждый участник сам выбирает себе траекторию роста для себя и для своего игрового персонажа. Как уже было заявлено, бренд представляет собой многоуровневую коммуникационную платформу, часть объектов которой находится в действительности и привязана к реальным узнаваемым местам, находящимся в Сыктывкаре и на территории республики. К каждому из этих объектов с помощью технологий дополнительной реальности (AR) привязано информационное пространство, на котором игрока-гостя встречает локальный NPS (Non-Player Character) — персонаж, созданный компьютерными игровыми конструкторами. Этот персонаж может быть историческим, вымышленным, игровым. Он объясняет участнику особенности данной локации, ее исторические особенности, возможности по «прокачке» свойств игрока, связанные с конкретной локацией. Таким образом, первый уровень представляет собой расширенный гид-путеводитель, в котором экскурсоводами выступают исторические или мифические жители, возможно духи или другие обитатели платформы. В интерактивном путеводителе игроки могут получать бонусы, баллы, призы и подарки. Кроме этого, к реальной экскурсии в игре могут подключаться виртуальные зрители с помощью системы интерактивных

web-камер. Первый уровень представляет полноценную MR (Mixed reality) MR-игру. Вход в игру из реальности может осуществляться по картинке (изображению бренда) или QR-коду прямо с улицы, кафе, вокзала или аэропорта.

На других уровнях присутствуют более сложные локации, также связанные с виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальностями. Здесь возможны игры-симуляторы и реконструкции исторических событий, строящихся объектов (для бизнес-туристов), пресс-туры по живописным уголкам края и объектам промышленности. При этом участники могут увидеть скрытые обычному взору локации, увидеть сложные производственные процессы, совершить путешествия в пространстве и времени. Стейкхолдеры могут разместить не только изображения своей продукции и цены, но и все, что посчитают необходимым, включая виртуальные комнаты для конференций. Само собой, их товары, услуги, предприятия могут быть размещены в играх как ключевые элементы сюжета. Представители промышленности также могут использовать лесных персонажей на свой вкус и выбор, главное, чтобы все они находились в одной связке сюжетов и в одной стилистике.

На других уровнях представлены игры-стратегии по мотивам нарративов народов коми, здесь должен быть представлен большой спектр игр, где участникам можно проходить траектории командно, индивидуально, в составе смешанных групп, где часть игроков движется согласно сценарию игры, а другая группа помогает и комментирует дистанционно. Поскольку народные сказания представлены очень широкой палитрой персонажей, то и игры должны быть рассчитаны на большое количество времени проживания в игре. Возможны и соревнования с привлечением болельщиков и экспертов.

Кроме игр-стратегий, у посетителей портала будет возможность погрузиться в природу края, посетить старинные жилища, поучаствовать в народных играх и обрядах, побывать на охоте или рыбалке, встретить рассвет или закат в живописных уголках. В интерактивном режиме можно будет задать вопросы и получить ответы. Вероятно, будут пользоваться спросом спортивные соревнования, предложенные в виде игр-симуляторов. Такие игры могут сочетать адаптированные гонки как на снегоходах и вездеходах, так и на собачьих или оленьих упряжках, лыжах, лодках.

Вся игра будет пронизана гиперпереходами с одного уровня на другой, в различных местах будет видно, кто сейчас в игре, кто лидер в той или иной области.

Поскольку игра предназначена как для местных участников, так и для гостей города, система должна быть оснащена синхронным переводом на все основные языки потенциальных гостей.

В результате работы платформы необходимо добиваться «вау-эффекта», который достигается с помощью специальных эффектов, необычными и нестандартными сценарными ходами, драматическими моментами и другими художественно-постановочными способами [19]. Погружение в игру, как и слоган «Сыктывкар — вход в Коми», должны сопровождаться переносом в иную реальность Республики Коми, связанную с волшебством, магией, колдунами и супергероями. Подобная трансгрессия может быть реализована с учетом опыта европейских комиксов, набирающими популярность азиатскими (японо-корейскими) мангами и ранобэ, а также разработкой собственных сюжетов по мотивам коми сказок и преданий.

Кроме того, в игре должны быть использованы ресурсы и потенциал учреждений культуры с находящимися там фотографиями, историческими предметами, рассказами и повестями, от древних до современных. В работе компьютерной игровой платформы также могут проходить конкурсы для писателей и поэтов, которые пишут на темы, заявленные в игре.

Особенности организационной и технологической стратегии игрового бренда. Этапы конструирования бренда. Работа по созданию бренда делится на несколько основных этапов. Они располагаются в следующем порядке. Анализ ситуации, целеполагание, разработка стратегии и методологии, создание интерактивной тактической модели по принципу «задача выполнена — продвигаемся далее, если нет — возврат, анализ, повтор». Далее следуют этапы согласования работы со всеми заинтересованными сторонами, возможности по финансированию, расчеты безубыточности, создание рабочих моделей и образцов, создание рабочих фокус-групп для оперативных исследований. Опыт реализации программ по территориальному брендингу, например в Санкт-Петербурге, показал невозможность использования технологий полевых исследований, популярных во второй половине XX века в странах Европы и США (например, опросы или глубинные интервью). Проблема таких маркетинговых ис-

следований заключается в том, что их результат зависит от многих факторов, может меняться в зависимости от настроения опрашиваемого. Ответы зависят от того, кто спрашивает, как формулируется вопрос и порядок вопросов. Каждый опрашиваемый желает выглядеть в глазах маркетолога лучше, чем есть на самом деле: образованнее, начитаннее, более заинтересованным в развитии спорта, политики, культуры и искусств, чем на самом деле. Кроме этого, динамично меняющаяся макроэкономическая среда постоянно вносит поправки: санкции, курсы валют, смены политических и культурных трендов. В таких условиях невозможно опираться на общественное мнение, которое в информационном обществе является предметом манипуляции. Более эффективными для объективной оценки оказываются психометрические алгоритмы расчета поведенческих паттернов, глубинного анализа данных (data mining), используемые, например, Стивом Бенноном и Breitbart Embassy в США или Cambridge Analytica в Объединенном королевстве [20].

Исследования общественного мнения горожан и жителей республики не представляются перспективными в силу указанных выше причин. Возможно, для калибровки цветовой гаммы, игрового контента и стиля презентации потребуются локальные исследования фокус-групп. Как уже было сказано, российские граждане в разы увеличили свое присутствие в сети Интернет. И они продолжают наращивать там свое присутствие. Задача брендмейкеров — создать условия для присутствия активных жителей в брендируемом коммуникационном пространстве в Интернете, по возможностям и контенту не уступающем другим платформам. В этом случае соблюдаются правила Линча: платформа **опознаваема** участниками как игровой портал, присутствует пространственная **соотнесенность** с реальным городом и республикой, в процессе пользования **реализуются прагматические цели** участников. В настоящее время возможности организаторов по получению и обработке Big Data, электронных документов и результатов веб-аналитики пока еще весьма скромные, представляется целесообразным создать работающий образец и подвергнуть его тестированию всеми желающими.

Концепт бренда — интерактивная платформа для жителей города, которая находится в сопрягаемых переходах коммуникационных пространствах: реальном, дополненном и виртуально-игровом.

Этапы создания рабочей модели.

1. Для реализации коммуникационного проекта «Сыктывкар — вход в Республику Коми» необходимо создать организацию, юридическое лицо, которое бы могло набирать сотрудников и вести финансовую деятельность по проекту.

2. Материал, собранный экспертной группой в результате маркетингового анализа по Сыктывкару, Республике Коми, следует обобщить и систематизировать по примеру работы фокус-группы дизайнеров НИУ ВШЭ.

3. Следующими в процесс подготовки включаются инженеры-программисты, которые разрабатывают или адаптируют готовый «движок» игры (game engine). Этот этап связан с разработкой и адаптацией программного обеспечения. После этого группа программистов и активистов по согласованному плану маркируют пространство города, привязывая к нему «кроличьи норы» — переходы между игровым пространством и реальностью. В это время создаются технические ресурсы для бренда: компьютеры, серверы, веб-камеры, студии для съемок, тон-ателье, интернет-коммуникации с расчетом на возможное число посетителей.

4. По окончании этапа 3 за работу принимаются игровые сценаристы, которые должны создать сложную архитектуру игрового пространства: синтезированные коммуникационные локации, привязанные к стейкхолдерам, их товарам и услугам, администрации, спортивные объекты, элементы инфраструктуры и т. п. Сценаристы должны учитывать особенности реального города и леса, сезоны, смены дня и ночи, точки входа и выхода, систему мониторинга, интерактивные программы и элементы.

5. После этого идет совместная с этнографами разработка основных сюжетов и героев, как исторических, так и ныне живущих, как традиционных эпических и легендарных, так и созданных заново. Это самый сложный этап, от него зависит то количество времени, которое посетитель платформы будет проводить в игре. В результате должны появиться тексты путеводителей, которые надо будет перевести в формат аудиогидов, сценарии игр-квестов, симуляторов, тексты для NPS-персонажей, игр-стратегий, игр-детективов, основные сюжетные ветки для писателей самиздата и фанфика.

Вся работа сопровождается дизайнерским поиском и оформлением, каждый интерактивный элемент игры, каждый фон или локация должны быть созданы в единой стилистической гамме, с одинаковыми символами и знаками. Это создаст уникальный легко

опознаваемый стиль, который позже перенесется на товарные знаки и элементы фирменного стиля всех заинтересованных контактных групп.

6. На следующем этапе создается медиаплан, в основе которого будет стратегическая событийная коммуникация, управляющая паттернами продвижения бренда во внутреннюю и внешнюю среду. События, находящиеся в основе такого медиаплана, должны обладать уровнем информационного повода, превышающего информационный шум. Медиаплан выстраивается в интерактивном режиме, позволяющем с помощью коммуникационного аудита и мониторинга медиасферы быстро маневрировать в современных условиях, реагируя на ситуацию в мире и стране. Медиаплан ложится в основу бизнес-плана, создаются тарифы и сметы расходов. Собирается штат постоянных работников, которые будут обслуживать проект.

7. Следующими к проекту приглашаются режиссеры и видеооператоры, которые создадут видеоролики, заставки, рекламные сюжеты, интервью с экспертами, отклики звезд и медиаперсон. В это время писатели создают большое количество историй про «Портал в Коми», создают вселенную Коми, связывают историями реальность и древний эпос. В этом случае одни и те же герои и истории, взаимно пересекаясь, создадут у гостей эффект узнавания или припоминания. Это необходимо для преодоления барьеров «свой — чужой», которые неизбежно возникают при пересечении семантического поля чужой культуры [21].

8. На заключительном этапе пилотный проект запускается в Интернет в режиме тестирования специалистами, стейхолдерами, добровольцами, представителями администрации, всеми заинтересованными сторонами. В пространстве платформы размещаются счетчики посещения гостями тех или иных локаций, фиксируется время, проведенное в пространстве бренда, создаются стратегические и тактические поведенческие паттерны и маршруты. Собранная информация систематизируется, корректируется, вносятся поправки в интерактивном режиме. Процесс наладки и корректировки будет продолжаться все время существования игрового развлекательного портала. Это связано с динамично изменяющимся информационным обществом, его векторами развития и трендами, макросредой, вероятным появлением новых участников.

Перспективы исследований. В ближайшем рассмотрении представляется решение нескольких задач, которые не вошли в

первый этап поисковой деловой игры. В первую очередь это изучение стейкхолдеров республики, от которых будет зависеть объем проводимых работ и первоначальное финансирование до выхода в точку самоокупаемости проекта. Необходимо реализовать модель социального партнерства [22] всех заинтересованных контактных групп в области решения проблем: городской и краевой идентичности, миграционного оттока, придания территории наукоемкого современного дизайна. В процессе игры были проведены опросы двух фокус-групп: группы СГУ «внутренний взгляд» и группы НИУ ВШЭ «взгляд снаружи». Но представляется перспективным расширение исследования общественного мнения населения столицы Коми по поводу визуализации предлагаемых виртуальных пространств, специфики сюжетов, используемых в игровых сценариях. Необходимо, на взгляд организаторов, продолжить уточнение вопросов, связанных с символическим маркированием территории города. Кроме того, в составе двух команд было бы целесообразно разработать макет такого пространства. Выделить городские и региональные доминанты.

Выводы. Предлагаемая рабочая модель бренда в виде интерактивной игровой платформы может решить большинство поставленных задач. В первую очередь наличие такого инструмента будет означать владение представителями администрации самыми передовыми цифровыми инструментами. Описанные информационно-коммуникационные технологии позволят позиционировать Сыктывкар и Республику Коми как центр информационных технологий. Указанная технология формирования бренда легко масштабируется, и в нее может интегрироваться любой спортивный, административный, торговый или производственный бренд. Современным подросткам, студентам и молодежи будет приятно осознавать себя сопричастными к уникальной платформе, они смогут почувствовать себя радушными хозяевами и проводниками в цифровом мире культуры коми, которая таинственна и непонятна другим регионам России, отчего особенно привлекательна. Помещая в центр информационного пространства республики современный технологичный продукт, мы автоматически поднимем статус всех сопричастных к проблемам коми. Создание дополнительного паблицитного капитала привлечет к сообществу новых гостей: любителей и профессионалов, которые, будучи вовлеченными в увлекательную игру, захотят быть сопричастными к жизни этого удивительного региона России.

Список источников

1. Герасимов С. В., Синякова Л. В. Территориальный брендинг: между действительностью и виртуальной реальностью // Брендинг как коммуникационная технология XXI века : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01–02 марта 2022 года / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 92–94.
2. Рогачёв М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX веков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. 246 с.
3. Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник / под ред. Ю. П. Шабаева, А. П. Садохина, В. Э. Шарاپова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 651 с.
4. Фадеева И. Е. Русская матрешка, или «бездны духа» (к вопросу о русской национальной концептосфере) // Вестник ВятГГУ. 2013. № 4–1. С. 116–122.
5. Шабаев Ю. П., Рябинкин Г. С. Парижские тайны столицы Коми: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве города // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 128–147.
6. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. 255 с.
7. Тульчинский Г. Л. Брендинг как фактор позиционирования и продвижения регионов // PR и реклама в системе территориального маркетинга. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 138–159.
8. Герасимов С. В. Специальное событие в современном социокультурном контексте // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 68–84. DOI 10.34130/2233-1277-2022-2-68.
9. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: СПбГУ, 2013. 280 с.
10. Горуневич А. Н., Лейман И. И. Территориальный брендинг как фактор развития коммуникаций государства, бизнеса и общества // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 20-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 15–16 ноября 2018 года / отв. ред. В. М. Самусевіч. Мінск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 211–213.
11. Лейман И. И. Брендинг территорий. Региональные кейсы [Электронный ресурс]. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).
12. Лейман И. И. Возможности и направления формирования бренда территории (на примере Республики Коми) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 4. С. 106–118.
13. Тульчинский Г. Л. Цифровизация и социально-культурный инжиниринг // Философские науки. 2018. № 6. С. 100–108.

14. Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2021. 286 с.
15. Лянцевич А. В., Ившин К. С. Северный культурный код в дизайне цифровой книги // Дизайн и технологии. 2020. № 76(118). С. 117–123.
16. Тульчинский Г. Л. Брендинг мест (городов, территорий): на примере Республики Коми // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2012. № 10. С. 24–30.
17. Герасимов С. В. Формирование нарратива из перформатива в публичных коммуникациях // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. С. 34–49.
18. Эдельман Д. Пора перестать выбрасывать деньги на ветер. Стратегический маркетинг : пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Пабlishер, 2017. 224 с.
19. Gerasimov S. Development of manipulation technologies // Philosophy of Science. 2016. Vol. 83. No 5. Pp. 1523–1532.
20. Thaler R. H., Sunstein C. R. 2008. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press.
21. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1 (43). С. 101–113.
22. Нещадин А., Тульчинский Г. Развитие неурбанизированных территорий: инновации и социальное партнерство // Общество и экономика. 2012. № 11. С. 85–94.

References

1. Gerasimov S. V., Sinjakova L. V. Territorial branding: between reality and virtual reality. *Brending kak kommunikacionnaja tehnologija XXI veka : materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Branding as a Communication Technology of the 21st Century: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg: SPbGEU, 2022. Pp. 92–94. (In Russ.)
2. Rogachyov M. B. *Stolica zyryanskogo kraja: ocherki istorii Ust'-Sysol'ska konca XVIII — nachala XX vekov* [The Capital of the Zyryansk Territory: Essays on the History of Ust-Sysolsk at the End of the 18th Century and the Beginning of the 20th Century]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 2006. 246 p. (In Russ.)
3. *Ural'skaja jazykovaja sem'ja: narody, regiony i strany. Jetnopoliticheskij spravochnik* [Uralic language family: peoples, regions and countries. Ethnopolitical handbook.] / Pod redakciej Ju. P Shabaeva, A. P. Sadohina, V. Je. Sharapova. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2015. 651 p.
4. Fadeeva I. E. Russian matryoshka, or “the abyss of the spirit” (to the question of the Russian national concept sphere). *Vestnik VyatGGU* [Herald of Humanitarian Education], 2013, no 4–1, pp. 116–122. (In Russ.)

5. Shabaev Yu. P., Ryabinkin G. S. Parisian secrets of the capital of Komi: the plurality of images and identities in the cultural space of the city. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014, no 3, pp. 128–147. (In Russ.)
6. Mikushev A. K. *Epic forms of Komi folklore* [Epic forms of Komi folklore]. Leningrad: Nauka, 1973. 255p.
7. Tul'chinskij G. L. Branding as a factor of positioning and promotion of regions. *PR i reklama v sisteme territorial'nogo marketinga* [PR and advertising in the system of territorial marketing]. St. Petersburg: SPbGU, 2012. Pp. 138–159. (In Russ.)
8. Gerasimov S. V. Special event in a modern socio-cultural context. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye = Human. Culture. Education, 2022, no 2(44)*, pp. 68–84. (In Russ.)
9. Tul'chinskij G. L. *Total Branding: mifodizajn postinformacionnogo obshhestva* [Total Branding: the mythodesign of the post-information society]. St. Petersburg: SPbGU. 2013. 280 p. (In Russ.)
10. Gorunovich A. N., Leyman I. I. Territorial branding as a factor in the development of communications between the state, business and society. *Zhurnalistyka-2018: stan, prablemy i perspektyvy: materyaly 20-y Mizhnarodnay navukova-praktychnay kanfer-entsyi, Minsk, 15–16 noyabrya 2018 goda / Otv. red. V.M. Samusevich*. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. Pp. 211–213. (In Russ.)
11. Leyman I. I. *Brending territoriy. Regional'nyye keysy* [Territory branding. Regional cases]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2021. (In Russ.)
12. Lejman I. I. Opportunities and directions for the formation of a territory brand (on the example of the Komi Republic). *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 2018, vol. 12, no 4, pp. 106–118. (In Russ.)
13. Tul'chinskij G. L. Digitalization and social engineering. *Filosofskiye nauki* [Philosophical Sciences], 2018, no 6, pp. 100–108. (In Russ.)
14. Lisenkova A. A. *Transformatsiya sotsiokul'turnoy identichnosti v tsifrovom prostranstve* [Transformation of Socio-Cultural Identity in the Digital Space]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2021. 286 p. (In Russ.)
15. Lyancevich A. V., Ivshin K. S. Nordic cultural code in digital book design. *Dizajn i tekhnologii* [Design and technology], 2020, no 76(118), pp. 117–123. (In Russ.)
16. Tul'chinskij G. L. Branding of places (cities, territories): on the example of the Komi Republic. *PR i reklama v izmenjajushhemsja mire: regional'nyj aspekt* [PR and advertising in a changing world: a regional aspect], 2012, no 10, pp. 24–30. (In Russ.)

17. Gerasimov S. V. Formation of Narrative from Performative in Public Communications. *Slovo.ru: baltijskij akcent* [Word: Baltic accent], 2020, vol. 11, no 1, pp. 34–49. (In Russ.)

18. Jedel'man D. *Pora perestat' vybrasyvat' den'gi na veter. Strategicheskij marketing* [It's time to stop throwing money away. Strategic Marketing] / per. s angl. 2-e izd. Moscow: Al'pina Publisher, 2017. 224 p. (In Russ.)

19. Gerasimov S. Development of manipulation technologies. *Philosophy of Science*. 2016, vol. 83, no 5, pp. 1523–1532.

20. Thaler R. H., Sunstein C. R. 2008. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press.

21. Tul'chinskij G. L. Humanitarian Expertise and Social Semiotics: Opportunities for Regional Sociocultural Projection. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2022, no 1 (43), pp. 101–113. (In Russ.)

22. Neshchadin A., Tul'chinskiy G. Development of non-urbanized territories: innovations and social partnership. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2012, no 11, pp. 85–94. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Герасимов Сергей Викторович

Sergey V. Gerasimov

кандидат философских наук, доцент
кафедры коммуникационных
технологий и связей с
общественностью, Санкт-
Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-
Петербург

Associate Professor of the
Department of Communication
Technologies and Public Relations
of St. Petersburg State University of
Economics, St. Petersburg, Russia

191023, Россия, Санкт-Петербург, ул.
Садовая, д. 21

21 Sadovaya St., St. Petersburg,
Russia, 191023

Синякова Лилия Владимировна

Lilia V. Sinyakova

Ассоциация АСДОР, Санкт-Петербург,
Россия

ASDOR Association, St. Petersburg,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

24.04.2022
17.06.2022
23.07.2022

Научная статья / Original article

УДК 72.036

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

**Дискуссия о сущности храмов русско-византийского стиля
К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века**

Клюкина Людмила Александровна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
klyukina-la77@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование дискуссии о сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века, а также реконструкция на примере данной дискуссии логики бинарности самосознания русской культуры. При изучении текстов представителей общественной мысли использовался логический и исторический анализ. Построение и описание самосознания культуры России осуществлялось в контексте семиотического подхода, разработанного Ю. М. Лотманом. Автор статьи сделал следующие выводы. В указанный период сложилось и сохраняется двойственное представление о сущности церковного зодчества Тона. Это объяснялось эклектическим методом проектирования архитектора, сочетающим элементы классицизма и древнерусского зодчества. Подражая древнерусскому зодчеству, архитектор создал визуальный образ храма «православной империи». Так как тоновская архитектура была стилеобразующей, то ее условно можно считать преемственной по отношению к московскому культовому зодчеству XV–XVI веков. Восприятие образов храмов формировалось в рамках дуальной модели культуры, унаследованной от петровской эпохи, и зависело от идейной позиции реципиента. В ходе изучения дискуссии о сущности русско-византийского стиля Тона была выявлена особенность самосознания отечественной культуры, основанная на конституировании смысла национально-государственного бытия в границах оппозиции «свое» — «чужое», где границы «своего» и «чужого» задаются пониманием древнерусской концепции «Третьего Рима» и инновациями петровского и послепетровского времени. В отечественной архитектуре и искусствоведении была признана художественная ценность церковных произведений Тона. Результаты исследования могут применяться в культурной политике, направленной на сохранение и реставрацию исторических культурных памятников, а также на строительство новых церквей. Материалы статьи могут ис-

пользоваться при чтении курсов по культурологии и истории культуры России. Изучение архитектурных произведений в качестве культурных текстов, манифестирующих или репрезентирующих сознание отечественной культуры, является перспективным, способствующим исследованию и сохранению культурно-исторической памяти России.

Ключевые слова. К. А. Тон, «народность», русско-византийский стиль, церковная архитектура

Для цитирования: Ключкина Л. А. Дискуссия о сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 48–63. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

Discussion on the Essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque Temples in the National Culture from the 19th through to the Early 21st Century

Ludmila A. Klyukina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, klyukina-la77@yandex.ru

Abstract. *This articles aims to inquire into the discussion on the essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque temples in the national culture from the 19th through to the early 21st century, as well as reconstruct the logic of the self-awareness of Russian culture basing on the example of this discussion. Logical and historical analysis was employed as the method for examining the texts of social thinkers. The construction and description of the logic of the self-awareness of Russian culture were conducted in the context of Y. M. Lotman's semiotic approach. The author of this article has come to the following conclusions. In the aforementioned period of time, an ambiguous conception of the essence of Ton's temple architecture has developed and persisted. It was explained by the eclectic method of the architect's design planning that combined elements of classic and ancient Russian architecture. Emulating ancient Russian architecture, Ton created the illusion of the unity of "clergy" and "royalty" in the visual images of temples. As Ton's architecture was style-shaping, it can be deemed successive in relation to Muscovite sacral architecture of the 15-16th centuries. The perception of the images of temples had been shaping in the framework of the dualistic cultural model, and dependent on the ideological position of the recipient. In the process of studying the discussion on the essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque style, the logic of the self-awareness of Russian culture was unraveled. This logic is based on constituting discourse in the framework of "self-other" opposition, where the limits of the "self" and the "other" are set by the understanding of the ancient Russian concept of Third Rome. Since the ending of the 20th century, the artistic value of Ton's works*

had been recognized in national architecture and art history. The results of this study can be applied to cultural politics aimed at preservation and restoration of historical and cultural monuments, as well as building new temples. The materials of this articles can be used in academic programs on cultural studies and history of Russian culture. Examining edifices as cultural text that manifest or represent the self-awareness of national culture is a promising method that encourages studying and preserving the cultural and historical memory of Russia.

Keywords: K.A. Ton, national ethos, Russian-Byzantinesque style, sacral architecture

For citation: Klyukina L. A. Discussion on the Essence of K. A. Ton's Russian-Byzantinesque Temples in the National Culture from the 19th through to the Early 21st Century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022;4:48–63 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

Введение. Русский архитектор Константин Андреевич Тон (1794–1881) официально считается основателем русско-византийского стиля храмового зодчества XIX века. Его первым произведением, построенным в русско-византийском стиле, была Екатерининская церковь в Санкт-Петербурге (1830–1838). Затем были созданы самые известные произведения данного стиля: памятник Отечественной войны 1812 года Храм Христа Спасителя в Москве (1839–1883) [1, с. 107] и Церковь Введения в Семеновском полку в Санкт-Петербурге (1837–1842) [1, с. 105]. Все свои произведения Тон создавал по государственному заказу. После войны 1812 года в России усиливаются патриотические настроения, связанные со стремлением возрождения основ русской православной культуры и народности, укреплением российской государственности. Поиск форм выражения национального самосознания и культуры осуществлялся под контролем государственной власти путем использования различных методов. В кругах архитекторов того времени понятие «народность» — идеологическая формула министра просвещения С. С. Уварова — понималось как внешнее подражание образцам русского зодчества допетровской эпохи [1, с. 110]. Тон использовал при сооружении произведений русско-византийского стиля достижения современной европейской архитектуры и элементы древнерусского зодчества. Хотя в основании храмов был положен «византийский крест», при возведении самого здания Тон использовал приемы классицизма. Национальные черты стиля пе-

редавались внешними декоративными средствами: пятью «луковичными главами», цилиндрическими барабанами глав, аркатурным поясом грандиозных размеров, белокаменной резьбой стен [1, с. 108]. Наиболее гармонического сочетания между кубическим объемом низа и верхней пятиглавой частью Тон достиг в строительстве Семеновской церкви. Поэтому проект этой церкви, а также ряд других проектов данного стиля был рекомендован властью в 1841 году в качестве образца при проектировании православных храмов во всей Российской империи [2, с. 83]. Построенные в данном стиле церкви не были копиями утвержденного образца, они отличались друг от друга по плану и по соотношению объемов. В царствование императора Николая I стиль Тона был признан официальным стилем русской православной храмовой архитектуры. Однако николаевское правительство было последним правительством, серьезно контролировавшим развитие архитектуры. В конце XIX века «архитектура абсолютизма» сменилась «архитектурой капитализма» и функция строительного контроля передается государством городским управам [3, с. 74–75]. К этому времени уже были хорошо изучены с научной точки зрения образцы древнерусской и византийской архитектуры и отдельными специалистами был сделан вывод о несоответствии тоновских храмов образцам этих традиций. В начале XX века в первые годы советской власти многие храмы русско-византийского стиля были разрушены, в том числе и Храм Христа Спасителя в Москве. В конце XX века обращение к храмовой архитектуре Тона снова становится актуальным; в 90-е годы в Москве воссоздается Храм Христа Спасителя, который понимается символом возрождения православной культуры России. Черты русско-византийского стиля встречаются довольно часто и в российской региональной церковной архитектуре к. XX–XXI века. В этой связи изучение дискуссии о том, какой смысл выражают храмовые произведения Тона русско-византийского стиля, является актуальным, так как дает представление о развитии некоторых аспектов культурного самосознания России.

Целью статьи является анализ точек зрения философов, архитекторов, историков архитектуры, искусствоведов относительно сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона XIX — н. XXI века, а также выявление на примере данной дискуссии бинарной логики самосознания культуры России.

Методы исследования. При исследовании точек зрения мыслителей в работе использовался логический и исторический анализы текстов. Семиотический подход Ю. М. Лотмана применялся при построении и описании самосознания отечественной культуры вышеназванного периода.

Теоретическую базу исследования составили труды историков архитектуры и искусствоведов А. В. Берташа [4; 5], Е. А. Боровой [1], Е. И. Кириченко [6], В. Г. Лисовского [2], Т. А. Славиной [3], А. С. Щенкова [7], а также философов Ю. М. Лотмана [8] и Е. Н. Трубецкого [9].

Результаты исследования. В 40-е годы XIX века культурную элиту России составляло сообщество интеллигентных людей, связанных друг с другом деловыми или дружескими отношениями. Всех этих людей волновала историческая судьба русской культуры. Всех их объединяло осознание личной причастности к истории России и ответственности за то, что происходило в обществе. Поэтому современниками Тона сущность его русско-византийских храмов осознавалась достаточно хорошо. Вокруг данных произведений в общественных кругах того времени развернулась острая полемика. Архитектор официальных кругов И. И. Свиязев писал, что Тон является создателем русского стиля, являющегося переосмыслением форм византийской архитектуры в связи с приспособлением к местным климатическим и историческим условиям, подлинным архитектурным выражением идеи русской православной церкви [10, с. 3]. Он отмечал, что Тон воссоздал русское церковное зодчество. «Я смело говорю *русское* (курсив — Свиязева. — К. Л.), потому что сам русский народ с-издавна усвоил и проникнул своим духом основания этого зодчества, которого простое, безыскусственное и, можно сказать, младенческое выражение в древних памятниках, — оставленное, забытое, — Тон воззвал к новой жизни и в своих произведениях возвел на степень современного искусства» [10, с. 3]. Русский художник А. А. Иванов, интересующийся религиозным искусством, также отмечал, что стиль Тона можно считать образцом русской архитектуры, так как архитектор после того, как получил образование за границей, тщательно изучил древнерусское зодчество [3, с. 74].

Русский писатель, западник А. И. Герцен видел в новых церквях Тона воплощение идеи официальной народности графа С. С. Уваро-

ва. По его мнению, эти церкви не выражают мистического отношения к Богу, которое ярко выражено в проектах его друга архитектора К. Витберга, попавшего в немилость у императора Николая I [11, с. 281]. Сущностью древнерусской архитектуры религиозный философ Е. Н. Трубецкой понимал встречу двух миров: земного и божественного. Этот смысл передавался в архитектурной целостности храма. Внешний образ храма украшался луковичными главами, выражающими «горение ко кресту», означающее воплощение образа Божия в духовном облике России будущего [9, с. 242]. Внутреннее пространство храма, по Трубецкому, выражало идею соборности как единения всей живой твари во Христе. Храм Христа Спасителя Тона Трубецкой назвал крупным памятником, олицетворяющим идею земного благополучия [9, с. 242]. В образе луковичных храмов Тона, по мнению философа, не ощущается стремления к запредельному, так как под куполом луковицы не чувствуется соборного пространства, она является лишь внешним украшением. Такая архитектура означает упадок духовной жизни в России [9, с. 243]. Таким образом, в XIX веке отношение к культурным произведениям определялось не только эстетическим вкусом, но в большей степени философской и идеологической позицией мыслителя.

В первые годы советской власти была объявлена политическая борьба с православием как идеологической основой самодержавия, следствием чего стало уничтожение множества храмов, в том числе и произведений Тона [4]. В этой связи в кругах архитекторов сложилась негативная идеологическая оценка храмового творчества Тона. Во многих советских учебниках по архитектуре сущность его строений трактовалась как реализация реакционной программы Николая I [3, с. 5].

Во второй половине XX века появляются научные работы, посвященные исследованию культовой архитектуры Тона, освобожденные от идеологической оценки. Российский историк архитектуры, искусствовед Е. А. Борисова рассматривала храмовые строения русско-византийского типа в связи с общими эстетическими поисками той эпохи. Она подчеркивает, что поиски национального стиля в русской архитектуре велись в контексте романтического направления, проникшего в русскую культуру с Запада. Вместе с тем эти поиски велись с целью открыть возможности самобытного развития русской архитектуры не только в далеком прошлом, но и в на-

стоящем путем противопоставления европейской архитектуре [1, с. 92–93]. Борисова соглашается, что стремление представить древнерусскую архитектуру единственной и прямой преемницей византийской архитектуры было выражением наиболее официальных исторических концепций [1, с. 93]. Так как во времена Тона научное исследование древнерусских памятников только начиналось, то архитектор использовал технику современной европейской архитектуры при проектировании храмов в сочетании с чисто внешними признаками древнерусского стиля в виде отдельных декоративных элементов, которые накладывались на основу здания, не образуя пластической выразительности целого [1, с. 108–109]. Поэтому искусствовед признает Тона основателем русско-византийского стиля в понятиях архитектурной науки того времени, но, несмотря на то, что Тон использует новые конструктивные и инженерные решения при строительстве храмов, отказывается считать его новатором в области церковной архитектуры [1, с. 110].

Российский искусствовед Е. И. Кириченко, исследовав различные направления «русского стиля» в отечественной архитектуре 1830–1910-х годов, показала, что Тон назвал свой стиль русско-византийским по следующим соображениям. С точки зрения Тона, элементы русской народности с давних пор сроднились с элементами византийской православной культуры, что повлияло на становление русской церковной архитектуры. Архитектор считал типичным образцом этого зодчества кубовидный пятиглавый крестовокупольный храм. В понимании Тона максимального развития этот идеал достиг в образах московских храмов второй половины XV — начала XVI века, связанных с традицией владимирской школы. Эти храмы воплощали идею Третьего Рима, согласно которой Москва стала духовной преемницей Константинополя (Второго Рима), а Россия — Византии [6, с. 117]. Искусствовед отмечала, что, создавая свои храмы, архитектор пользовался методом эклектики того времени, что особенно заметно на примере Храма Христа Спасителя, где применялись приемы формообразования классицизма и элементы древнерусского зодчества [6, с. 118]. Кириченко высоко оценила художественные достоинства произведений Тона, отметив, что принципы, которыми он руководствовался при возведении зданий, были идентичны принципам других архитекторов того времени. Однако, по ее мнению, не архитектурные качества, а смысл, ко-

торый ассоциировался с этими произведениями, определял эстетическую оценку как современников, так и последующих поколений [6, с. 118–119].

Изучив творческую биографию Тона, историк архитектуры Т. А. Славина сделала вывод, что его церкви демонстрировали преемственность московского зодчества XIV–XVI веков, увиденную и осмысленную через призму опыта архитекторов уже XVIII и XIX веков, что отразилось в его проектах [3, с. 112]. С точки зрения Славиной, в этом заключается общеметодологическая ценность его проектов. По ее утверждению, сплетение монархических идей с идеями народности было характерной чертой культуры России 1830-х годов. Поэтому в проектах церковной архитектуры это тоже присутствовало [3, с. 86]. Вместе с тем Тон поступил как настоящий профессионал своего времени, он отбирал структуры, представлявшие ему с научной точки зрения ценными, и свободно сочетал их с другими, преобразовывая исходные образцы в новую, целостную систему. Таким образом, он не только продолжил традиции национальной и мировой архитектуры, но и способствовал их развитию [3, с. 135]. В. Г. Лисовский считал культовую архитектуру Тона удобным «противовесом» самодержавия либерально-демократической идеологии: с одной стороны, ее монументальные грандиозные объемы соответствовали монархической идее, с другой — формальное сходство с русской церковной архитектурой сохраняло связь с «национальным романтизмом», выражающим демократические идеи. Такая особенность тоновской архитектуры, на его взгляд, породила ее двойственное восприятие [2, с. 78–79].

В трудах Е. А. Борисовой, Е. И. Кириченко, В. Г. Лисовского, Т. А. Славиной церковное зодчество Тона было исследовано в связи с формированием в русском искусстве направлений историзма и эклектики, а также в связи с поисками основ русской национальной культуры научными средствами. Исследователи единогласно признали, что архитектору удалось создать свой индивидуальный стиль храмового зодчества, имеющий художественную ценность, несмотря на явную связь образов его произведений с теорией официальной народности. Кириченко и Славина увидели большой потенциал русско-византийского стиля Тона и высказали предположение о возможном дальнейшем его развитии, прерванном Октябрьской революцией.

В начале XXI века возрастает интерес архитекторов и культурологов к изучению русско-византийского стиля храмового зодчества Тона. Это было связано с поисками Русской православной церковью национальных архитектурных образов с целью строительства новых церквей, с проведением реставрационных работ старых церквей, построенных по образцам проектов Тона, с исследованием культурной и исторической памяти российского общества.

Священник Русской православной церкви, искусствовед А. В. Берташ считает удачным сочетание объемов классицизма с русским национальным декором. По его мнению, обращение к национальной традиции позволило Тону отказаться от римского ордера и постепенно привести в соответствие внешние формы и внутренний объем здания. Начиная с Тона, культовое зодчество XIX века становится стилеобразующим, обособляется от гражданской архитектуры, безусловно выражало идею официальной народности, что было не недостатком, а достоинством данной архитектуры и адекватным ответом на чрезмерную секуляризацию и европеизацию российского общества того времени [5, с. 180]. Благодаря церквям, построенным в Санкт-Петербурге архитектором, изменился облик города, произошла «архитектурная русификация» и «сакрализация северной столицы» [5, с. 180–181]. Типовое проектирование Тона положительно отразилось на строительстве церковных построек в провинции, значительно повысив их эстетический и функциональный уровень [5, с. 180–181]. Берташ высоко оценил художественную выразительность русско-византийского стиля и подчеркнул экономичность проектов малых церквей данного стиля. Им был составлен альбом, куда вошли образцовые проекты церквей, в том числе и тоновские, рекомендованные РПЦ для использования при строительстве новых храмов в регионах [12].

В фундаментальной коллективной монографии «Архитектура русского православного храма» под редакцией архитектора А. С. Щенкова была рассмотрена эволюция храмостроения в русской культуре с конца X по начало XXI века [7]. В седьмой главе «Архитектура храмов 1830–1910-х годов», написанной Щенковым, церковная архитектура русско-византийского стиля Тона исследуется в контексте философско-культурного мировоззрения эпохи с учетом концепции *mental habit* немецкого искусствоведа Э. Панофски [7, с. 323–324]. Под *mental habit* понимается привычное мышле-

ние, действующее подсознательно и многое определяющее в культуре. Щенков подразделяет привычное мышление на культурный стиль и профессиональное мышление. Он утверждает, что в средние века стиль культуры и профессиональное мышление практически совпадали, особенно в области городской архитектуры. В основе русского церковного искусства XIX века лежало представление о «двух истинах», согласно которому религиозный смысл не может быть адекватно выражен в художественном произведении. Несмотря на то что в 30–40-х годах XIX века возрождается интерес к средневековой архитектуре, в которой усматривали выражение народного духа, формирование русско-византийского стиля определяли светские программные установки. Поэтому данный стиль не выражал русское православное сознание. Однако эти программные установки существенным образом корректировались церковью, которая признала этот стиль своим, так как иконографические знаки данного стиля вербализировали ценности православного менталитета, что способствовало отказу от форм, манифестирующих ценности католичества или язычества. Сам Щенков не считает тоновский стиль удачным выражением менталитета русской православной культуры. Симметричность классицизма, используемая в данном стиле, создавала представление о Дворце Бога на земле, но не идею соборности. Этому стилю, по его мнению, не хватало асимметричности, пластичности, органичности, одухотворенности [7, с. 325].

В своей статье Л. А. Ключкина осуществляет семиотический анализ визуальных образов пятиглавых храмов русско-византийского стиля Тона в контексте теорий интерпретации архитектурных произведений У. Эко, Р. Ингардена. Автор делает вывод, что «в образах тоновских храмов манифестировалась идея сакрализации власти, смысл которой заключался в особой исторической миссии власти — в распространении и охране ценностей православия и просвещении народа» [13, с. 21]. Этот смысл передавался в культовом зодчестве Тона путем обращения к идеям «программности», «повествовательности», «цитирования». При проектировании храмов архитектор использовал метод «умного выбора», рационально сочетая элементы классицизма и древнерусского зодчества. «Это создавало возможности для двойственной интерпретации образов храмов. Одни современники Тона в образах храмов видели выражение «святости», а другие — «государственности»» [13, с. 21]. Автор объясня-

ет данное обстоятельство тем, что амбивалентное восприятие храмов определялось кодом имперской культуры Петра I, описанным Ю. М. Лотманом [13, с. 30]. Согласно Лотману, в XVIII веке сформировалась дуальная модель русской культуры, для которой характерно было двуязычие. В рамках этой модели «свое», «национальное» выявлялось путем противопоставления «чужому», «европейскому» и обособления от него [8, с. 77]. Данной модели, по Лотману, «свойственен семиотический полиглотизм, который строится по модели, восходящей в конечном счете к церковнославянско-русскому дуализму» [8, с. 78]. «Семиотический дуализм исходной культурной модели оказался настолько устойчивым организующим средством, что в дальнейшем смена конкретных языков культуры не повлияла на двойную природу самой культуры» [8, с. 78]. Внутри дуальной семиотической модели возможны разные типы отношений между знаковыми системами. В церковнославянско-русском дуализме была выстроена иерархия языков, в которой книжный церковнославянский язык понимался официальным языком культуры, а русский язык — отклонением от нее. В петровской культуре церковнославянский язык и русский язык рассматривались как две разные знаковые системы [8, с. 78–79]. Поэтому в эту эпоху по-разному трактовалась идея «европейского»: то как принципиально «чужое», то как «свое», позаимствованное в результате органических потребностей собственной историко-социальной жизни и творчески переработанное. В образах храмов Клюкина прочитывает не только теорию официальной народности, но и имплицитный смысл о том, что начиная с XIX века российская национальная идентичность складывается не естественно-историческим образом, а рационально создается средствами социальной инженерии.

В XXI веке сохраняется двойственное представление о сущности русско-византийской архитектуры Тона. Одни исследователи видят в образах его храмов символ национальной идеи России [14], национальный стиль РПЦ [15], другие — репрезентацию сакрализации власти [16]. Вместе с тем все исследователи признают художественную ценность произведений данного стиля и значимость охраны и реставрации их для сохранения исторической памяти России.

Исторический и логический анализ точек зрения представителей общественной мысли XIX — н. XXI века показал, что во все периоды складывалось двойственное представление о сущности хра-

мов соборного типа русско-византийского стиля Тона. Это было связано с методом проектирования архитектора, который синтезировал приемы и техники классицизма и древнерусского зодчества. Зодчий создал новый храмовый стиль, который условно можно считать преемственным по отношению к допетровской церковной архитектуре. Восприятие образов храмов зависело от идейной позиции реципиента, интерпретация последней задавалась бинарной моделью культуры, искусственно созданной еще Петром I и его сподвижниками. На примере исследования дискуссии о сущности храмов русско-византийского стиля Тона в отечественной культуре XIX — н. XXI века можно увидеть логику двойственности самосознания русской культуры этой эпохи, в основе которой лежала унаследованная из петровской культуры амбивалентная оппозиция «свое» — «чужое». С XIX века поиски народности в архитектуре велись в виде «отбора» наиболее значимых характеристик различных традиций. В результате под «своим» порой стало пониматься в том числе и национализированное «чужое», противопоставляемое исходному прототипу: классицизму, рационализму, просвещению. Тону удалось воплотить в своих произведениях образ православной монархии. Обращаясь к стилевой подражательности древнерусскому зодчеству, он создал визуальный образ «православной империи» в своей церковной архитектуре. Но именно потому, что связь между этим единством была очень хрупкой и зависела от ориентации на стилеобразование и удачных пропорций объемов храма, которые он не сразу нашел, его произведения породили столько споров вокруг них. В свете проведенного исследования в качестве особого свойства самосознания русской культуры усматривается способность творчески переосмыслить «чужое».

Заключение. В статье рассмотрена дискуссия о сущности культового зодчества русско-византийского стиля Тона в историко-культурном контексте XIX — н. XXI века. В связи с этим были проанализированы позиции представителей различных течений общественной мысли: культурологов, философов, архитекторов, историков архитектуры, искусствоведов, священников РПЦ. В первой половине XIX века дискуссия о храмах Тона была тесно связана с поисками творческой интеллигенции форм выражения в искусстве идеи «народности» художественными средствами. Так как в области архитектуры эти поиски во многом контролировались и опре-

делялись государственной властью, то сформировалось двойственное отношение к произведениям данного стиля. В советскую эпоху церкви русско-византийского стиля уничтожались как символы прежнего строя. С к. XX века церковное зодчество архитектора оценивается как одно из значимых художественных достижений русской архитектуры. В н. XXI века отношение к русско-византийскому стилю стало в некоторой степени определяться в зависимости от позиции по вопросу: должно ли культовое зодчество развиваться в соответствии со вкусами заказчика или быть «программным», выражающим национально-государственную идею. На примере исследования дискуссии о сущности церковного стиля Тона была прослежена бинарность логики развития самосознания отечественной культуры, связанная с попыткой рассматривать тексты мыслителей о храмах Тона в виде текстов самоописания культуры, в которых было высказано отношение к проблеме выражения смысла национально-государственного бытия в церковной архитектуре. В статье было показано, что данная логика базируется на смыслополагании в границах оппозиции «свое» — «чужое», где границы «своего» и «чужого» задаются пониманием древнерусской концепции «Третьего Рима» и инновациями петровского и послепетровского времени. Материалы данной статьи могут быть интересны профессиональным архитекторам и потенциальным заказчикам церковной архитектуры при проектировании церквей. Материалы исследования могут также использоваться при чтении курсов по культурологии и истории культуры России.

Список источников

1. Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979. 319 с.
2. Лисовский В. Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М.: Совпадение, 2000. 416 с.
3. Славина Т. А. Константин Тон. Л.: Стройиздат, 1989. 224 с.
4. Берташ А. В. Русское храмостроительство середины XIX — начала XX вв. в оценке дореволюционных и советских историков архитектуры: к историографии вопроса // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 183–197.
5. Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Искусствоведение. 2013. Вып. 1. С. 178–198.

6. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М.: Искусство, 1982. 399 с.
7. Архитектура русского православного храма / под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 528 с.
8. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
9. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. М.: Прогресс, 1993. С. 220–246.
10. Свиязев И. И. Предисловие // Практические чертежи по устройству церкви Введения во храм пресвятыя Богородицы в Семеновском полку в С.-Петербурге, составленные и исполненные архитектором профессором Академии художеств Константином Тоном. М.: Тип. А. Семена, 1845. С. 1–6.
11. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VIII. 518 с.
12. Образцовые проекты церковных строений. Материалы альбомов XIX в. / вступ. ст., сост. диакон А. Берташ. СПб.: Logos, 2003. 156 с.
13. Клюкина Л. А. Визуализация теории официальной народности в храмовой архитектуре русско-византийского стиля первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 21–33.
14. Атаманова Е. Т. Православное наследие К. А. Тона в туристском дискурсе Липецкого региона // «Ищите же прежде Царствия Божия и Правды Его» (Мф. 6:33) : материалы XII Международного форума / Липецкий государственный университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, 2017. С. 260–263.
15. Туманик А. Г. Школа К. А. Тона как теоретика и практика русской архитектуры // Региональные архитектурно-художественные школы. 2015. № 1. С. 331–336.
16. Малеева Е. Н. Образ храма как образ власти: государственный заказ в русской художественной культуре XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 165–169.

References

1. Borisova E. A. *Russkaya arhitektura vtoroj poloviny XIX veka* [Russian architecture of the second half of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 319 p. (In Russ.)
2. Lisovskij V. G. «*Nacional'nyj stil*» v *arhitekture Rossii* ["National style" in the architecture of Russia]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)

3. Slavina T. A. *Konstantin Ton* [Konstantin Ton]. Leningrad, Stroizdat Publ., 1989. 224 p. (In Russ.)

4. Bertash A. V. Russian Church building in the middle of the 19th — early 20th centuries in the assessment of pre-revolutionary and Soviet architectural historians: on the historiography of the issue. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading], 2017, no 5, pp. 183–197. (In Russ.)

5. Bertash A. V. Stylistic features of church building in 1830–1870s in Russia: the capital and national outskirts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series Art History], 2013, no 1, pp. 178–198. (In Russ.)

6. Kirichenko E. I. *Russkaya arhitektura 1830–1910-h godov* [Russian architecture of the 1830–1910s]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 399 p. (In Russ.)

7. *Arhitektura russkogo pravoslavnogo hrama* [Architecture of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy misli Publ., 2013. 528 p. (In Russ.)

8. Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

9. Trubeckoj E. N. Two worlds in Old Russian icon-painting. *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.* [Philosophy of the Russian religious art of the 16th–20th cs.]. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 220–246. (In Russ.)

10. Sviyazev I. I. Foreword. *Prakticheskie chertezhi po ustrojstvu cerkvi Vvedeniya vo hram presvyatyya Bogorodicy v Semenovskom polku v S.-Peterburge, sostavlennye i ispolnennye arhitektorom professorom Akademii hudozhestv... Konstantinom Tonom* [Practical drawings on the structure of the Church of Introduction to the Temple of the most Holy Theotokos in the Semyonovsky regiment in St. Petersburg, compiled and executed by the architect, Professor of the Academy of arts... Konstantin Thon]. Moscow, Print. A. Semena, 1845, pp. 1–6. (In Russ.)

11. Gercen A. I. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 30 vol. Of vol. 8. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 1956. 518 p. (In Russ.)

12. *Obrazcovye proekty cerkovnyh stroenij. Materialy al'bomov XIX v.* [Exemplary projects of church buildings. Materials of albums of the XX century]. St. Petersburg, Logos Publ., 2003. 156 p. (In Russ.)

13. Klyukina L. A. Visualization of the theory of official nationality in Russian-Byzantine temple architecture in the first half of the 19th century. *Vestnik slavyanskij kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, vol. 58, pp. 21–33. (In Russ.)

14. Atamanova E. T. Orthodox heritage of K. A. Ton in the tourist discourse of the Lipetsk region. «*Ishchite zhe prezhde Carstviya Bozhiya i Pravdy Ego*» (Mf. 6:33). *Materialy XII Mezhdunarodnogo foruma* ["Seek first the Kingdom of God and His righteousness" (Matthew 6:33). Materials of the XII International

Forum]. Lipetsk, State University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky Press, 2017, pp. 260–263. (In Russ.)

15. Tumanik A. G. Tones as a theory and practice of Russian architecture. *Regional'nye arhitekturno-hudozhestvennye shkoly* [Regional architectural and art schools], 2015, no 1, pp. 331–336. (In Russ.)

16. Maleeva E. N. The image of the temple as an image of power: the state order in the Russian artistic culture of the 19th century. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen], 2008, no 61, pp. 165–169. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Клюкина Людмила Александровна Ludmila A. Klyukina

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и
культурологии, Петрозаводский
государственный университет

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor of
the Department of Philosophy and
Culture-studies of Petrozavodsk State
University

185910 Россия, Республика Карелия, г.
Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

33 Lenin Av., Petrozavodsk, the
Republic of Karelia, 185910, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	05.03.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	27.05.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	7.06.2022

Научная статья / Original article

УДК 81`42:659

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-64>

**Модульный текст как средство продвижения
исторической реконструкции**

Маслеева Виктория Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

Enriel-252@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из ключевых элементов процесса организации исторического бала в контексте концепций event-менеджмента. Основной целью автора стало выявление смысловых особенностей и речевой формы модульных текстов продвижения исторической реконструкции бала (афиш и пригласительных билетов). Автором используются оригинальные текстовые материалы, специфика которых выявляется в результате применения интенционально-стилистического анализа. При осмыслении роли модульных текстов (афиш и пригласительных билетов) в процессе организации бала особое внимание уделялось их речевой форме. Модульные тексты этого типа имеют ярко выраженную поликодовую природу, которая обусловлена их особой интенциональной направленностью — установкой на формирование или поддержание фирменного стиля (бренда). Автор приходит к выводу, что модульные тексты являются мощным средством контактоустановления в том случае, если они стилистически однородны. При создании текстовой формулы афиши или пригласительного билета именно это требование должно учитываться как базовое.

Ключевые слова: *special events, исторический бал, средства продвижения, модульные тексты*

Для цитирования: Маслеева В. В. Модульный текст как средство продвижения исторической реконструкции // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 64–78. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-64>

**Modular Text as a Means
of Promoting Historical Reconstruction**

Victoria V. Masleeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract. *The article discusses one of the key elements of the process of organizing a historical ball in the context of event management concepts. The main goal of the author was to identify the semantic features and speech form of modular texts promoting the historical reconstruction of the ball (posters and invitation cards). The author uses original text materials, its specifics revealed as the use of intentional-stylistic analysis. In understanding the role of modular texts (posters and invitation cards) in the process of organizing the ball, special attention was paid to their speech specifics. Modular texts of this type have a pronounced polycode nature, which is due to their special intentional orientation — the installation on the formation or maintenance of a corporate identity (brand). The author comes to the conclusion that modular texts are a powerful means of contact suppression if they are stylistically homogeneous. When creating a text formula for a poster or an invitation card, this requirement should be taken into account as the basic one.*

Keywords: *special events, historical ball, promotion tools, modular texts.*

For citation: Masleeva V. V. Modular Text as a Means of Promoting Historical Reconstruction. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 4:64–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-64>

Введение. Актуальность нашего исследования определяется постоянно возрастающим вниманием специалистов по пиар-коммуникациям к досуговому дискурсу [1], в структуре которого особое место занимает историческая реконструкция, рассматриваемая медиологами в контексте многочисленных концепций event-менеджмента [2] и [3].

В зоне нашего внимания — наиболее популярный вариант мероприятий этого типа: историческая реконструкция бала в формате special events. Наша цель — выявление специфики продвижения данной разновидности исторической реконструкции с использованием особого типа медиатекстов.

Как известно, понятие «event» происходит из английского языка и переводится как «событие». В популярной монографии декана факультета экономики Университета Ульма Ульриха Хальцбаура «Event-менеджмент» «event» — исключительное, с точки зрения аудитории, событие, побуждающее адресата к активности, варианты которой требуют подготовки [4, с. 65]. В России чаще всего данное понятие используется для обозначения процессов, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий различного уровня. Российские исследователи Н. Н. Казюлина и С. М. Сакович уточняют, что «event-marketing, или событийный маркетинг, — это

специально разработанный комплекс мероприятий для продвижения интересов компании с помощью какого-либо запоминающегося события, известного широкой публике либо созданного для конкретной фирмы» [5, с. 27].

История event-мероприятий уходит глубоко в древность. Человечество всегда проводило различные церемонии и ритуалы, посвященные важным событиям: рождению, женитьбе, смерти, выбору вождя, приношению богам и др. Исполнительный директор Международного центра изучения планируемых мероприятий, президент-основатель Международного общества специальных мероприятий (ISES) Джо Голдблатт пишет: «С формальной точки зрения индустрия праздника родилась в 1800-х годах, когда началась продажа билетов на профессиональные спортивные мероприятия, и позднее она постепенно трансформировалась. Считается, что сама профессия организатора сформировалась в 1950-х годах, а началось все с открытия в 1955 году Диснейленда» [6, р. 145].

Российский event-рынок формируется в 1980-е г. активистами, обладающими хорошими организаторскими способностями. Эти люди были сотрудниками компании, которые не всегда занимали руководящие должности, но им было интересно организовывать выезды коллег на природу, юбилеи и праздники, проводить самодельные концерты. Только в 1990-х начали появляться первые праздничные агентства, где работало множество профессиональных маркетологов, PR-специалистов и директоров по персоналу, обладавших пониманием бизнес-технологий. Именно в этот промежуток времени праздничные компании стали срочно переименовываться в «агентства событийного маркетинга», «event-компании», «event-агентства» [5, с. 15].

Директор, управляющий партнер компании «EventumPremo» (коммуникационное агентство), автор исследований по событийному маркетингу Александр Шумович определяет специальное мероприятие как «вид человеческой деятельности, предполагающий встречу и взаимодействие разных людей, ограниченный по времени и связанный с реализацией каких-либо общих целей» [7]. Он приводит более подробную классификацию пиар-продуктов такого типа в зависимости от достигаемых результатов, выделяя следующие виды: мероприятия для прессы, выездные мероприятия,

развлекательные, торжественные, благотворительные, массовые, спортивные.

Event-мероприятия условно принято разделять на несколько групп.

Corporate events, или корпоративные мероприятия, основная задача которых — повышение эффективности производительности и имиджа компании на рынке труда. К таким мероприятиям можно отнести юбилеи сотрудников и самой компании, тренинги, корпоративные вечеринки, пикники и игры, куда можно пригласить партнеров и постоянных клиентов.

К Trade events, или деловым мероприятиям, можно отнести выставки, конференции, конгрессы, форумы, деловые обеды, конференции, целью которых является обмен информацией и поиск новых контактов. Подобные мероприятия проводятся в основном для делового сегмента: партнеров, клиентов, подрядчиков и заинтересованных в сотрудничестве лиц¹.

Special events, или специальные мероприятия, благоприятно влияют на имидж компании, повышают лояльность целевой аудитории, вызывают рост интереса со стороны потенциальных клиентов и позволяют расширить свое присутствие в информационном поле за счет высокой степени интереса СМИ к мероприятиям такого формата. Сюда можно отнести фестивали, спортивные соревнования, концерты, банкеты, благотворительные вечера и многие другие мероприятия.

Именно в раздел специальных мероприятий, учитывая основные положения концепции **Special events**, можно включить историческую реконструкцию бала с акцентом на коллаборационный характер данного события.

Один из наиболее удачных примеров петербургского опыта организации событий этого типа — ежегодный Фестиваль водных фонариков, проходивший 1–3 мая в Санкт-Петербурге в Юсуповском саду в 2021 год. Гости фестиваля получали фонарик в форме лотоса или куба, зажигали свечу, опускали его на воду и загадывали желания. На фестиваль были приглашены пары из проекта «Бальные истории прошлого», которые в начале вечера создавали истори-

¹ Ателье иммерсивных корпоративов. Кейсы 2048.events // event.ru: [сайт]. 2021. URL: <https://event.ru/companies/atele-immersivnyih-korporativov-keysyi-2048-events/>(дата обращения: 20.05.2022).

ческую атмосферу, встречая гостей и рассказывая о балах, а позже проводили мастер-классы по историческому танцу.

С нашей точки зрения, уже сложившаяся концепция под давлением разнообразного опыта требует некоторых уточнений, связанных с конвергенцией таких направлений медийной деятельности, как Special events, культурно-просветительская и бренд-журналистика [8; 9].

Методы исследования, теоретическая база. В 2016 году в Санкт-Петербурге нами был реализован масштабный проект «Бальные истории прошлого» с несколькими целевыми установками:

- актуализация интереса к культурным объектам всемирного наследия, расположенным в Северной столице;
- восстановление исторического диапазона культурных компетенций городских жителей;
- возрождение формирующих эстетику городского пространства культурных традиций города;
- как итог, влияние на аксиологический компонент в структуре личности молодых горожан. В рамках проекта было проведено более 20 балов.

Первым этапом организации бала стало **определение конкретных задач, понимание** которых складывалось в значительной степени под влиянием современной теории специального менеджмента: выявление особенностей российской бальной культуры XVIII–XX веков, возможностей ее реинкарнации; анализ уже сложившегося рынка предложений, связанных с организацией мероприятий такого типа, ключевых конкурентов; изучение потребительской мотивации; определение влияния мероприятия на имидж Санкт-Петербурга.

Второй этап — анализ целевой аудитории, которая может быть представлена несколькими группами: студенты; женщины и мужчины от 35 до 75 лет, не состоящие в браке; женщины и мужчины в возрасте от 25 до 65 лет, состоящие в браке; танцевальные пары; сотрудники туристических фирм; работники сферы культуры. При анализе рынка предстояло определить уровень конкуренции, выявить ключевых, потенциальных и косвенных конкурентов, чтобы грамотно определить, какими преимуществами может обладать наш проект, а также какую нишу можно занять на рынке. Ключевые конкуренты — группа организаций, предлагающих аналогич-

ные услуги одним и тем же группам потребителей. Потенциальные конкуренты — группа организаций, которые не присутствуют на рынке, но могут занять нишу в любое время. Косвенные конкуренты — группа организаций, которые предлагают аналогичные услуги, но в смежной нише.

Для проекта «Бальные истории прошлого» ключевыми конкурентами за 2019 год стали Петербургское Дворянское Собрание (ПДС), ЦПКиО им С. М. Кирова (Елагин Остров), международный историко-культурный благотворительный проект «Балы. Четыре сезона»; потенциальными — проект «С корабля на бал», исторические танцы на Обводном, студия старинного танца им. А. С. Пушкина, школа бальных танцев в Академии Штиглица, а Ассоциация содействия духовно-нравственному просвещению «Покров» и танцевальная студия РГПУ им. А. И. Герцена были включены в раздел косвенных конкурентов.

Особое значение имел поиск соответствующей формату **мероприятия площадки**, так как только после выбора площадки можно определить полный объем расходов, которые неизбежны при качественной организации мероприятия — на кейтеринг, музыкантов, заработную плату сотрудников, печатную продукцию, видео- и фотосъемку. Санкт-Петербург славится своими дворцово-парковыми ансамблями, которые собирают множество туристов со всего мира.

Первый бал мы решили провести на новой, еще не знакомой жителям и гостей города площадке, но с богатой историей. Далее балы проводились в особняках П. Н. Демидова и А. А. Половцова, во дворце Великого князя Владимира, в Доме офицеров и др. Это решение было обусловлено установкой на использование при меди-апрезентации события новой историко-культурной информации, которая при соответствующем речевом оформлении могла бы преодолеть уже сложившийся стереотип об отсутствии у массовой аудитории интереса к истории [10].

23 декабря 2017 года в рамках проекта в особняке Демидова состоялся бал «Рождественская история», ставший дебютным не только для нового проекта, но и для особняка. За месяц перед мероприятием был проведен ряд мастер-классов, в ходе которых участников бесплатно обучали бальным танцам. Создание программы предполагало преодоление нескольких трудностей. Главная из них заключалась в том, что документы, в которых содержалась бы ин-

формация о балах в особняке Демидова, не сохранились, поэтому реконструкция базировалась на общем представлении о традициях бальной культуры XVIII–XIX веков, актуализируемых с учетом ценностей, увлечений и интересов современных людей.

Ключевым этапом подготовки мероприятия, на наш взгляд, является этап установления прямого контакта с аудиторией. Эффективность этого этапа определяется уровнем профессионализма при создании названия мероприятия как заголовка совокупного текста продвижения и при подготовке занимающих сильную позицию начала текстовых модулей. Вслед за Л. В. Уховой, под совокупным «продвигающим» текстом мы понимаем «коммуникативную единицу, функционирующую в пространстве маркетинговых коммуникаций, служащую целям эффективного воздействия на целевую аудиторию ... и обладающую системой релевантных вербальных и невербальных средств его усиления / оптимизации» [11]. Такие тексты и их послания созвучны интересам человека, символически удовлетворяют потребности даже очень высокого уровня, взывают к ценностям, поддерживают фантазии, таким образом формируя или корректируя картину мира человека.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве примера приведем текст приглашения на «Десятый Юбилейный Николаевский Бал», который организуется раз в год прямыми конкурентами нашего авторского проекта. Приглашения выдаются непосредственно на самом балу. Приглашение горизонтальное, приближенное к формату А7, в виде книги или буклета, имеет две плоскости для размещения информации.

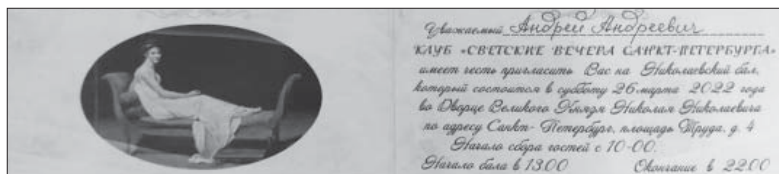

Рис. 1. Лицевая и оборотная часть приглашения «Десятого Юбилейного Николаевского Бала»

Обе части внешней стороны приглашения иллюстрируются историческими фотографиями Дворца Труда (Николаевского дворца), в котором проходит бал. Преобладают коричневые и желтые

цвета, подчеркивающие исторический характер анонсируемого мероприятия (см. рис. 1). Вербализованная часть текста — определение его жанра («приглашение»), контакты организатора.

Вербализованная часть внутреннего разворота информационно более насыщена: этикетное обращение («Уважаемый/ая») с использованием имени и отчества адресата; с использованием клавиши «caps lock» указывается название организации; используется установочная формула «имеет честь пригласить Вас...»; сильная позиция конца текста заполняется информацией о дате, месте проведения и времени бала. Весь текст выполнен в одной цветовой гамме, с использованием декоративного шрифта Good Vibes Pro.

В левой части внутреннего разворота размещен портрет мадам Рекамье кисти французского художника Жака Луи Давида (1800 г.), функционирующий как визуальный символ эпохи.

*Рис. 2. Внутренняя часть приглашения
«Десятого Юбилейного Николаевского Бала»*

По сути, это наиболее распространенный вариант текста продвижения в формате типового текстового модуля. Но, как справедливо считает Е. В. Быкова, жанровое разнообразие модулей нарастает, так как активно используются разные типы афиш, постеры и плакаты, открытки и т. п. [12; 13]. Мы убеждены, что эффективность нового совокупного текста продвижения в значительной степени определяется его стилистическим единством, основные параметры которого задаются в процессе оформления именно приглашительного билета-приглашения.

Например, для бала «Волшебные истории» нами был создан приглашительный билет, в формате которого программировалось стилистическое единство всех продвигающих текстовых модулей, имелись элементы, которые в дальнейшем будут включены в фирменный стиль работы нашей организационной группы (рис. 3).

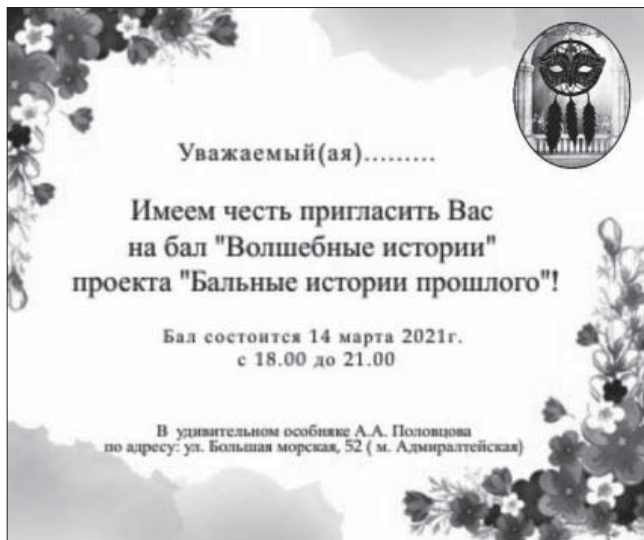

Рис. 3. Пригласительный билет на бал «Волшебные истории»

При оформлении вербализованной части пригласительного использовались фирменные цвета, такие же, как и на логотипе проекта, который был использован по левому краю в верхней части модуля и является самым важным элементом афиши.

В тексте пригласительного четыре смысловых блока: этикетное обращение (*Уважаемый (ая)*), которое позволяет организатору быстро, без использования фамилии, настраивающей на деловое общение, определить, находится ли данная персона в списке гостей. В основном блоке используется установочная формула «*Имеем честь пригласить Вас...*», стилистика которой отсылает к бальной эпохе; уточняется название бала и проекта. В плоскости текста с помощью шрифтового выделения фиксируется важная информация по дате и времени бала, используется шрифт Gernerald, строгий и хорошо читаемый. Завершается текст пригласительного указанием на место проведения бала с использованием эстетической оценки (*удивительный*), акцентирующей внимание на уникальности дворцовых интерьеров, сохранённых в первозданном виде.

Мы отказались от возможности указать в заключительном абзаце текста пригласительного цену билета, чтобы пригласительный не превратился в информационный лист, который организатор

ры некоторых балов предлагают обменять на иной билет на балу. Также ориентация на постоянных участников проекта дает возможность не публиковать информацию о дресс-коде.

Также не используем логотип проекта или организации-спонсора на пригласительных, чтобы не нарушать историческую традицию, диктовавшую особую актуальность билетов и афиш, созданных от руки. Старые билеты были яркими и оригинальными, долго хранились участниками бала, хотя и тогда в текст могли включаться спонсорские названия и имена.

Пригласительный билет отражает всю важную информацию, которую должна содержать и афиша. Однако речевое оформление афиши носит преимущественно информационный характер: указание даты и времени, название организации, бала, места и адреса проведения. Адресат — массовая аудитория. Пригласительный билет больше ориентирован на конкретного адресата.

1. Именно поэтому почти все элементы модуля афиши ожидаемо являются стереотипными. Но наше внимание было сосредоточено на тех текстовых характеристиках, которые помогают созданию уникального стиля, станут опознаваемыми признаками формируемой системы текстов: шрифт, цветовая гамма и стилистика вербального текста. Фоновым изображением на бальных афишах стали картины бальной жизни XIX века, фотографии современных балов. Наиболее часто используются фотографии/рисунки танцующих пар, перчаток и вееров, карнавальных масок.

2. В цветовой гамме преобладают:

- желтый цвет, символизирующий общительность, дружелюбие, счастье, оптимизм;
- оранжевый цвет — это чувственность, энергичность, тепло, комфорт;
- коричневый — надежность, безопасность, стойкость;
- белый — спокойствие, ясность, искренность [14].

Используя сочетание этих цветов, мы добивались вполне определенных результатов. Так, нам было необходимо, чтобы потенциальные гости бала быстро принимали решение о покупке билета, поэтому мы старались использовать цветовую гамму теплых цветов (красный, оранжевый, желтый). Данный набор цветов увеличивает количество импульсивных действий/поступков адресата, что

способствуют увеличению количества гостей, которые идут на бал впервые.

3. Используются декоративные русские шрифты Acquest Script, Alexandra Script, Angelica, Caligraph для оформления заголовка и более спокойные SeriferTitul, Archive, BadScript для основного текста, чтобы вся важная информация была прочитана, поскольку декоративные шрифты могут быть сложны в прочтении из-за вензелей/украшений.

Рис. 4. Афиша бала «Волшебные истории» проекта «Бальные истории»

сительного, является стереотипная синтаксическая формула побуждения, которая используется при информировании о месте проведения бала («Ждем вас по адресу: ул. Большая Морская, 52»).

Невербальные элементы представлены деталями, отражающими время года — весну (бабочки, листья и цветы), и изображением танцующих пар, транслирующим вполне однозначное представление о бальном дресс-коде. Цвет шрифта соответствует цветовой гамме логотипа (все оттенки синего и белый).

Современные бальные афиши во многом схожи с афишами аналогичных давних мероприятий, поэтому при создании афиши для бала «Волшебные истории» было необходимо выполнить все технические требования: вертикальная ориентация в размере А4, где вся основная информация напечатана только с одной стороны, использование не больше трех цветов, не больше трех декоративных шрифтов, размер шрифта в каждой части афиши должен быть одинаковым, а в качестве фона выступает одно неяркое изображение, чтобы весь текст был читабельным (рис. 4).

Наиболее заметным смысловым компонентом текста афиши, отсутствующим в тексте пригла-

Заключение. Подводя итоги, следует отметить следующее:

1. В процессе подготовки такого специфического event-мероприятия, как бал, на этапе продвижения мероприятия была выявлена особая роль модульных текстов (афиш и пригласительных билетов) как ключевых элементов (компонентов) совокупного текста продвижения.

2. Данные модульные тексты не должны быть жестко стандартизованными, прежде всего, в вербализованной части, хотя именно в этой части доминируют давно сложившиеся и используемые в разных сферах арт-пиара и рекламы стереотипы.

3. Особое внимание в модульных текстах необходимо уделить средствам визуализации — размеру и типу шрифта, цветовому фону афиши и пригласительного, которые, как убеждают психологи, способны привлечь внимание потенциальных гостей бала или оттолкнуть их.

4. Необходимо подчеркнуть, что именно модульные тексты являются самым мощным средством контактоустановления в том случае, если они стилистически однородны. Это качество модульных текстов продвижения дает возможность формировать узнаваемый стиль, который может стать одним из наиболее эффективных средств продвижения интересующего нас типа мероприятий с ориентацией на перспективу работы организационной группы.

Список источников

1. Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. Интенциональность и стилистическо-речевой облик досугового медиадискурса // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 34–38.

2. Батулин А. П. Событийный туризм и ивент-менеджмент по материалам исторической реконструкции в Испании // Сервис +. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiynyy-turizm-i-ivent-menedzhment-po-materialam-istoricheskoy-rekonstruktsii-v-ispanii> (дата обращения: 26.06.2022).

3. Логвина Е. В. Историческая реконструкция событий одна из форм событийного туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-rekonstruktsiya-sobytiy-odna-iz-form-sobytiynogo-turizma> (дата обращения: 26.06.2022).

4. Хальцбаур У. Event-менеджмент. Профессиональная организация успешных мероприятий. М.: Эксмо, 2010. 384 с.

5. Сакович С. М., Казюлина Н. Н. Event-маркетинг. М.: РУСАЙНС, 2018. 66 с.

6. Joe Goldblatt. *Special Events*, Fourth edition. Wiley, 2012. 535 p.
7. Шумович А. В. Великолепные мероприятия: Технологии и практика event-management. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 336 с.
8. Цветова Н. С. Искусство в массмедиа. СПб.: ВВМ, 2019. 91 с.
9. Иванищева О. Н. Формирование региональной идентичности как двусторонний процесс (на материале диалога «журналист-читатель» региональной прессы Мурманской области) // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25) июнь. С. 194–198.
10. Сосновская А. М., Маслеева В. В. Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vpechatleniy-rekonstruktsiya-istoricheskikh-praktik-kulturnogo-naslediya-sankt-peterburga> (дата обращения: 27.06.2022).
11. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii> (дата обращения: 20.06.2022).
12. Быкова Е. В. Модульный текст в семиотическом аспекте // Записки Горного института. 2011. Т. 193. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modulnyy-tekst-v-semioticheskom-aspekte> (дата обращения: 20.06.2022).
13. Быкова Е. В. «Принципы анализа модульного текста (к постановке вопроса)» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 1. С. 103–106.
14. Hagtvedt H. Dark is durable, light is user-friendly: The impact of color lightness on two product attribute judgments // *Psychology & Marketing*, 2020, 37(7), 864–875.

References

1. Duskaeva L. R., Цветова N. S. Intentionality and Stylistic and Speech Appearance of Leisure Media Discourse. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word, 2013, no 2, pp. 34–38. (In Russ.)
2. Baturin A. P. *Sobytiynyj turizm i ivent-menedzhment po materialam istoricheskoy rekonstrukcii v Ispanii* [Event tourism and event management based on materials of historical reconstruction in Spain]. *Servis+*, 2016, no 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiynny-turizm-i-ivent-menedzhment-po-materialam-istoricheskoy-rekonstruktsii-v-ispanii> (accessed 26.06.2022). (In Russ.)
3. Logvina E. V. Historical reconstruction of events is one of the forms of event tourism. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], 2020, no 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

istoricheskaya-rekonstruktsiya-sobytiy-odna-iz-form-sobytiynogo-turizma (accessed 26.06.2022). (In Russ.)

4. Hal'cbaur U. *Event-menedzhment. Professional'naya organizaciya uspešnyh meropriyatij* [Event management. Professional organization of successful events]. Moscow: Eksmo, 2010. 384 p. (In Russ.)

5. Sakovich S. M., Kazyulina N. N. *Event-marketing* [Event-marketing]. Moscow: RUSAJNS, 2018. 66 p. (In Russ.)

6. Joe Goldblatt. *Special Events*, Fourth edition. Wiley, 2012. 535 p.

7. Shumovich A. V. *Velikolepnye meropriyatiya: Tekhnologii i praktika event-management* [Great Events: Technology and Practice of Event Management]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2008. 336 p. (In Russ.)

8. Tsvetova N. S. *Iskusstvo v massmedia* [Art in mass media]. St. Petersburg: VVM, 2019. 91 p. (In Russ.)

9. Ivanishcheva O. N. Formation of regional identity as a two-way process (based on the dialogue "journalist-reader" of the regional press of the Murmansk region). *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Sochi State University], 2013, no 2 (25), pp. 194–198. (In Russ.)

10. Sosnovskaya A. M., Masleeva V. V. Experience Economy: Reconstruction of Historical Practices of the Cultural Heritage of St. Petersburg. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2018, no 4 (112). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vpechatleniy-rekonstruktsiya-istoricheskikh-praktik-kulturnogo-naslediya-sankt-peterburga> (accessed 27.06.2022). (In Russ.)

11. Uhova L. V. "Promotional text": concept, features, functions. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2018, no 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodavigayuschiy-tekst-ponyatie-osobnosti-funktsii> (accessed 20.06.2022). (In Russ.)

12. Bykova E. V. Modular text in the semiotic aspect. *Zapiski Gornogo instituta* [Journal of Mining Institute], 2011, vol. 193. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modulnyy-tekst-v-semioticheskom-aspekte> (accessed 20.06.2022). (In Russ.)

13. Bykova E. V. «Principles of Module Text Analysis (the statement of a question)». *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 2006, no 1, pp. 103–106. (In Russ.)

14. Hagtvedt, H. Dark is durable, light is user-friendly: The impact of color lightness on two product attribute judgments. *Psychology & Marketing*, 2020, 37(7), 864–875.

Сведения об авторе / Information about the author

Маслеева Виктория Валерьевна

Victoria V. Masleeva

аспирант кафедры
медиалингвистики Института
«Высшая школа журналистики и
массовых коммуникаций» Санкт-
Петербургского государственного
университета

Postgraduate student of the
Department of Media Linguistics of
the "Higher School of Journalism and
Mass Communications" Institute of St.
Petersburg State University

Санкт-Петербург, 199004. 1-я линия
В.О., д. 26

26 1st Line V. O., Saint Petersburg,
199004, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

01.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.11.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

07.11.2022

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-79>

**Феномен случайных и курьезных повреждений памятников
историко-культурного наследия**

**Смирнова Алла Александровна¹, Леонов Иван Владимирович²,
Кириллов Игорь Викторович³**

^{1,2,3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

***Аннотация.** Статья посвящена анализу повреждений памятников, полученных в результате случайных и курьезных происшествий. Фиксируется парадоксальность указанной группы артефактов, суть которой выражена в том, что восприятие случившегося с ними основано на совмещении трагических и комических аспектов. На основании конкретно-исторического материала анализируются ситуации преобладания трагических, трагикомических либо комических факторов в восприятии повреждённых вследствие случайных либо курьезных эпизодов памятников историко-культурного наследия. Делается вывод о том, что данное явление, которое нередко принимает характер оксюморона, тесно связано с человеческим фактором и проявляется в сфере работы с культурным наследием.*

***Ключевые слова:** страдающий артефакт, историко-культурное наследие, случайность, курьёз, повреждение памятника*

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Феномен случайных и курьезных повреждений памятников историко-культурного наследия // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 79–91. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-79>

**The Phenomenon of Accidental and Curious Damage
to Monuments of Historical and Cultural Heritage**

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1,2,3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489)

² ivaleon@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807)

³ os84@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of damage to monuments resulting from accidental and curious incidents. The paradoxical nature of this group of artifacts is fixed, the essence of which is expressed in the fact that the perception of what happened to them is based on the combination of tragic and comic aspects. On the basis of concrete historical material, we analyze the situations of the predominance of tragic, tragicomic or comic factors in the perception of monuments of historical and cultural heritage damaged due to accidental or curious episodes. It is concluded that this phenomenon, which often takes on the character of an oxymoron, is closely related to the human factor and manifests itself in the field of work with cultural heritage.*

Keywords: *suffering artifact, historical and cultural heritage, accident, curiosity, damage to the monument.*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. The Phenomenon of Accidental and Curious Damageto Monuments of Historical and Cultural Heritage. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 4:79–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-79>

Введение. Культурное наследие представляет собой весьма уязвимую среду, которая испытывает воздействие времени и всевозможных казусов, что порождает различные формы «страданий» артефактов. Среди таковых форм можно выделить: нахождение памятников в зоне риска и их балансирование между жизнью и смертью; различные «болезни» памятников; предание артефактов забвению; перемещение и отделение памятников от их «месторазвития»; их «разделение» и «расчленение»; повреждение артефактов в результате исторических коллизий, стихийных бедствий и катастроф; «травмирование» памятников в результате войн и иных вооружённых конфликтов; нанесение артефактам ущерба в результате вандализма; «травмирование» памятников вследствие краж; повреждение памятников вследствие неорганических воздействий на их форму и смысловую ауру; различные формы символических страданий артефактов; авторскую порчу; наконец, такую форму «страданий», как гибель артефакта, и т. д. Перечисленные формы «страданий» памятников объединяет их причастность к обстоятельствам, которые воспринимаются преимущественно как трагические.

В данной статье будут представлены группы артефактов, страдания которых порой носят парадоксальный характер. Речь пойдёт о случайных и курьёзных повреждениях памятников историко-культурного наследия, о «травмах», которые произошли вследствие стечения непредвиденных обстоятельств. Указанные объекты отличает прежде всего то, что повреждения им были нанесены не вследствие целенаправленных усилий кого-либо, катастроф и воздействий природных стихий, а по причине досадных казусов, то есть случайного стечения обстоятельств. Сам по себе феномен случайности со времён Аристотеля и Демокрита приковывал внимание мыслителей. Например, событие может восприниматься как случайное, «если оно произошло неожиданно для наблюдателя. Однако интуитивно понятно, что у любого события есть причина, явная или скрытая, одна или несколько. События без причины невозможны. Любое событие вызвано той или иной причиной или рядом причин, которые могут быть явными или скрытыми от наблюдателя. Скрытую от наблюдателя причину называют случайной» [1, с. 108]. С другой стороны, случайность может представлять и как значимая онтологическая категория, которая, согласно отцам-основателям синергетики [2], непременно проявляется в процессах развития мироздания: «Неупорядоченный хаос выступает потенциальной возможностью нового порядка, из которого образуются новые системы» [3, с. 49].

Теоретико-методологическая основа статьи. Материал статьи развивает концепцию «страдающих» артефактов историко-культурного наследия, основанную на том, что в восприятии наследия и формировании его ценностно-смысловой составляющей особую роль играют психоэмоциональные аспекты, которые существенно влияют на «воображаемую реальность» памятников. Артефакт может наделяться субъектностью, вследствие чего его воображаемое бытие предстаёт как одушевлённое, «очеловеченное»; артефакт выступает как феномен, который живёт во времени, испытывает на себе воздействие истории, «переживает» различные состояния. Одним из сильных психоэмоциональных маркеров «реальности» памятника выступает проецирование «страдания» на его бытие. Данное обстоятельство способно усиливать значимость артефактов и притягивать к ним внимание.

Авторы статьи в последние несколько лет занимаются последовательным рассмотрением различных форм «страданий» памятни-

ков историко-культурного наследия в рамках указанного концепта (см.: Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогич. вестник. 2019. № 6. С. 176–183; Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефакта // Ярославский педагогич. вестник. 2020. № 1. С. 196–203; Леонов И. В., Ройттер Г., Кириллов И. В. Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX–XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3. С. 105–127; Леонов И. В., Кириллов И. В. Следы военного опыта на артефактах: критерии определения ценности и практики сохранения // Ярославский педагогич. вестник. 2020. № 6. С. 189–198; Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт как феномен культуры: балансирование между жизнью и смертью // Ярославский педагогич. вестник. 2022. № 2. С. 187–195).

Основная часть. Артефакты, которые получили повреждения из-за нелепого стечения обстоятельств, воспринимаются особым образом. Многие из случайных повреждений памятников носят *трагический характер*, однако при этом нередко нелепость произошедшего даёт о себе знать. В отдельных случаях (но не всегда) эффект «страдания» артефакта в представлении о его реальности дополняется эффектом курьёзности произошедшего, что при всей трагичности последствий может создавать вокруг артефакта ореол анекдотичности, комичности; в некоторых ситуациях указанные обстоятельства способствуют популяризации памятника. Может возникнуть своеобразный оксюморон — сплетение трагедии и юмора. В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что природа комического весьма неоднозначна. Смех, выступая как специфическая реакция на многообразные проявления реальности, в зависимости от контекста и природы ситуации может интерпретироваться в самом разном ключе — и как проявление невежества, и как средство познания истины и очищения. В этом плане показательны суждения Вильгельма Баскервильского и Хорхе — героев романа У. Эко «Имя розы» — о природе смеха [4]. Исторически одной из главных функций смеха считалась реакция на всевозможные нелепости, досадные и непредсказуемые ситуации. При этом природа указанных ситуаций могла иметь и трагический оттенок. Данное обстоятельство рождает отмеченный выше оксюморон.

Показательным примером является относительно недавняя история о том, как кошка по кличке Падме, принадлежащая британскому искусствоведу Б. Гросвенору, повредила картину XVII века, написанную художником Дж. Райтом, во время её реставрации. Произведению был нанесён ущерб на много тысяч фунтов стерлингов¹. Падме стала знаменитостью в Интернете, а указанное происшествие теперь является неотъемлемой частью биографии произведения искусства, его «провенанса».

Курьёзный характер носят некоторые истории про гибель произведений современного искусства. Так, в 2001 году в Дортмунде (Германия) была выставлена инсталляция «Когда оно начинает капать с потолка» известного германского художника М. Киппенбергера, которая представляла собой совокупность выложенных в башню деревянных плашек и тазика с имитацией осадка после высыхания воды. Уборщица, которая увидела беспорядок на подотчётной ей территории, вычистила тазик до блеска и тем самым повредила произведение². Аналогичная судьба постигла инсталляцию «Моя кровать», созданную современной британской художницей Т. Эмин. Работа представляла из себя кровать со смятой постелью и разбросанные вокруг неё тапочки, газеты, рваные колготки, журналы и пепельницу. Музейный работник аккуратно заправил кровать, выкинув валявшийся вокруг «мусор» [5]. Ещё один пример — инсталляция «Восстановление первой публичной демонстрации авторазрушающегося искусства», включавшая пакет мусора, который лежал рядом с нейлоновой, разъеденной кислотой картиной. Уборщица просто выкинула мусорный пакет... [Там же]. Комизм указанных повреждений обусловлен отсутствием злого умысла у «вредителей», а также спорностью статуса современного искусства, многие проявления которого часть публики воспринимает как совокупность странных предметов, бессмысленное нагромождение форм и т. п.

Примечательная история произошла с ещё одним артефактом современного искусства. В южнокорейском Сеуле в рамках выставки уличного искусства «Street Noise» экспонировалось произведе-

¹ В Британии кот искусствоведа испортил картину XVII века // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190110/1549170644.html> (дата обращения: 16.04.2022).

² Overzealous cleaner ruins £690,000 artwork that she thought was dirty // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2011/nov/03/overzealous-cleaner-ruins-artwork> (дата обращения: 16.04.2022).

ние современного американского граффитиста JonOne «Без названия», которое из-за больших размеров не было размещено под защитным стеклом. Рядом с указанной работой по замыслу автора располагались банки с краской и кисти, и молодая пара, пришедшая посмотреть на выставку, решила, что концепция произведения «Без названия» (которое представляет собой совокупность разноцветных брызг и мазков) заключается в коллективном творчестве. Они нанесли на картину чёрной краской несколько мазков, что было запечатлено камерой видеонаблюдения. Представляет интерес то, что организаторы выставки не выдвинули обвинений против незадачливых посетителей («Они посчитали, что это коллективное искусство, и ошиблись. Сейчас мы обсуждаем с художником, стоит ли реставрировать картину»¹). Впоследствии рядом с работой «Без названия» появилась табличка с надписью «Не прикасаться».

Ещё один подобный (и тоже неоднозначный) пример — нелепое повреждение, нанесённое во время выставки в екатеринбургском Ельцин-центре картине художницы А. А. Лепорской (ученицы К. С. Малевича) «Три фигуры»². Один из музейных охранников шариковой ручкой пририсовал глаза представленным на картине фигурам. Так как титановые белила не были покрыты лаком, чернила проникли в слой краски, и картине, которая входит в собрание Государственной Третьяковской галереи, был нанесён существенный ущерб.

На основании приведённых выше примеров можно сделать вывод, что однопорядковые, рядоположенные казусы могут в зависимости от ситуации и культурного контекста восприниматься по-разному — как преимущественно комические, так и как проявления явного вандализма. Данное обстоятельство существенно усложняет рассмотрение представленной проблематики и вынесение оценок конкретным эпизодам.

Также, рассуждая о курьёзных повреждениях артефактов, можно упомянуть историю об уничтожении самой дорогой в мире бу-

¹ CCTV shows couple in Seoul daubing over \$500,000 graffiti artwork // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-graffiti-vandalism-idUSKBN2BP0SV> (дата обращения: 16.04.2022).

² Глаза к картине ученицы Малевича пририсовал охранник «Ельцин-центра» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220208/vandalizm-1771603962.html> (дата обращения: 16.04.2022).

тылки коньяка. В 2012 году некий С. Калабрезе разбил бутылку «Clos de Griffier Vieux» 1788 года, стоимость которой оценивалась в 78 тыс. долл.¹ Представляется, что в данном случае мы имеем дело с классическим проявлением случайности; в контексте рассматриваемого вопроса можно вспомнить про определение случайности, данное Ф. Энгельсом, который понимал под случайностью вещи и события, «внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что её не существует» [6, с. 395]. Как отмечает Н. Н. Суворов, в мирах, в которых господствует случайность, происходит «исчезновение самого научного знания как системы постижимых координат» [3, с. 124].

Вполне возможно также включить в рассматриваемую группу некоторые произведения искусства, испорченные вследствие ошибок реставрации (которые, к сожалению, неизбежны). Курьёзность ситуации заключается в том, что специалисты, которые призваны были (и намеревались) спасти памятник, вернуть ему некое эталонное состояние либо законсервировать его, только усугубляли ситуацию. Например, пожилой художник-любитель С. Хименес во время реставрации, которая длилась с 2010 по 2012 год, испортила фреску в храме Милосердия в испанском городе Борха. С благословения настоятеля храма она взялась за реставрацию картины художника XIX века Э. Мартинеса «Се человек», но итог получился подлинно курьёзным [7]. Результат работы С. Хименес получил широкую известность как «Пушистый Иисус», он стал поводом для многочисленных интернет-мемов. Подобная история произошла и в Санкт-Петербурге: вследствие неудачной реставрации барельефа на доходном доме П. Т. Бадаева (ул. Восстания, 19; известен также как «Дом печального ангела») было искажено лицо нимфы; эта история привлекла большое внимание градозащитников и петербургской общественности [8].

Приведённые выше примеры характеризует сплетение комической и трагической составляющей. При этом баланс указанных компонентов не всегда соблюдается, порой комическая сторона выражена весьма слабо. Так, в мае 2020 года в Великом Новгороде в

¹ Новости спирта. Что интересного произошло в мире алкогольных напитков // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/07/27/drink> (дата обращения: 16.04.2022).

ходе дезинфекционных работ, призванных остановить распространение острой коронавирусной инфекции, пострадали чрезвычайно значимые объекты — памятник «Тысячелетие России» и Магдебургские врата. После того как артефакты облили хлорсодержащей жидкостью, их поверхность покрылась белыми набрызгами — что вполне естественно, так как хлор является сильным окислителем¹.

Казусы, ведущие к повреждению памятников, довольно многообразны. К примеру, в 2006 году американский игорный магнат С. Уинн, владелец казино в Лас-Вегасе, по неосторожности повредил известное произведение П. Пикассо «Сон» — он случайно оступился и порвал картину [9]. Также относительно недавно Н. Флинн, посетитель музея Фицуильяма близ Дублина (Ирландия), зацепился за развязавшийся шнурок и упал на вазы династии Цин, в результате чего драгоценные вазы, рыночная стоимость которых оценивается в 0,8 млн долл. превратились в кучу осколков². Другой пример: посетительница галереи «14th Factory» в Лос-Анджелесе упала и повредила инсталляцию стоимостью в 200 тыс. долл.³ Аналогичная ситуация произошла в Мехико в 2020 году: известный арт-критик А. Леспер также разбила хрупкую инсталляцию авторства известного художника Г. Рико⁴. Одна из самых громких историй подобного рода произошла в Нью-Йорке в 2010 году: в результате случайного падения одной из посетительниц Метрополитен-музея была повреждена картина П. Пикассо «Актёр»⁵.

¹ Дезинфекция «Тысячелетия». Что произошло с древним памятником после его обработки хлором // Российская газета. Электронный научно-исторический журнал «Родина». URL: <https://rg.ru/2020/05/22/reg-szfo/tysiacheletie-rossii-obrabotali-hlorom-v-novgorode-obiasnili-zachem.html> (дата обращения: 16.04.2022).

² Museum visitor who broke historic vases laments his 'Norman Wisdom moment' // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2006/feb/06/arts.artsnews1> (дата обращения: 16.04.2022).

³ В США посетительница галереи разбила экспонаты на \$200 тысяч, делая селфи // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170714/1498502733.html> (дата обращения: 16.04.2022).

⁴ Critic accidentally destroys \$20,000 artwork at Mexico fair // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/10/critic-accidentally-destroys-20000-artwork-at-mexico-fair> (дата обращения: 16.04.2022).

⁵ Посетительница нью-йоркского музея упала на картину Пикассо // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20100125/206091492.html> (дата обращения: 16.04.2022).

Нередко музейные экспонаты получают повреждения вследствие детских шалостей. Так, относительно недавно (в 2019 г.) в шанхайском Музее стекла расшалившиеся дети, которые прыгали, размахивали руками и «пробовали мир на прочность», повредили стеклянную скульптуру «Ангел ожидания» работы Ш. Сюэ. Примечательно, что по решению художницы обломки данной работы теперь выставляются как отдельный экспонат [10]. Также некоторый резонанс получила история о том, как в Тайбэе 12-летний мальчик повредил дорогостоящую картину «Цветы» итальянского художника П. Порпоры, случайно проткнув её пальцем¹. Приведённый перечень примеров не является исчерпывающим; подобные истории с произведениями искусства разной степени значимости происходят довольно часто. Схожий пример — история о том, как в июле 2020 года в Екатерининском парке Царского Села ребёнок по неосторожности уронил бронзовый бюст умирающего гиганта, созданный в 1794 году мастером Э. Гастклу, в результате чего бюст получил существенные повреждения — образовались трещины и сколы, а также пошла особенно опасная горизонтальная трещина по окружности головы. Кроме того, из-за рассматриваемого происшествия пострадала колонна Камероновой галереи².

Также уместно указать на ситуации, в которых трагический аспект носит выраженный характер, без явных проявлений комичности ситуации. Так, относительно недавно нерадивые сотрудники Египетского национального музея (Каир) случайно повредили бороду погребальной маске Тутанхамона и, пытаясь скрыть произошедшее, приклеили её с помощью эпоксидного клея³.

Заключение. Реестр историй про случайные и курьёзные повреждения артефактов, в том числе и значимых памятников историко-культурного наследия, регулярно пополняется. Указанное явление при всей своей кажущейся нелепости, к сожалению, обна-

¹ Boy trips in museum and punches hole through painting // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/aug/25/boy-trips-in-museum-and-punches-hole-through-million-dollar-painting> (дата обращения: 16.04.2022).

² В Царском селе ребенок уронил бюст умирающего гиганта XVIII века // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200723/1574820763.html> (дата обращения: 16.04.2022).

³ Сотрудники Каирского музея пойдут под суд за отломанную бороду Тутанхамона // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/491204> (дата обращения: 16.04.2022).

руживает себя в сфере сохранения, реставрации и экспонирования культурного наследия. Дело в том, что в рассматриваемой области, несмотря на все попытки оградить артефакты от случайных воздействий, полностью исключить досадные проявления «человеческого фактора» и совершенно не допускать курьезные ситуации невозможно. Так или иначе с наследием взаимодействуют люди, которые не застрахованы от ошибок и которые к тому же порой не имеют соответствующей квалификации и подготовки. Учесть все обстоятельства, которые сопровождают работу с культурным наследием, невозможно. Порой стечение этих факторов рождает непредвиденный, практически невероятный результат. Культурное наследие постоянно сталкивается с потенциальными угрозами самой разной природы. Как бы это прискорбно ни звучало, артефакты в отдельных случаях будут разбивать, ронять, царапать и наносить им иные повреждения, в том числе и без всякого на то злого умысла. Порой повреждения артефактам будут наноситься в процессе деятельности, направленной на их сохранение (в ходе реставрации, консервации, в практиках ухода за объектами историко-культурного наследия и т. п.). И впредь будут возникать ситуации и явно трагические, и трагикомические, и преимущественно комические, пополняя перечень рассмотренных в настоящей статье казусов.

Список источников

1. Шипилов А. И. К проблеме онтологии объективной случайности // Вестник Российского философского общества. 2021. Вып. 1–2 (95–96). С. 107–117.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова; общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
3. Суворов Н. Н., Леонов И. В., Прокуденкова О. В. Новизна культуры или культура новизны. СПб.: СПбГИК, 2021. 272 с.
4. Эко У. Имя розы / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Книжная палата, 1989. 496 с.
5. Новикова А. «Мусорное искусство»: арт-объекты, принятые за хлам // РБК. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5acf6bd99a79476b921bfbcc> (дата обращения: 16.04.2022).
6. Энгельс Ф. Йозефу Блоху в Кёнигсберг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Изд-во полит. литературы, 1965. Т. 37. С. 393–397.

7. Jones J. Great art needs a few restoration disasters // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/23/great-art-restoration-disasters> (дата обращения: 16.04.2022).

8. Черенева В. Л. В Петербурге «степную бабу» с фасада превратят обратно в нимфу // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2020/08/06/reg-szfo/v-peterburge-stepnuu-babu-s-fasada-prevratiat-obratno-v-nimfu.html> (дата обращения: 16.04.2022).

9. Ляликова А. Миллиардер-разрушитель: король Лас-Вегаса испортил вторую картину Пикассо // *Forbes*. <https://www.forbes.ru/milliardery/361405-milliarder-razrushitel-korol-las-vegasa-isportil-vtoruyu-kartinu-pikasso> (дата обращения: 16.04.2022).

10. Loughrey C. Children destroy glass art installation as adults film them // *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/news/children-destroy-glass-art-installation-as-adults-film-them-a7044596.html> (дата обращения: 16.04.2022).

References

1. Shipilov A. I. On the problem of the ontology of objective chance. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society]. 2021. Issue. 1–2 (95–96). Pp. 107–117. (In Russ.)

2. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoj* [Order out of chaos: A new dialogue between man and nature] / transl. Yu. A. Danilov; edit. and after. V. I. Arshinov et al. Moscow: Progress, 1986. 432 p. (In Russ.)

3. Suvorov N. N., Leonov I. V., Prokudenkova O. V. *Novizna kul'tury ili kul'tura novizny* [Novelty of culture or culture of novelty]. St.Petersburg: S.-Peterb. gos. in-t kul'tury, 2021. 272 p. (In Russ.)

4. Eko U. *Imya rozy* [Rose name] / transl. E. Kostyukovich. Moscow: Knizhnaya palata, 1989. 496 p. (In Russ.)

5. Novikova A. "Junk art": art objects mistaken for rubbish. *RBK* [RBC]. Available at: <https://style.rbc.ru/impressions/5ac6bd99a79476b921bfbcc> (accessed 16.04.2022). (In Russ.)

6. Engel's F. Joseph Bloch in Königsberg. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Ed. 2nd. Vol. 37 / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. Moscow: Publishing house polit. literature, 1965. Pp. 393–397. (In Russ.)

7. Jones J. Great art needs a few restoration disasters. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/23/great-art-restoration-disasters> (accessed 16.04.2022).

8. Cherevena V. L. In St. Petersburg, the “steppe woman” from the facade will be turned back into a nymph. *Rossijskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2020/08/06/reg-szfo/v-peterburge-stepniuu-babu-s-fasada-prevratiat-obratno-v-nimfu.html> (accessed 16.04.2022). (In Russ.)

9. Lyalikova A. Billionaire destroyer: the king of Las Vegas ruined the second picture of Picasso. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/milliardery/361405-milliarder-razrushitel-korol-las-vegasa-isportil-vtoruyu-kartinu-pikasso> (accessed 16.04.2022). (In Russ.)

10. Loughrey C. Children destroy glass art installation as adults film them. *Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/news/children-destroy-glass-art-installation-as-adults-film-them-a7044596.html> (accessed 16.04.2022).

Сведения об авторах / Information about the authors

Смирнова Алла Александровна,

Alla A. Smirnova

доктор исторических наук,
профессор, проректор по учебной и
воспитательной работе, зав. кафедрой
теории и истории культуры, Санкт-
Петербургский государственный
институт культуры

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Vice-President in Charge of
Academic and Educational Work, Head
of the Theory and History of Culture
Department of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент,
доцент кафедры теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate
Professor, Associate Professor of
the Theory and History of Culture
Department of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории
и истории культуры, Санкт-
Петербургский государственный
институт культуры

Master student of the Theory and
History of Culture Department of
Saint-Petersburg State Institute of
Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	04.07.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	12.08.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	22.09.2022

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-92>

Миф о рае как центральная тема европейской культуры

Харитонова Мария Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург,
maria4art@gmail.com

Аннотация. *В контексте европейской культуры миф о рае имеет, как представляется, чрезвычайно важное, конститутивное значение. В настоящей статье рассматриваются примеры того, как на протяжении X — первой половины XX века в европейской мысли, а также в сфере художественного творчества этот сюжет претворяется во всем многообразии интерпретаций, демонстрируя богатейший потенциал смыслов и образов. Сохраняя неизменную актуальность, миф о рае остается одной из наиболее существенных констант в культуре Европы. В числе ключевых для данного исследования использованы труды Августина, Т. Мора, Ф. Бэкона, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шлегеля, Р. Вагнера, Г. Гессе и др.*

Ключевые слова: миф, рай, европейская культура, христианство, Библия, Небесный Иерусалим, Каролингское возрождение, Ренессанс, Просвещение, Романтизм

Для цитирования: Харитонова М. А. Миф о рае как центральная тема европейской культуры // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 92–112. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-92>

The Myth of a Paradise as a Central Theme of European Culture

Maria A. Kharitonova

Saint Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia,
maria4art@gmail.com

Abstract. *The myth of a paradise has a seemingly essential, constitutive meaning in European culture. This paper examines different examples of interpretations and renderings of the subject in European thought and the sphere of artistic creativity over the course of the 10th — 1st half of the 20th centuries, revealing a rich conceptual and imaginative potential of the narrative. Maintaining*

consistent actuality, the myth of a paradise appears as one of the substantial constants in the culture of Europe. Among the key works the article considers those of Augustine, T. More, F. Bacon, J.-J. Rousseau, F. Schlegel, R. Wagner, H. Hesse and others.

Keywords: *myth, paradise, European culture, Christianity, Bible, Heavenly Jerusalem, Carolingian Renaissance, Renaissance, Enlightenment, Romanticism*

For citation: Kharitonova M. A. The Myth of a Paradise as a Central Theme of European Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:92–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-92>

Введение. Миф о рае представляется одной из фундаментальных архетипических моделей в истории европейской культуры и европейского сознания. На протяжении веков в содержании этого древнего мифа актуализировались как языческие, дохристианские, так и христианские мотивы, маркировались те или иные аспекты и вместе с тем происходило образование новых смыслов: содержание, таким образом, варьировалось, дополнялось, обогащалось. Анализируя то, как именно строилось мифологическое повествование вокруг «рая» в определенные исторические периоды, как представляется, можно проследить основные направления социокультурной динамики, изучив и поняв базовые принципы и характер той или иной культурной эпохи. В сущности, различные модели общественного устройства, теоретические и практические; культурные и политические реформы и революции; литературные утопии и пр. представляются не чем иным, как развернутым осмыслением мифа о рае.

Результаты исследования. Рай, согласно христианским представлениям, являет собой место вечного блаженства, в котором будут пребывать праведники после окончания земной жизни. Само слово *рай* в его вариантах, производных от греч.-лат. *paradises* [1], вошло в языки западноевропейских стран из персидского *paradaida* [2, р. 9], что означает «отовсюду отгороженное место» [1], а также «сад», «парк» [3]. В результате греко-персидских войн и Вавилонского пленения иудеев слово *paradaida* входит в греческий (в виде *paradeisos*) и древнееврейский (как *pardes*) языки. Так, в древнееврейских текстах Книги пророка Неемии и «Песни Песней» *pardes* указывало на цветущий фруктовый сад [2, р. 9; Песн. 4:12-15; Неем. 9:25], и именно заимствованное из персидского слово впо-

следствии использовалось при переводе Танаха на греческий язык Семьюдесятью толковниками (Септуагинта) как эквивалент еврейского *ganeden* («сад наслаждения») в описании Эдемского сада в Книге Бытия [2, р. 10; Быт. 2:8].

Несмотря на то что европейские представления о рае складывались во многом под влиянием культур народов Востока, античности, кельтской и германской мифологии [4], их главной основой все же стали библейские тексты, и в первую очередь Книга Бытия. В ней содержится рассказ о саде, который Бог насадил в «Едеме на востоке» [Быт. 2:8] и куда поместил первых людей — Адама и Еву, «чтобы возделывать и хранить его» [Быт. 2:15]. Связанный с представлениями о первозданной красоте природы, совершенстве и невинности человека, его единстве с Богом, абсолютной мировой гармонии, образ рая как сада используется затем, как было показано выше, и в других библейских книгах, обретая в дальнейшем устойчивость в культуре Европы в целом.

Вместе с тем в новозаветной книге Откровения Иоанна Богослова, иначе Апокалипсисе, рай предстает в образе не сада, но великолепного города, Небесного Иерусалима, который будет дарован с небес самим Богом [Откр. 21:2-22:5] после катастрофического уничтожения прежнего мира [Откр. 9:5-13]. Рай в этом его облике связывается уже не с первозданным миром, не с «невинным началом пути человечества», но с «эсхатологическим концом этого пути» [1] в изжившем себя мире. Как при начале мира человеку был дарован Эдемский сад-рай, впоследствии утраченный в результате отпадения от Бога [Быт. 3], так в последние времена Бог вновь подарит человечеству совершенное место для жизни, «новое небо и новую землю» [Откр. 21:1]. В Небесный Иерусалим, где не будет смерти, болезни и страданий, войдут спасенные народы, с которыми Бог восстановит свой союз [Откр. 21:3, 4, 24].

Несмотря, однако, на разность этих двух образов, сада и города, они все же сближаются друг с другом как огражденные, дружественные человеку пространства [1], в которых обретается мир и гармония.

Выдающийся российский ученый, историк, филолог, культуролог Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) выделяет также третью линию в выстраивании и разработке образа рая в христианской традиции, а именно рай как небеса. Этот образ — небесные ярусы,

надстроенные друг над другом и населенные ангелами [Там же], — берет начало, главным образом, в апокрифической литературе (в частности, в Книге Еноха Праведного) и впоследствии, пожалуй, самым ярким образом раскрывается в великом произведении (литературном, богословском, философском) начала XIV века, *«Божественной Комедии»* Данте. Небеса, в трактовке Аверинцева, «противостоят пути человечества, как неизменное — переменчивому, истинное — превратному, ясное знание — заблуждению [Там же].

Все три образа рая — сад, город, небеса — получили богатую литературную, иконографическую и фольклорную разработку в культуре Европы [Там же]. Тем не менее, как замечает Аверинцев, «с точки зрения строгой теологии и мистики, о рае известно только одно — что там человек всегда с Богом» [Там же]. Он подчеркивает, что «Новый Завет... не дает чувственных и наглядных образов рая, но или чисто метафорическую образность притч о браке, о брачном пире и т.п. ..., или формулы без всякой образности вообще..., дающие понять, что самая природа человека и его бытие “в воскресении” радикально переменятся» [Там же].

При этом в Евангелии от Луки [Лк. 17:21] подчеркивается, что рай как Царство Божие обретается не только в будущей жизни, но уже находится внутри человека, если он следует заповедям Христа. Таким образом, рай может пониматься и как особое состояние души человека, в котором он приобщается радости, духовному веселью и наслаждению, которое уготовано святым в вечном царстве света.

Одной из ярких попыток соединить миф о рае с земной действительностью в Средние века стала деятельность короля франков и позднее императора Запада Карла Великого (742/748–814), с фигурой которого принято связывать начало так называемого Каролингского возрождения — периода значительного культурного подъема в формирувавшейся в то время единой Европе¹.

Так, помимо политической сферы, особые созидательные усилия Карла I были направлены на сферу образования, поскольку, по его мнению, приумножение знания и покровительство ему являлись одними из первостепенных обязанностей государя [5, с. 63]. Интересно, что исполнялись эти обязанности в русле идей философа и богослова, одного из отцов Церкви, Августина Блаженно-

¹ Как единая общность Европа фактически складывается примерно к началу XI в.

го (354–430), высказанных им в его зрелом сочинении «*О Граде Божьем*», которое любил перечитывать Карл Великий [6, с. 70]. «Град Божий» — один из двух главных «принципов человеческого бытия» [7, с. 489], суть которого заключается в «жизни по Богу», то есть следовании божественным установлениям и порядкам, и будущем вечном царствовании с Богом. По Августину, принцип «града Божьего» предельно раскрывается в грядущем граде — Небесном Иерусалиме, в котором, как в Царстве Божьем, обретут вечное блаженство праведники по всеобщем воскресении. Именно этот принцип служил Карлу образцом для построения земного царства.

«Убежденный в том, что для создания Града Божьего на земле и спасения христианского общества необходимо поднять его моральный и интеллектуальный уровень» [8], основатель династии Каролингов создает сеть школ «для всех, кто способен учиться» [9, с. 226] (но главным образом для монахов и духовенства), средоточием которой стала придворная школа для детей короля и аристократии в немецком Ахене, столице Карла Великого. В школе, куда съезжался интеллектуальный цвет с Италии, Англии, Ирландии, Испании, велось обучение латинскому языку, Библии, классикам и семи свободным искусствам [Там же]. Взаимодействие школы и двора, маститых учителей и их учеников, «любителей и покровителей учености» [Там же] привело к возникновению особого общества, получившего впоследствии название «академии Карла Великого». Российский филолог, историк античной литературы Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) пишет: «Это была сразу как бы академия наук, министерство просвещения и дружеский кружок: здесь обсуждались серьезные богословские вопросы, читались лекции, толковались авторы и устраивались пиры» [Там же].

Интересно, что внутри академии осуществлялась своеобразная «литературная игра» [5, с. 65], которая заключалась в том, что каждый из ее участников имел второе имя — античный или библейский псевдоним. Так, в кругу Карла можно было встретить, к примеру, Горация, Овидия, Пиндара, Августина, а также Аарона и Самуила. Сам же Карл выступал в роли Давида, «мирного государя», как пишет французский историк-медиевист Жак Ле Гофф (1924–2014) [Там же]. Однако «мирным государем» вернее называть не Давида, но его сына, царя Соломона, имя которого (*Шломо* в еврейском варианте) происходит от еврейского «мир», «шалом», в то время как

возможный перевод имени Давид, скорее, — «близкий», «родственник» [10, с. 864]. Тем более что «мирным», то есть не знающим войн, было правление именно Соломона, но не Давида, который воевал весьма часто [2 Цар.].

Примечательно, что Карл Великий выбрал для себя именно имя Давида, «величайшего израильского царя» и «создателя единого Израильского царства» [11, с. 864], ведь в 800 году Карл был провозглашен папой Львом III первым императором единой Европы, пусть и в ее урезанном варианте [5, с. 57]. Однако важно и то, что в христианской традиции (впрочем, как и в иудейской) царь Давид является прообразом Мессии, то есть Христа, — Спасителя, который происходит из «корня Иессеева» [Ис. 11:10], из рода царя Давида (сына Иессея). Он и становится тем, кто открывает для избранных Царство Небесное, или «град Божий», по образу которого и стремился создать новое европейское государство Карл I.

«Царство Божие на земле, объединенное христианской верой и латинским языком, языком церкви; во главе его — вселенский император, Карл-Давид, избранник Божий, в чьих руках — и светская, и духовная власть; вокруг него — его сподвижники и певцы, утверждающие его власть и славу по всему латинскому миру франкским мечом, христианской мыслью и античным словом, — таков был идеал двора и академии Карла» [9, с. 230]. И, несмотря на то, что это действительно был в большей степени *идеал*, чем воплощенный в жизнь проект, для развития и будущего Европы подобная установка Карла была весьма важной [5, с. 59]. Так, например, уже в начале XIX века немецкий философ, писатель, критик, теоретик раннего романтизма Фридрих Шлегель (1772–829) в своих «Фрагментах» напишет, что «революционное стремление осуществить Царство Божие на земле — пружинящий центр прогрессивной культуры и начало современной истории. Все, что не связано с Царством Божиим, представляется ей чем-то второстепенным» [12, с. 301].

Интересно заметить, что, несмотря на то, что в проекте Карла Великого концепт рая раскрывается в первую очередь через образ Небесного Иерусалима, в нем прочитывается и образ рая как сада. Но речь идет не об Эдемском саде-парке, но скорее о «саде мудрости», смысл которого раскрывается через еврейское слово *pardes*.

Как отмечает российский культуролог, богослов и переводчик Дмитрий Владимирович Щедровицкий (р. 1953), каждый библей-

ский стих может прочитываться исходя из четырех основных (как для иудейской, так и для христианской традиции) уровней толкования, обозначаемых четырьмя соответствующими еврейскими словами [13, с. 27–28]. Так, слово «*пшат*» означает буквальное значение; «*ремез*» — «скрытый намек», подразумевающий аллегорическое прочтение текста; мистико-символический уровень обозначается словом «*друш*»; и, наконец, «*сод*» относится к высшему, анагогическому, уровню интерпретации, в котором раскрывается сокровенно-таинственный, божественный смысл Писания, доступный лишь «особо одаренному, духовному» [Там же, с. 28] читателю. Вместе эти слова образуют аббревиатуру «*пардес*», что значит «*райский сад мудрости*» [Там же]. Очевидно, что в этом смысле образ рая как сада более чем применим к проекту Карла, включавшему придворную школу и Академию с ее литературной игрой — своего рода, «рассадники» мудрости.

Образы рая как *земного рая* и «*сада мудрости*» особым образом обыгрываются и в эпоху Возрождения, во Флоренции второй половины XV века, где в 1470–1480 годах процветала Платоновская академия под руководством Марсилио Фичино (1433–1499), итальянского гуманиста, философа, теолога и переводчика. Как пишет Алексей Федорович Лосев (1893–1988), флорентийская Академия, в которой ковались гуманистические и эстетические идеалы Ренессанса и процветал философский неоплатонизм, «была чем-то средним между клубом, ученым семинаром и религиозной сектой» [14, с. 220]. Среди ее участников были Кристофоро Ландино, комментировавший Вергилия, Горация и Данте; легендарный правитель Флоренции Лоренцо Великолепный; Пико дела Мирандола, «расширивший интеллектуальный горизонт “платонической семьи” знакомством с восточными источниками» [Там же], а также автор знаменитой «*Речи о достоинстве человека*», своеобразного манифеста эпохи Возрождения; поэт Анджеоло Полициано и др. Жизнь на вилле Кареджи близ Флоренции, где располагалась Академия, была организована «по образцу платоновской» [Там же]; «время протекало здесь в разного рода привольных занятиях, прогулках, пирушках, в чтении, изучении и переводах античных авторов... Фичино был платоником-энтузиастом... услаждавшим себя не только церковными службами и Новым заветом, не только упоением на лоне природы, но и восторженной игрой на лире, а также различными фи-

лософскими трактатами, а сверх того и собственным поэтическим творчеством» [Там же].

Таким образом, несмотря на то, что прямым прообразом флорентийской Академии являлась Академия Платона — философская школа, созданная им близ Афин в IV века до н. э., — она в то же время оказывалась и подобием райской обители (что вполне закономерно, учитывая путь, который прошла европейская культура от античности через христианское Средневековье к началу Возрождения). Детище Фичино представало при этом и как плодородный «сад мудрости», и как «сад наслаждения», где его обитатели могли свободно заниматься творчеством, испытывая удовольствия от многообразных земных радостей и гармонии дружеского общения.

Чуть позже, в начале XVI века, миф о рае получает новое развитие в ренессансной мысли. В 1516 году появляется сочинение английского гуманиста и политика Томаса Мора (1478–1535) под названием «*Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия*» (или просто «*Утопия*»). Мор принимает эстафету, в частности, от того же Платона, представившего идеальный общественно-политический строй в своем «*Государстве*», и высказывает собственные мысли по этому поводу, описывая государственное устройство и нравы жителей Утопии.

Примечательно при этом само название острова — *Утопия*. Так, перевод с греческого слова «утопия» возможен в двух вариантах: «место, которого нет» и «благое место», «благословенная страна». В результате уже в заголовок книги включен вопрос: а возможно ли существование подобного места? Насколько осуществимо то, что будет описано далее? Интересно, что данный вопрос чрезвычайно характерен и в контексте поисков Земного рая, о местонахождении которого так много размышляли в богословских и литературных опусах в эпоху Средних веков, то и дело предпринимая реальные попытки его найти, совершая путешествия [15, с. 145–181, 156]. Самым известным из таких путешествий в поисках Земного рая стало плавание Христофора Колумба, ознаменовавшее в связи с открытием Американского континента начало новой эпохи в культуре Европы — *Нового времени* [Там же, с. 157]. Как пишет о Колумбе известный итальянский ученый, теоретик культуры Умберто Эко (1932–2016), «первый человек Нового времени на самом деле

был последним человеком Средневековья, то есть буквально воспринимал Писание. Одной из навязчивых идей, подвигнувших генуэзца во что бы то ни стало стремиться туда, где, по его мнению, находился крайний восток, было стремление отыскать земной Рай» [Там же]. И открытый им Новый свет воспринимался знаменитым мореплавателем не чем иным, как именно земным Раем, что следует из приводимого Эко в его книге «История иллюзий» (2013) письма Колумба испанским монархам [Там же, с. 175].

Возвращаясь к «Утопии» Томаса Мора, важно отметить, что сам облик описываемого английским мыслителем государства, расположенного на *острове*, отсылает к сюжетам, связанным с образами рая.

С одной стороны, он делает отсылку к античным источникам, таким, в частности, как «Труды и дни» Гесиода и вторая «Олимпийская ода» Пиндара, в которых говорится об островах блаженных, где среди «золотых цветов», «сияющих деревьев» и потоков воды «достойные мужи обретают беструдную жизнь» и «беспечальную вечность»¹. С другой стороны, образ *рая как острова* был чрезвычайно популярен и в Средневековье и находил развитие в многочисленных сочинениях, наподобие написанного в X–XI веках «Плавания святого Брендана» [Там же, с. 154–155]. Очевидно, что в качестве отделенного от остального мира острова с роскошной природой и всякого рода изобилием рай соотносится с *садом*. О садах же Мор пишет, что они чрезвычайно ценятся и тщательно возделываются утопийцами, которые насаживают их позади своих домов [16, с. 106].

Однако основными структурными образованиями на острове Утопия становятся города, «обширные и великолепные» [Там же, с. 100], которых всего пятьдесят четыре. Интересно, что главный город, по типу которого выстроены и все остальные города острова, «по форме представляет почти квадрат» [Там же, с. 104], что напрямую соотносится с формой Небесного Иерусалима, описываемого в Откровении Иоанна Богослова: «Город расположен четве-

¹ Стоит заметить, что и для Платона, по всей вероятности, источником идей для «Государства» стали мифолого-поэтические представления о «золотом веке» и «блаженных островах» как идеальных хронотопах, взятых им за образцы, но существенно иначе осмысленных в терминах конкретного социально-политического устройства.

роугольником, и длина его такая же, как и широта» [Откр. 21:16]. Жизнь в городах устроена предельно гармонично, в них процветает рационально организованный труд, приводящий к изобилию и достатку, а также науки и искусства, способствующие всестороннему развитию личности. Жизнь в утопийских городах в целом спокойна и безопасна, хотя Мор и не исключает возможности проведения войн с целью защиты Острова, а также совершения преступлений со стороны граждан Утопии, за которые они должны нести наказание. Последние аспекты очевидно выбиваются из идеальных представлений о рае, приближая, таким образом, «Утопию» к реалиям современной Мору жизни. Английский философ пытается адаптировать миф к реальности, тем самым надеясь подчеркнуть его жизнеспособность.

Интересно также, среди прочего, что Мор не допускает атеизма в пространстве Утопии. Каждый из ее жителей волен исповедовать любую веру, являться последователем любой религии, но никак не быть атеистом, не признающим высших (нежели чем земные) законов и «участия провидения» в жизни человека [16, с. 186]. В этом условии прочитывается, хотя и в весьма свободной интерпретации, библейская мысль о рае как связи между Богом и человеком, состоянии их общения и единства.

В XVII веке тема рая также развивалась по нескольким направлениям.

Что касается культуры слова, то, пожалуй, самым значительным литературным памятником в этом отношении стал *«Потерянный рай»* английского поэта Джона Мильтона, впервые изданный в 1667 году в десяти книгах, к которым в 1674 были добавлены еще две. В масштабной форме эпической поэмы Милтон рассказывает библейскую историю о создании первых людей, Адама и Евы, их жизни в раю и грехопадении, которое явилось причиной изгнания прародителей из великолепного Эдемского сада, а также данным им обетовании об искуплении и спасении человечества будущим Мессией. При этом Милтон насыщает свое сочинение изумительными по красоте и впечатляющими своей «наглядностью» эпизодами-описаниями (первозданной природы, первых людей, ангельских сил, небесных обителей, а также преисподней и пр.), философскими и нравственными размышлениями. Все это делает *«Потерянный рай»* действительно выдающимся образцом литературы

XVII столетия и одной из наиболее важных разработок темы рая в культуре Европы в целом.

Другой линией, в русле которой рай напоминал о себе в XVII столетии, стала линия, очерченная Колумбом. Как известно, в это время продолжалось активное освоение земель Нового Света, открытого Колумбом в 1492 году. Так, в 1620 году на северо-востоке современных США, на побережье нынешней Новой Англии, высадились группа англичан-кальвинистов. Они прибыли к берегу Кейп-Под на галеоне «Мэйфлауэр», составив на борту корабля «Мэйфлауэрское соглашение», которое впоследствии стало «символом демократического самоуправления, дух которого потом был воплощен в американской Конституции» [17, с. 214]. Эти английские пилигримы не были изгнанниками, высланными со Старого Света за море (как, к примеру, испанские евреи и некрещеные мавры [Там же]), они не являлись колонизаторами или миссионерами (соответственно распространенным практикам предыдущего столетия). Но, как замечает российский искусствовед, историк культуры Александр Викторович Степанов (р. 1941), эти поборники религиозной свободы, пуритане-кальвинисты, отправились в Новый Свет «как на обетованную землю, осознавая себя «богоизбранным народом» [Там же]. Можно сказать, что эти люди, столь радикально порвавшие с прошлой жизнью, подобно Иоанну Богослову, увидели «новое небо и новую землю: ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» [Откр. 21:1], и на этой новой земле в итоге возникло одно из могущественных государств современности.

Есть и еще одно примечательное направление, по которому развивалась тема рая в культуре барокко, а именно — сады вилл и дворцов. Здесь следует заметить, что, несмотря на наличие в XVII веке параллельного барокко стиля — классицизма, данную эпоху все же представляется справедливым называть именно эпохой барокко, настолько велико было влияние этого культурного феномена, далеко выходящего за рамки единственно художественного стиля [17, с. 216–218]. Классицизм, как известно, получит мощное развитие и займет главенствующее положение уже в следующем, XVIII веке. И в контексте размышлений о европейской культуре XVII столетия, и в данном случае конкретно о специфике садов, речь пойдет именно о барочных садах, распространившихся преимущественно в средней Италии в конце XVI–XVII веков. Наряду с оперой, пожа-

луй, именно садово-парковое искусство полнее и нагляднее всего воплощает барочный дух, жаждавший блистательной зрелищности, великолепия и чудес.

Эстетика садов барокко зародилась еще во второй половине XVI века¹ в таких шедеврах садово-паркового искусства, как сады вилл д'Эсте в Тиволи или Фарнезе в местечке Капрарола. В XVII столетии среди наиболее впечатляющих садов барокко можно назвать сады виллы Альдобрандини во Фраскати близ Рима и римской виллы Памфили.

Как пишет Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) в книге «*Поэзия садов*», барочные сады должны были прежде всего «удивлять, поражать, интересовать», вызывать ощущение чуда [18, с. 91]. Все эти эффекты создавались с помощью многочисленных садовых террас, изобилия фонтанов, водных каскадов и прудов, чередования тенистых аллей, пустошей и солнечных лугов, возведения садовых театров² и каменных павильонов, помещения в садах аллегорических статуй и т. д.

Примечательно, что одну из глав в «*Опытах и наставлениях*» английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) посвящает именно садам. В ней он дает советы по устройству садов владетельных особ, у которых, по его мнению, «должны быть сады на каждый месяц в году; так, чтобы в них круглый год что-нибудь цвело и созревало» [19, с. 123]. Бэкон подробно расписывает, какие растения и цветы должны быть посажены в том или ином месяце, чтобы сад являл собой пиршество для глаз и радовал своим благоуханием. Количество видов растений, которые упоминает философ, столь велико, так что сад должен был просто поражать своим разнообразием, являя собой как бы срез-образец бесконечно многообразного мира природы.

Воздавая хвалу садам, Бэкон говорит: «Первым, кто насадил сад, был Господь. Занятие это есть поистине чистейшее из удовольствий человека. Ничто так не освежает душу; без садов все дворцы и прочие здания кажутся мертвыми (курсив. — М. Х.)» [Там же]. Таким образом, философ обращает внимание на способность сада ак-

¹ Этот период называют по-разному: поздним Ренессансом, Маньеризмом или ранним Барокко.

² Садовыми театрами назывались полукруглые декоративные стены с нишами для статуй.

кумулятивировать в себе жизненную энергию, а *жизнь, дыхание жизни* в этом контексте напрямую отсылают к первым дням Творения и Эдемскому саду [Быт. 1:20, 24, 30; Быт. 2:7]. Д. С. Лихачев добавляет: «Сад служит не только познанию мира, но и его изменению к лучшему. Только истинное познание мира дает человеку право и возможность улучшить мир. Так и в садах, — исходя из познания природы, изменить ее на благо человеку, создать истинный рай на земле» [18, с. 96].

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, миф о рае также актуализируется в поле культуры, причем в двух направлениях.

Так, тема рая получает специфическую интерпретацию в «классическом» Просвещении, в творчестве мыслителей круга Вольтера, таких, как, например, *Жан Антуан Кондорсе* (1743–1794), французский философ, математик и политик.

В своем главном труде «*Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*» Кондорсе представляет историческое развитие как путь непрерывного прогресса, совершенствования способностей человеческого разума. Он создает модель десяти исторических эпох, десяти различных стадий цивилизации, от первобытности до образования французской республики, каждой из которых он дает достаточно обстоятельную характеристику.

В его модели десятая эпоха представляет собой эпоху будущего, эпоху абсолютного торжества разума, когда с помощью доступного образования, развития полезных наук и утверждения справедливого законодательства будет достигнуто всеобщее благосостояние, плодами которого станут «гуманизм, благотворительность и справедливость» [20, с. 246]. Человечество, наконец, обретет совершенную свободу от любого типа тирании; развитие медицины приведет к значительному увеличению продолжительности жизни, близкому к «беспредельному» [Там же, с. 256] (по сути, Кондорсе проводит мысль о возможном бессмертии, хотя чуть выше и говорит, что «без сомнения, человек не станет бессмертным» [Там же]); и в конце концов будет достигнуто состояние счастья. По словам идеолога Просвещения, созерцание этой картины дает немалое утешение философу, «удрученному заблуждениями, преступлениями и несправедливостями», которыми по-прежнему полон мир [Там же, с. 258]. «Это созерцание является для него убежищем, где память о своих гонителях не может его преследовать; где, живя мысленно с

человеком, восстановленным в своих правах как в достоинстве его природы, он забывает современного ему человека, которого жадность, страх или зависть мучат и развращают; именно там он существует подлинно с себе подобными, в некотором *раю* (курсив. — М. Х.), который его разум сумел создать и который его любовь к человечеству украсила чистыми наслаждениями» [Там же].

И если трактовка райской темы у Кондорсе близка скорее линии «*Утопии*» Мора с ее образом идеального города, в котором также всеобщее благоденствие связывается с *разумностью* введенных там порядков, то иначе раскрывает эту тему другой идеолог Просвещения, критиковавший его сугубо рационалистскую направленность, а именно *Жан Жак Руссо* (1712–1778).

Для Руссо, в отличие от Вольтера и Кондорсе, в основе подлинного Просвещения лежит отнюдь не разум, но чувства и изначально присущая человеку *природная* добродетель. Он высказывает идею о возвращении к естественному, природному в человеке, к тому, что не искажено культурой — науками и искусствами, которые, согласно Руссо, «обязаны своим происхождением нашим порокам» [21, с. 19]. Так, он полагает, что, в действительности, «астрономия родилась из суеверий; красноречие — из честолюбия, ненависти, лести, лжи; геометрия — из скупости; физика — из праздного любопытства, — все они и даже сама мораль вместе с ними — из человеческой гордыни» [Там же]. Культура, таким образом, является для Руссо тем, что рождается из лицемерия и им же поддерживается¹ и, более того, выступает как часть системы подавления человеческой свободы. Об этом Руссо пишет так: «В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства — менее деспотичные, но, быть может, более могущественные, — покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами. Необходимость воздвигла троны; Науки и Искусства их укрепили» [Там же, с. 12].

¹ Позднее сходным образом будут высказываться об истории и культуре Ф. Ницше («О пользе и вреде истории для жизни», 1874) и З. Фрейд («Недовольство культурой», 1930).

Важно и то, что, по мысли Руссо, «человек природы» являет собой «абсолютное целое», самодостаточное и независимое, в то время как «гражданский человек» эту цельность утрачивает, становясь «дробной единицей, зависящей от знаменателя... значение которой заключается [не в ней самой, а] в ее отношении... к общественному организму» [22, с. 4]. Как представляется, эта идея абсолютной цельности человека, его *нерасколотости*, прямо соотносится с традиционными представлениями о *райском* состоянии человека до грехопадения.

В начале же XIX века, в период раннего Романтизма, одной из важнейших тем становится «ностальгия», желание вернуться к некоему состоянию покоя и счастья, когда-то знакомому, но утраченному, жажда, тоска, «вечный порыв» к бесконечному как смыслу всего конечного [23, с. 38]. Особенно ярко эти темы звучат в творчестве йенских романтиков, в частности в поэзии и философских фрагментах Новалиса (1772–1801) и сочинениях Фридриха Шлегеля. Так, Шлегель в одном из писем говорит о «бесконечности человеческого духа, божественности всех естественных вещей и чело- вечности богов» как «вечной великой теме» всех наук [12, с. 355]. В другом месте он добавляет, что «лишь через отношение к бесконечному возникает содержание и польза», а то, что не соотносится с бесконечным, «всецело пусто и бесполезно» [Там же, с. 358].

Тоска по неведомому и жажда «новых мест» и «чужих небес» [24] специфическим образом раскрывается у романтиков в теме странствий, ставшей для них одной из важнейших. Пожалуй, самым известным романтическим путешественником можно считать байроновского Чайльд Гарольда, которого «тоски язвительная сила» заставила покинуть «свой почтенный старый дом» [Там же] и отправиться в многолетнее паломничество. Тема странствий была также интересна и поэтам «Озёрной школы» У. Вордсворту (1770–1850) и С. Т. Кольриджу (1772–1834). При этом целью странствия для романтиков становилось «познание прекрасного... единение с Мировым Истоком, Богом, миром Идеала» [25, с. 34], ввиду чего физическое путешествие рассматривалось скорее как фон или рама для осуществления внутреннего паломничества.

Те же темы звучат и в начальном монологе гётевского Фауста, мучимого тоской и жаждой познать тайны природы, глубинные связи мироздания [26]. Испытывая неизъяснимое блаженство

при взгляде на знак Макрокосма и в надежде на обретение истины о Вселенной, он решается на договор с Мефистофелем, совершая небывалое для себя путешествие, развернувшееся в направлениях и внешнего, и внутреннего.

Интересно отметить, что эти мотивы, характерные для творчества романтиков, соотносятся со словами из второй песни «Рая» Данте, который описывает их с Беатриче вознесение на Первое небо: «Врожденное и вечное томленье / По Божьем Царстве мчало наш полет» [Р., II, 19–20].

В середине XIX столетия знаковым явлением в культуре Европы становится творчество немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883), создавшего концепцию *Gesamtkunstwerk* — «великого, всеобщего произведения искусства» [27, с. 161]. Такого рода произведение, являющее собой синтез искусств (танца, музыки, поэзии, живописи и архитектуры на основе драмы) и мощно действующее народную мифологию, призвано восстановить исконную связь человека с природой, а также обеспечить единение и счастье «подлинно свободных» людей [Там же, с. 145, 150].

В первой половине XX века «райская» тема любопытным образом проявляет себя в романе Германа Гессе «Игра в бисер» (1943), заявляя о себе в образе *Касталии* — особой Провинции в государстве, обители чистого духа, высокой интеллектуальной и нравственной культуры, хотя и взаимодействующей с окружающим миром, но все же в большей степени *огражденной* от него. Главным достоянием Касталии является *игра в бисер*, или просто *Игра*, позволяющая всецело задействовать опыт мировой культуры, включающей различные науки, философию, искусства, богословие, телесно-духовные практики, в гармоничном единстве неожиданных и причудливых связей. Таким образом, Гессе актуализирует идею «райского сада мудрости», обращаясь при этом и к древнегреческой мифологии: как известно, Кастальский ключ проистекал на горе Парнас — обители Аполлона и Муз.

Однако тема рая раскрывается у Гессе прежде всего в концепте самой *игры* как торжества свободы, непринужденности, веселья, радостного творчества. В этом отношении показателен эпизод видения из жития христианских мучеников III века Перпетуи и Фелицитаты, которое записал учитель Перпетуи Сатур (фрагменты жития 11–13). Так, по своей кончине мученики были приведе-

ны ангелами в необычайно светлое «огороженное» место к престолу Бога и от стоящих рядом старцев в белых одеждах услышали: «Идите и играйте» (“Ite et ludite”) [28]. Еще ранее, в восьмом фрагменте жития Перпетуя рассказывает о своем сне, в котором видела рано умершего брата в раю, радостно *играющим* с водой из золотой чаши, которой утолял жажду.

Заключение. Итак, представленные выше избранные сюжеты из европейской культуры показывают, насколько востребованным оказывался миф о рае на протяжении десяти столетий начиная с X века. На материале философских сочинений, литературных произведений, социально-политических теорий и проектов становится очевидным богатейший потенциал исследуемого мифа и предельно разнообразные возможности его интерпретации и инкорпорирования в систему культуры Европы.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Рай / София-Логос. Словарь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/170 (дата обращения: 28.09.2021).
2. Scafi A. Maps of Paradise. The University of Chicago Press, 2013. 177 p.
3. Бондарко Н. А. Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/bondarko-na/sad-ray-tekst-allegoriya-sada-v-nemeckoy-religioznoy-literature-pozdneho> (дата обращения: 5.08.2021).
4. Алексеев А. И. Представления о рае в период Средневековья. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/alekseev-ai/predstavleniya-o-rae-v-period-srednevekovya> (дата обращения: 5.08.2021).
5. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008. 398 с.
6. Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб.: Сенатская тип., 1912. 200 с.
7. Сыров В. Н., Суханова С. Ю. «О Граде Божьем» и современная философия истории, или Что нам могут сказать размышления Августина об истории // Философское антиковедение и античная традиция. 2014. Вып. 8. С. 480–491.
8. Ласкова Н. В. Капитулярии Карла Великого об образовательном уровне и роли духовенства в формировавшейся империи Каролингов. URL: <https://na-journal.ru/2-2019-gumanitarnye-nauki/1561-kapitulyarii-karla-velikogo-ob-obrazovatelnom-urovne-i-rol-i-duhovenstva-v-formirovavsheysya-imperii-karolingov> (дата обращения: 22.05.2021).

9. Гаспаров М. Л. Каролингское возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV–X веков. М.: Наука, 1970. С. 223–242.
10. Еврейская энциклопедия в 16 томах. Т. 6. Санкт-Петербург: Общество для научных еврейских изданий, издательство Брокгауз — Ефрон, 1910. 960 с.
11. Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. с ит. М. Л. Лозинского. М.: Наука, 1967. 627 с.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
13. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисея. М.: Теревинф, 2014. 1088 с.
14. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. 624 с.
15. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны. М.: Слово, 2014. 480 с.
16. Мор Т. Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия. М.; Л.: Academia, 1935. 240 с.
17. Степанов А. В. Чем нам интересно барокко // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 191–222.
18. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; Типография «Новости», 1998. 356 с.
19. Бэкон Ф. О садах // Новая Атлантида. Опыт и наставления нравственные и политические. М.: Изд.-во Академии наук СССР, 1962. С. 123–127.
20. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 267 с.
21. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этою же Академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 9–30.
22. Руссо Ж.-Ж. Эмиль // Собрание сочинений : в 3 т. СПб.: Издание Н. Л. Тиблена, 1866. Т. 1. С. 1–461.
23. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 4. От романтизма до наших дней. СПб.: Пневма, 2003. 880 с.
24. Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд Гарольда. URL: <http://lib.ru/ROEZIQ/BAJRON/child.txt> (дата обращения: 7.05.2022).
25. Забогонская И. Л. Жанровая дифференциация медитативного странствия в английской романтической поэзии // Вестник Полоцкого гос. ун-та. 2012. № 2. С. 34–39.
26. Гёте И. В. Фауст / пер. с нем. Н. Холодковского. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. 478 с.
27. Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. 695 с.

28. Страсти Перпетуи и Фелицитаты // Пантелеев А. Д. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rannie-muchenichestva-perevody-komentarii-issledovaniya/ (дата обращения: 8.05.2022).

References

1. Averincev S. S. Paradise. *Sofiya-Logos. Slovar'* [Sophia-Logos. Dictionary]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofiya-logos-slovar/170 (accessed 28.09.2021). (In Russ.)
2. Scafi A. Maps of Paradise. The University of Chicago Press, 2013. 177 p.
3. Bondarko N. A. *Sad, raj, tekst: allegoriya sada v nemeckoj religioznoj literature pozdnego Srednevekov'ya* [Garden, Paradise, Text: An Allegory of the Garden in German Religious Literature of the Late Middle Ages]: Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/bondarko-na/sad-ray-tekst-allegoriya-sada-v-nemeckoy-religioznoj-literature-pozdnego> (accessed 5.08.2021). (In Russ.)
4. Alekseev A. I. *Predstavleniya o rae v period Srednevekov'ya* [Ideas of Paradise in the Middle Ages]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/alekseev-ai/predstavleniya-o-rae-v-period-srednevekovya> (accessed 5.08.2021). (In Russ.)
5. Le Goff Zh. *Rozhdenie Evropy* [Birth of Europe]. St. Petersburg: Aleksandriya», 2008. 398 p. (In Russ.)
6. Vyazigin A. S. *Idealy «Bozh'ego carstva» i monarhiya Karla Velikogo* [Ideals of “God’s kingdom” and the monarchy of Charlemagne]. St. Petersburg: Senatskaya tip., 1912. 200 p. (In Russ.)
7. Syrov V. N., Suhanova S. Yu. “On the City of God” and Modern Philosophy of History, or What Augustine’s Reflections on History Can Tell Us. *Filosofskoe antikovedenie i antichnaya tradiciya* [Philosophical Antiquities and Ancient Tradition], 2014, Вып. 8, pp. 480–491. (In Russ.)
8. Laskova N. V. *Kapitulyarii Karla Velikogo ob obrazovatel'nom urovne i roli duhovenstva v formirovavshejsya imperii Karolingov* [Capitulary of Charlemagne on the educational level and the role of the clergy in the emerging Carolingian empire]. Available at: <https://na-journal.ru/2-2019-gumanitarnye-nauki/1561-kapitulyarii-karla-velikogo-ob-obrazovatelnom-urovne-i-rol-i-duhovenstva-v-formirovavshejsya-imperii-karolingov> (accessed 22.05.2021). (In Russ.)
9. Gasparov M. L. Carolingian Renaissance (VIII–IX centuries). *Pamyatniki srednevekovoj latinskoj literatury IV–IX vekov* [Monuments of medieval Latin literature of the IV–X centuries]. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 223–242. (In Russ.)
10. *Evrejskaya enciklopediya v 16 tomah* [Jewish encyclopedia in 16 volumes]. Vol. 6. St. Petersburg: Obshchestvo dlya nauchnyh evrejskih izdanij, izdatel'stvo Brokgauz — Efron, 1910. 960 p. (In Russ.)
11. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaya Komediya* [The Divine Comedy] / per. s it. M. L. Lozinskogo. Moscow: Nauka, 1967. 627 p. (In Russ.)

12. Shlegel' F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. V 2-h t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo, 1983. 479 p. (In Russ.)
13. Shchedrovickij D. V. *Vvedenie v Vethij Zavet. Pyatknizhie Moiseya* [Introduction to the Old Testament. Pentateuch of Moses]. Moscow: Terevinf, 2014. 1088 p. (In Russ.)
14. Losev A. F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl', 1982. 624 p. (In Russ.)
15. Eko U. *Istoriya illyuzij. Legendarnye mesta, zemli i strany* [History of Illusions. Legendary places, lands and countries]. Moscow: Slovo, 2014. 480 p. (In Russ.)
16. Mor T. *Zolotaya knizhechka, stol' zhe poleznaya, skol' i zabavnaya o nailuchshem ustrojstve gosudarstva i o novom ostrove Utopiya* [A golden little book, as useful as it is funny, about the best organization of the state and about the new island of Utopia]. Moscow; Leningrad: Academia, 1935. 240 p. (In Russ.)
17. Stepanov A. V. Why we are interested in baroque. *Logos* [Logos], 2018, vol. 28, no 4, pp. 191–222. (In Russ.)
18. Lihachev D. S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovyh stilej. Sad kak tekst* [Garden poetry. On the semantics of landscape gardening styles. Garden as text]. Moscow: Soglasie; Tipografiya "Novosti", 1998. 356 p. (In Russ.)
19. Bekon F. About gardens. *Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennyye i politicheskie* [New Atlantis. Experiments and instructions, moral and political]. Moscow: Izd.-vo Akademii nauk SSSR, 1962. Pp. 123–127. (In Russ.)
20. Kondorse Zh. A. *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Sketch of the historical picture of the progress of the human mind]. Moscow: SOCEKGIZ, 1936. 267 p. (In Russ.)
21. Russo Zh.-Zh. The reasoning that won the Dijon Academy Prize in 1750 on the question proposed by the same Academy: "Did the revival of sciences and arts contribute to the purification of morals?" *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 9–30. (In Russ.)
22. Russo Zh.-Zh. Emil. *Sobranie sochinenij. V 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. St. Petersburg: Izdanie N. L. Tiblena, 1866. Vol. 1. Pp. 1–461. (In Russ.)
23. Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei. Kn. 4. Ot romantizma do nashih dnei* [Western philosophy from its origins to the present day. Book. 4. From romanticism to the present day]. St. Petersburg: Pnevma, 2003. 880 p. (In Russ.)
24. Bajron Dzh. G. *Palomnichestvo CHajl'da Garol'da* [Childe Harold's Pilgrimage]. Available at: <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/child.txt> (accessed 7.05.2022). (In Russ.)
25. Zabogonskaya I. L. Genre differentiation of meditative wandering in English romantic poetry. *Vestnik Polockogo gos. un-ta* [Bulletin of the Polotsk State University], 2012, no 2, pp. 34–39. (In Russ.)

26. Gyote I. V. Faust / per. s nem. N. Holodkovskogo. Moscow: AST: LYUKS, 2004. 478 p. (In Russ.)

27. Vagner R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskusstvo, 1978. 695 p. (In Russ.)

28. Passion of Perpetua and Felicity. Panteleev A. D. *Rannie muchenichestva. Perevody, komentarii, issledovaniya* [Early martyrdoms. Translations, comments, research]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rannie-muchenichestva-perevody-komentarii-issledovaniya/ (accessed 8.05.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Харитонова Мария Алексеевна

Maria A. Kharitonova

аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры

post-graduate student of the Department of Theory and History of Culture of Saint Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

07.08.2022

ПЕДАГОГИКА

Научная статья / Original article

УДК 378

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-113>

Художественно-педагогическая подготовка руководителя студии детского художественного творчества: проблемы и возможности их решения

Бочаров Сергей Александрович

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
sab.49@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем подготовки педагогов — специалистов в области художественно-эстетического воспитания детей. Опираясь на концепцию преподавания предметной области «Искусство», где среди многих проблем особо подчеркивается необходимость совершенствования подготовки педагогических кадров для реализации этого направления, автор ставит целью своего исследования найти и предложить оптимальные, на его взгляд, решения заявленной проблемы.*

Используя традиционные методы научных исследований, таких как анализ, обобщения, педагогические наблюдения, автор в своих выводах опирается на уже себя зарекомендовавшие в течение многих лет результаты деятельности ведущих отечественных учебных заведений педагогического и художественного направлений, федеральные документы, регламентирующие образовательный процесс в области искусства и педагогики, учеб-

ные программы, созданные для общеобразовательных и специализированных художественных школ, педагогический опыт коллег ведущих художественных и педагогических вузов страны. Также он использует практический опыт коллег по кафедре и собственный многолетний опыт в области организации художественно-педагогического образования.

На этой основе предлагаются способы разрешения возникших проблем. Автор статьи предлагает к рассмотрению целый комплекс мероприятий, которые, по его мнению, смогут решить возникшие проблемы. Это, прежде всего, правильный выбор профилией подготовки (он определяется региональными потребностями и возможностями учебного заведения). Затем важна оптимальная организация учебного процесса для художников-педагогов и полноценное наполнение содержанием образовательной программы. Обеспечить эффективность образовательного процесса, считает автор статьи, может правильно организованный набор абитуриентов. Далее, залогом высоких профессиональных качеств будущего выпускника могут стать оптимально организованные учебные и производственные практики.

Выводы и предложения, высказанные в данной статье, могут найти продолжение по пути их совершенствования каждым учебным заведением в зависимости от местных условий и возможностей вуза.

Ключевые слова: художник-педагог, эстетическое воспитание, художественное образование, концепция, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, дизайн, федеральный государственный образовательный стандарт, основная профессиональная образовательная программа (ОПОП)

Для цитирования: Бочаров С. А. Художественно-педагогическая подготовка руководителя студии детского художественного творчества: проблемы и возможности их решения // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 113–131. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-113>

Artistic and Pedagogical Training of a Head of the Studio of Children's Artistic Creativity: Issues and Their Solutions

Sergey A. Bocharov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, sab.49@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of training teachers — specialists in the field of artistic and aesthetic education of children. Based on the concept of teaching the subject area of Art, among other things, the need to improve the training of pedagogical personnel for

implementation of this field is emphasized. The author aims to find and propose optimal, in his opinion, solutions to the above mentioned problem.

Using traditional methods of scientific research, such as analysis, generalizations, and pedagogical observations, the author in his conclusions relies on the results of the activities of leading domestic educational institutions of pedagogical and artistic directions, federal documents regulating the educational process in the field of art and pedagogy, curricula created for general education and specialized art schools, pedagogical experience of colleagues leading art and pedagogical universities of the country. He also uses the practical experience of colleagues in the department and his own extensive experience in organization of art and pedagogical education.

On this basis, ways to resolve the given issues are proposed. The author of the article offers for consideration a whole range of measures that, in his opinion, will help solve the problems to arise. It should be, first of all, the correct choice of training profiles (it is determined by the regional needs and capabilities of an educational institution). Moreover, optimal organization of the educational process for artists-teachers and fulfilling of the content of an educational program are important. A properly organized set of applicants can ensure effectiveness of the educational process. The key to the highly professional qualities of a future graduate is optimally organized educational and production practices.

The conclusions and suggestions expressed in this article can be developed and improved by each educational institution depending on local conditions and capabilities of the university.

Keywords: *Artist-teacher, aesthetic education, art education, concept, fine and decorative arts, design, the Federal State Educational Standard, Core Professional Education Program (BRI)*

For citation: Bocharov S. A. Artistic and Pedagogical Training of a Head of the Studio of Children's Artistic Creativity: Issues and Their Solutions. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:113–131 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-113>

Введение. Детское художественное творчество — одно из действенных средств, способствующих полноценному развитию личности ребёнка, поскольку направлено на воспитание в нём эстетического отношения к окружающему миру. Эстетическое воспитание априори столь же важно для развития личности, как нравственно-патриотическое, умственное, трудовое и физическое воспитание. Эстетическое воспитание — процесс непрерывный, и должен осуществляться, так же как и все виды воспитания, с момента появления ребёнка на свет. Но наиболее активная и результативная его фаза приходится на дошкольный и школьный периоды формиро-

вания личности ребёнка. Как правило, эту функцию берут на себя учреждения дошкольного образования, общеобразовательные школы, а также детские учреждения дополнительного образования. В них дети получают возможность непосредственного общения с искусством в различных формах, в том числе занимаясь собственным художественным творчеством. Художественное творчество всегда являлось мощным средством, обеспечивающим полноценность процесса эстетического воспитания.

На уровне школьного возраста эстетическое воспитание обеспечивается преподаванием многих дисциплин различных циклов. Но мы будем рассматривать дисциплины художественного цикла, связанные с изучением пластических искусств. В их число всегда входили изобразительное и декоративно-прикладное искусство, а в последние годы часто изучаются основы архитектуры и дизайна.

Как показывает практический опыт, дети, проявившие свои способности в области художественного творчества в общеобразовательной школе, имеют возможность продолжить их развитие в учреждениях системы дополнительного образования. Это специализированные школы искусства, художественные студии, кружки, клубы и т. д.

Для придания процессу эстетического воспитания и детского художественного образования системности утверждена и рекомендована к реализации специальная концепция преподавания предметной области «Искусство»¹. В ней четко изложены цели и задачи, стоящие перед творческими дисциплинами, в рамках которых изучается искусство. Предлагаются примерные рекомендации по эффективной организации процесса эстетического воспитания и художественного образования в школе. К тому же отмечаются и некоторые проблемы, которые могут возникнуть в процессе ее реализации. Одна из них изложена следующим образом: «Система подготовки и дополнительного профессионального образования педагогических кадров недостаточно отражает современные тенденции в преподавании предметной области “Искусство” и не в полной мере отвечает современным требованиям в части формирования компетенций, необходимых для преподавания в поликультурной среде, предусмотренных профессиональным стандартом “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального обще-

¹ Концепция преподавания предметной области Искусство. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (дата обращения: 21.04.2022).

го, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»¹.

Поэтому целью настоящего исследования является освещение существующих и предложение возможных оптимальных подходов в организации профессиональной подготовки будущих педагогов, реализующих эстетическое воспитание и художественное образование в общеобразовательных школах и учреждениях дополнительного образования.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в конкретных предложениях, основанных на обобщении достижений в области художественной педагогики и многолетнего практического опыта автора в области художественно-методической деятельности в системе профессионального образования [1].

Методологической основой исследования стали научные труды известных ученых педагогов-художников, профессоров Н. Н. Ростовцева, В. С. Кузина, Т. Я. Шпикаловой, Б. М. Неменского, Б. П. Юсова и разработанные под их руководством концепции художественного образования и эстетического воспитания детей.

Первая концепция всеобщей графической грамоты основана на методах преподавания в Российской академии художеств. Авторы современного варианта концепции — Н. Н. Ростовцев и В. С. Кузин [2].

Вторая концепция целостного подхода к обучению была разработана под руководством профессора Б. П. Юсова и Л. Г. Савенковой [3].

Третья концепция заключается в приобщении к мировой художественной культуре, создана под руководством народного художника РФ Б. М. Неменского [4].

Четвертая концепция приобщения к народному искусству как особому типу художественного творчества, автором её является профессор Т. Я. Шпикалова [5].

На основе перечисленных концепций были созданы образовательные программы в научных лабораториях при Российской академии образования (РАО), Академии художеств РФ (АХ РФ) и ведущих педагогических вузах, осуществляющих художественную подготовку будущих педагогов для школ и детских учреждений дополнительного образования.

¹ Концепция преподавания предметной области Искусство. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (дата обращения: 21.04.2022). С. 5.

Актуальным материалом для исследования явилась концепция преподавания предметной области «Искусство» (упомянута выше), разработанная НИИ художественного образования и воспитания РАО.

Также был изучен методический опыт ведущих педагогов Московской художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова [6], Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штигица [7; 8; 9], Института архитектуры, живописи, скульптуры им. И. Е. Репина [10], Пензенского государственного архитектурно-строительного института (в частности, методические разработки профессора Н. Г. Ли) [11].

Методы исследования: анализ, педагогические наблюдения, эмпирическое обобщение. Такой выбор продиктован их оптимальностью для достижения поставленной цели.

Практическая значимость исследования заключается в возможности оптимизации процесса профессиональной подготовки школьных учителей и педагогов дополнительного образования, обучающихся детей пластическим искусствам, при соблюдении ряда организационно-методических условий и работы над наполнением содержания учебным материалом.

Результаты исследования и их обсуждение. Для решения возникшей актуальной проблемы необходимо было провести анализ существующей ситуации в современном образовательном процессе художественно-педагогической подготовки будущих учителей искусства на территории России. Автор изучил федеральные образовательные стандарты педагогического направления как предыдущих лет, так и нового поколения; основные профессиональные образовательные программы (ОПОП), составленные на их основе, учебные планы и другую учебно-методическую документацию, сопровождающую учебный процесс. Предметом изучения стал опыт работы ведущих вузов страны: Московского педагогического государственного университета (художественно-графический факультет)¹, Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. Герцена (художественно-графический факультет)², Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, Санкт-Петербургской государственной

¹ Учебно-методическая документация. URL: <http://www.mpgu.ru> (дата обращения: 22.04.2022).

² Учебно-методическая документация. URL: <http://www.herzen.spb.ru> (дата обращения: 22.04.2022).

ной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. В этих вузах осуществляется профессиональная подготовка архитекторов, дизайнеров, художников-живописцев, скульпторов и художников декоративно-прикладного искусства на высочайшем уровне. Их методический опыт, широко освещенный в научных и учебных изданиях, всегда являлся эталоном уровня профессионального мастерства выпускников региональных художественных учебных заведений. К этому уровню, считает автор, необходимо стремиться при подготовке художников-педагогов в педагогических вузах.

Предметом анализа в части содержания стали образовательные стандарты, учебные планы и программы общеобразовательных школ и гимназий, детских художественных школ, в которых определены цели и задачи образовательного процесса в работе с детьми по их творческому развитию. Следует отметить, что большинство из них создано с учетом концепции, упомянутой нами выше, и в настоящее время успешно реализуются. Однако обозначенная в концепции проблема подготовки кадров до конца не решается. По нашему мнению, устранить возникшие трудности поможет упор на качество и универсальность подготовки педагогов — специалистов в области художественно-эстетического воспитания детей.

Заботой о качестве подготовки художников-педагогов в стране стало открытие когда-то учебных заведений, специализирующихся на профессиональном обучении художников, владеющих и изобразительным мастерством, и методикой обучения этому мастерству. Так, в разные годы возникали художественно-графические факультеты педагогических вузов и отделения в педагогических учебных заведениях среднего профессионального образования (колледжах). Но определение профиля подготовки на таких факультетах (отделениях), как «изобразительное искусство», в современных условиях, на наш взгляд, ограничивает профессиональные возможности будущего выпускника, несмотря на кажущуюся обширность содержания образовательной программы. Поэтому в свете современных требований к качеству подготовки таких специалистов нужно пересмотреть организационно-содержательную сторону образовательного процесса при их подготовке.

Анализ сложившейся практики подготовки специалиста в области творческого развития детей на основе опыта вышеупомянутых педагогических вузов и собственный практический преподава-

тельский опыт в школе, колледже и вузе позволяет определить некоторые пути решения заявленной проблемы.

Одним из первых шагов на пути ее решения является определение точного названия и в связи с ним содержания профиля подготовки. Так, профиль «Изобразительное искусство» — понятие очень широкое, поэтому определение содержательного наполнения его также будет многозначным. А это в некотором роде делает неопределенными круг задач, которые предстоит решать в будущем выпускнику. Если вновь обратиться к содержанию перечисленных выше концепций и разработанных на их основе школьных программ, мы убедимся, что от художника-педагога требуется гораздо больше профессиональных компетенций, чтобы эти программы реализовать на практике. Не следует забывать, что художественно-педагогическая работа затрагивает и сферу дополнительного образования, которая имеет определенную и организационную, и содержательную специфику.

Поэтому, по нашему убеждению, этот профиль необходимо заменить на профиль «Детское художественное творчество». Это позволит сделать предметное наполнение содержания учебных планов более универсальным при условии дополнения образовательной программы рядом дисциплин из области архитектуры, дизайна, регионального народного искусства, методики работы с учащимися разных возрастных групп. Ведь художественное творчество — понятие более универсальное, включающее в себя различные виды творческих практик не только из области изобразительного, декоративно-прикладного искусства, основ дизайна и архитектуры, но и дисциплин, связанных с цифровыми технологиями.

Такой подход расширит профессиональные возможности выпускника и в определённой мере поможет сделать профессию художника-педагога более привлекательной для абитуриентов. Руководствуясь собственными представлениями и мотивами, нечто подобное сделали у себя на художественных факультетах Московский педагогический государственный университет и Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге.

Следующим шагом будет увеличение срока обучения по программе бакалавриата на один год, т. е. надо перейти от четырёхлетнего срока обучения к пятилетнему. Реализации этой идеи может способствовать федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Педагогиче-

ское образование» с двумя профилями подготовки (ФГОС ВО 3++)¹. На наш взгляд, данный стандарт дает широкие возможности для подготовки педагога необходимого нам профиля «Детское художественное творчество». Необходимым моментом в решении данной проблемы является выбор второго профиля подготовки. Вероятно, он также должен быть в рамках педагогического направления и связан с вопросами культуры и искусства. К примеру, это может быть профиль, связанный с художественным творчеством или историко-теоретическими вопросами культуры.

Вторым профилем в нашей практике стал профиль «Художественная культура». Мы сочли, что тандем «Художественная культура» и «Детское художественное творчество» в будущем поможет педагогу не только получить полновесную учебную нагрузку в детском образовательном учреждении, но и обогатить знания будущего педагога в области теории культуры и искусства, помочь в более полном раскрытии его творческих способностей. Безусловно, формирование тандема профилей предоставляется самим вузам, которые будут исходить из собственных материальных возможностей, а также и потребностей региона. Обычно здесь руководствуются принципом однородности учебных дисциплин, чтобы они принадлежали одному блоку. В нашем случае полагаем: выпускник, получивший педагогическую подготовку по двум указанным профилям, имеет возможность преподавать дисциплины культурологического характера, руководить разного рода социокультурными практиками, вести профильный кружок (студию, клуб, факультатив и т. п.) по изобразительному и декоративно-прикладному творчеству и другим видам пластической деятельности в учреждениях дополнительного образования.

Следующий этап в реализации нашей идеи — формирование основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) по выбранным профилям. Здесь необходимо так распределить объём учебных часов по каждому из профилей, чтобы обеспечить пол-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки «44.03.05. Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», с изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г. URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redir=eJzLKckpKLbS109KLE7VS08sSswr0Ssq1Tc3tLA0tzAz0Tc1TrOwNDEyTEpKSUwzNzFMTTJKMUxNTjZJSukySTY21mdgMDQzMzU1sDQys2SYK_GlJuhH7qebk3MeBsS7SAEAaWQegA&src=41b679a&via_page=1&user_type=30&oqid=d11585261f07eb1b (дата обращения: 22.04.2022).

ноценную профессиональную подготовку выпускника по обоим профилям.

Пятилетнее обучение рассчитано на 300 зачетных единиц. Поэтому время, отводимое на обучение профильным дисциплинам, следует рассчитать равномерно, исходя из наличия блока социально-гуманитарных, психолого-педагогических дисциплин, блока дисциплин по выбору обучающихся, практик учебных и производственных, подготовки и защиты выпускных квалификационных работ и пр.

Поскольку мы пытаемся решить проблему качественной подготовки педагога по профилю «Детское художественное творчество» (ДХТ), для нас важным вопросом является предметное наполнение блока художественно-педагогических дисциплин. Какие творческие дисциплины надо изучать при овладении этим профилем, чтобы выпустить грамотных и творчески подготовленных педагогов? Думается, наличие дисциплин определяется возможностями ведущих кафедр, их профессиональной ориентацией. Безусловно, приоритетными будут дисциплины изобразительного характера: «Рисунок», «Живопись», «Композиция», «Скульптура»; дисциплины декоративно-прикладного характера: «Роспись по дереву», «Художественный текстиль», «Керамика»; дизайнерские дисциплины: «Дизайн-проектирование», «Конструирование», «Макетирование», «Специальный рисунок для дизайнера и художника декоративно-прикладного искусства», «Основы компьютерной графики с основами фотографии и анимации». При необходимости перечень дисциплин может быть дополнен или, наоборот, уменьшен. Опять же всё зависит от возможностей материальной базы вуза и наличия кадрового преподавательского состава.

При разработке основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) на основе вышеупомянутого стандарта желательно придерживаться логической последовательности освоения художественных дисциплин. Здесь необходимо соблюдение принципа «от простого — к сложному». Это означает, что не следует изучать дисциплины узкоспециального содержания ранее дисциплин общепрофессиональной художественной подготовки. К примеру, не следует осваивать композицию раньше, чем будут освоены рисунок и живопись. Во всяком случае их освоение должно опережать изучение композиции на один год. Также, прежде чем изучать декоративные росписи, логичнее изучить основы декоративной композиции и т. д. На наш взгляд, логическая последовательность в изу-

чении творческих дисциплин поможет обеспечить качество овладения студентами соответствующих профессиональных компетенций. И еще очень важно увеличить количество аудиторных (контактных) часов на художественные дисциплины (не менее 60 % от общего объема), что существенно повлияет на качество подготовки специалиста.

Одной из важнейших проблем в подготовке будущего преподавателя творческих дисциплин является обеспечение качественного уровня владения методикой их преподавания. Несмотря на то что процесс обучения будет основываться на знаниях студентов в области педагогики и психологии, полученных ранее при изучении дисциплин в психолого-педагогическом блоке, каждая художественная дисциплина будет иметь некоторые методические особенности в силу своей специфики. Так, методические приёмы преподавания реалистического рисунка и специального декоративного или дизайнерского будут различными. Керамика и скульптура, несмотря на некоторое сходство материалов, будут иметь различия в методах и приёмах обучения. Преподавателям творческих дисциплин в вузе следует содержательно выстраивать занятия таким образом, чтобы в них четко прослеживалась методическая составляющая. Это означает, что структура занятия, последовательность объяснения нового материала, ход выполнения практического задания, подведение итогов, методические приёмы, используемые преподавателем, должны быть особо подчёркнуты в ходе проведения учебного занятия. В целом весь процесс его проведения должен являть собой методический образец для студента.

Учебные занятия по художественному творчеству будущему педагогу, возможно, предстоит проводить с детьми разного возраста, включая возраст дошкольный. Поэтому в рабочие программы по педагогике и психологии следует включать более подробное изучение вопросов об особенностях развития детей каждого возрастного периода, не ограничиваясь рассмотрением только общедидактических и общепсихологических вопросов.

В этом случае при освоении курса методики преподавания творческих дисциплин (это одна из значимых профессиональных дисциплин) студенты будут опираться на знания, полученные на лекциях по педагогике и возрастной психологии, что поможет углубить их профессиональные компетенции.

Следующая проблема в подготовке специалистов по руководству детским художественным творчеством — это наличие творче-

ских потенциальных возможностей (способностей) абитуриентов к моменту поступления. Традиционно это выявляется на вступительных творческих испытаниях. Как правило, они включают задания по рисунку, живописи или композиции. Но, думается, что уровень профессионального владения рисунком и живописью является всего лишь показателем изобразительной грамотности поступающего, но не всегда будет объективным показателем его креативности. Скорее всего, для выявления уровня креативности абитуриента лучше использовать другие показатели. К примеру, его домашние работы в любой сфере творчества — изобразительной, прикладной, дизайнерской. Также могут показать эффективный результат специальные тесты из области психологии творчества, разработанные совместно с преподавателями кафедры психологии. Наверное, возможно, учитывать участие поступающего в творческих конкурсах различного уровня и сертификаты, подтверждающие это участие. Практика показывает, что усвоить в дальнейшем изобразительную грамоту в период учебы не так уж сложно, а отсутствие творческой одарённости — это большая проблема для будущего педагога художественного творчества. Думается, этот вопрос предстоит решать выпускающей кафедре, факультету, вузу.

Очевидной проблемой качественной подготовки специалиста в области ДХТ является содержательное наполнение рабочих программ дисциплин (РПД). Здесь следует учитывать такие факторы, как уровень базовой подготовленности абитуриентов в области художественных дисциплин и сроки освоения программного материала. Поэтому необходимо сразу определить примерный уровень профессионального освоения художественного мастерства будущего выпускника. Для чего чётко обозначить цели и задачи дисциплин и уровень специальных профессиональных компетенций (СПК), необходимых для овладения мастерством. СПК лучше разработать и обсудить на заседании кафедры. Разработка компетенций должна проводиться с учетом профессионального стандарта для учителей и педагогов детских учреждений дополнительного образования, а также профессионального стандарта для работников художественных профессий. Учёт требований этих стандартов поможет корректно определить уровень и характер профессиональных художественных компетенций. При этом следует всегда учитывать, что мы готовим не профессиональных художников, а педагогов-художников. Это значит, что в его будущей профессии важно владение не только материалами и технологиями изготов-

ления художественной продукции, но ещё и педагогическими технологиями и методами обучения. От выпускника в дальнейшем, может, не потребуется виртуозность в изготовлении художественной продукции с целью последующей реализации, но потребуются знания, умения, владения методикой работы в детском коллективе. Отсюда следует необходимость точной регламентации в определении содержания преподаваемого учебного материала. Этого следует придерживаться ещё и потому, что необходимо соблюдать дидактический принцип доступности. Кроме того, преподавателям специальных дисциплин надо помнить, что нельзя обучить абсолютно всему в искусстве. Главным для коллектива кафедры является развитие творческих возможностей выпускника, чтобы он в своей будущей практической деятельности мог продолжить самостоятельно обогащать собственный творческий потенциал.

С другой стороны, это не означает, что объём изучаемого материала надо минимизировать, а творческие компетенции максимально упростить в их требованиях. Всегда следует помнить: чтобы чему-то учить — надо учителю этим основательно владеть самому. Поэтому программный материал специальных дисциплин лучше реализовывать, используя различные интенсивные педагогические технологии и методы обучения. Таковые есть в арсенале у каждого опытного вузовского преподавателя творческих дисциплин.

На протяжении всего срока обучения студенты в соответствии с основной профессиональной образовательной программой (ОПОП) выполняют несколько курсовых работ, две из которых должны выполняться в рамках блока художественных дисциплин. Лучше всего, если это будет рисунок. Ему отводится наибольшее количество учебного времени в силу универсальности его задач и возможностей.

Курсовая работа по рисунку будет представлять собой практическое задание с теоретическим сопровождением. Практическим заданием может быть творческий композиционный рисунок в жанре натюрморта, выполненный самостоятельно, либо с натуры, либо по воображению, но с использованием натурального материала. Тематика работ определяется тематикой программных заданий, которые в это время выполняются по рисунку. Содержание композиции студенты определяют самостоятельно, исходя из своих возможностей и интересов. Также они самостоятельно организуют свои постановки под наблюдением руководителя, который может дать индивидуальные рекомендации с учётом возможностей каждого сту-

дента. Выполнение курсовой работы проходит, как правило, планомерно в течение семестра под контролем со стороны руководителя.

Чтобы придать работе педагогическую направленность, рекомендуется в пояснительной записке выделить главу, где будет раскрываться методическая последовательность ведения рисунка. Это поможет студенту более осмысленно вести процесс работы над рисунком и научит его методически верно излагать эту последовательность перед аудиторией обучающихся.

Процедура защиты проводится публично в присутствии всей группы, а в основу доклада обязательно нужно включить изложение методической последовательности выполнения изобразительной части задания так, как будто объяснение проводится для учеников студии.

Одной из проблем при выполнении курсовой работы является отсутствие систематичности процесса её исполнения. Чтобы работа велась систематически, на наш взгляд, лучше составить график отчётности по выполнению этапов задания. Согласно графику можно контролировать ход работы, таким образом, обеспечивается систематичность.

Вторая курсовая работа выполняется в рамках дисциплины «Методика преподавания художественных дисциплин». Тематика её может быть посвящена вопросам обучения детей определённого возраста конкретным художественным ремёслам, проблемам организационного характера, частным методическим вопросам в сфере системы дополнительного образования. При выполнении курсовой работы важно опираться на фундаментальные знания из общей педагогики, дидактики, возрастной психологии, и руководителю работы следует чаще напоминать об этом студентам.

Третья курсовая работа будет посвящена вопросам теории художественной культуры, искусствоведению, методике обучения художественной культуры.

Определённым показателем приобретенных профессиональных компетенций является производственная (педагогическая) практика. Как правило, в этот период студенту приходится чаще опираться на приобретённые знания из области педагогики, психологии, методики обучения детей художественному творчеству и специальным художественным дисциплинам. Практика демонстрирует студенту и его педагогам степень владения профессиональными знаниями, умениями и навыками как в области художественного творчества, так и методики обучения его основам. При плани-

ровании графика учебного процесса важно учитывать объём усвоенных художественных технологий студентами перед выходом на практику. Это вызвано тем, что на предполагаемых базах практик в учреждениях дополнительного образования могут изучаться предметы и технологии, которые студенты пока не успели освоить. К примеру, надо проводить занятия с детьми по скульптуре (лепке), а практиканту предстоит овладеть ею только в следующем семестре. Надо проводить занятия по росписи по дереву, а эта технология ещё не освоена. И таких накладок может встретиться достаточно. Чтобы избежать подобных ситуаций, следует при составлении учебного плана максимально учитывать период выхода на практику в соответствии с объёмом усвоенного материала. Для решения этой проблемы желательно разделить процесс освоения студентами обоих профилей на две ступени и выход на практику планировать по окончании освоения каждого профиля.

Возможно проведение педпрактики одновременно по двум профилям, если освоение обоих профилей проводилось параллельно друг другу.

ОПОП подготовки педагога по двум профилям предполагает по завершении курса обучения защиту выпускной квалификационной работы (ВКР). Эта работа выполняется по одному из профилей на выбор студента. Чаще всего исследования, проведенные в рамках курсовых работ, находят продолжение в выпускных квалификационных работах.

По профилю «Детское художественное творчество» выпускная (дипломная) работа, как правило, состоит из двух равнозначных частей: практической (художественная композиция в области изобразительного, декоративно-прикладного творчества, дизайна, архитектуры), в которой выпускник демонстрирует степень овладения художественным мастерством по одному из видов пластических искусств, и теоретической. Теоретическая часть оформляется в виде пояснительной записки. В ней, как правило, должна содержаться глава, посвящённая вопросам методики обучения детей тому виду творчества, который представлен практической частью.

Заключение. Таким образом, изучив современное состояние отечественного художественно-педагогического образования, опираясь на организационно-педагогический опыт вузов страны, изложенный в научных публикациях, опираясь на собственный опыт и опыт работы коллег, обсудив авторские выводы и суждения на заседаниях кафедры, отметим следующее. Профиль «Детское худо-

жественное творчество», реализуемый в направлении «Педагогическое образование», является не столь распространённым, но, на наш взгляд, будет привлекателен для молодёжи, имеющей склонности к художественному творчеству и работе с детьми. Профиль в силу его универсальности обеспечивает широкие возможности последующего трудоустройства выпускников с педагогическим образованием. Но для реализации его на практике требуется решить ряд организационно-методических вопросов:

а) разрабатывая основную профессиональную образовательную программу (ОПОП) на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки», следует оптимально спланировать учебное время с учётом последовательности изучения дисциплин;

б) определяя второй профиль подготовки, лучше исходить из его родственности по направленности и содержанию;

в) перечень изучаемых творческих дисциплин ориентировать на национально-региональные традиции в области художественной культуры;

г) разработать содержание рабочих программ дисциплин, соотносясь с принципами доступности и последовательности усвоения учебного материала;

д) стремиться создать полноценную материально-техническую базу для проведения занятий художественным творчеством;

е) при отборе абитуриентов желательно проводить конкурсные творческие испытания такого содержания, чтобы можно было объективно определить степень креативности абитуриентов;

ж) содержание учебного материала в рабочих программах творческих дисциплин следует дополнять методической составляющей;

з) тематику и содержание курсовых и выпускных квалификационных работ ориентировать на будущую педагогическую деятельность.

Исходя из предложенного проблему качества подготовки педагогических кадров для реализации концепции преподавания предметной области «Искусство» возможно решить в рамках подготовки педагогов по двум профилям. Такая организация обучения таит в себе большие возможности качественной подготовки будущих педагогов студий детского художественного творчества, поскольку даёт возможность обеспечить выпускника универсальными знани-

ями, умениями в практической области пластических искусств и педагогики творчества.

Изложенное в статье авторское видение разрешения поставленной проблемы является только небольшой частью на пути ее решения. Каждый педагог-художник, работающий в этом направлении, может провести свои исследования и, подключив собственный опыт, предложить свои шаги в данном направлении.

Список источников

1. Дизайн и художественное творчество: теория, методика и практика : материалы 2-й международной научно-практической конференции / под ред. В. Б. Санжарова, Д. О. Антипиной, Т. А. Анисимовой. СПб.: СПбГУПТД, 2018. 563 с.
2. Изобразительное искусство. 5–9 кл. : программа для общеобразовательных учреждений / кол. авторов: В. С. Кузин, С. П. Ломов, Е. В. Шорохов, С. Е. Игнатъев, П. Ю. Коваленко. М.: Дрофа, 2010.
3. Изобразительное искусство и среда (природа, пространство, архитектура). 1–11 классы : программы общеобразовательных учреждений / автор Л. Г. Савенкова. М.: Просвещение, 2005.
4. Изобразительное искусство и художественный труд. 1–9 классы : программы общеобразовательных учреждений / под ред. Б. М. Неменского. М.: Просвещение, 2005.
5. Изобразительное искусство. Основы народного и декоративно-прикладного искусства. 5–9 классы : программы общеобразовательных учреждений / под ред. Т. Я. Шпикаловой. М.: Просвещение, 2005.
6. Рыжкин А. Н. Как рисовать фигуру человека : пособие для поступающих в художественные вузы. М.: Эксмо, 2014. 56 с.
7. Современный пленэр в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, *Peinture moderne en plein-air*. Альбом / Т. Е. Гудова. СПб.: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2012. 280 с.
8. Традиции школы живописи Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. Альбом / отв. ред. В. С. Миронов. СПб.: Невский мир. Лики России, 2010. 272 с.: ил.
9. Традиции школы рисования Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. В. В. Пугин. СПб.: Лики России, 2009. 256 с.: ил.
10. Могилевцев В. А. Основы учебного рисунка : учебное пособие. СПб.: Артиндекс, 2007. 72 с.: ил.

11. Ли Н. Г. Основы учебного академического рисунка (Классическая библиотека художника). М.: ЭКСМО, 2003. 480 с.

References

1. *Dizayn i khudozhestvennoye tvorchestvo: teoriya, metodika i praktika: materialy 2-y mezhduнародnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Design and Artistic Creativity: Theory, Methodology and Practice: Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference] / edited by V.B. Sanzharov, D.O. Antipina, T.A. Anisimova. St. Petersburg: SPbGUPTD, 2018. 563 p.

2. *Izobrazitel'noye iskusstvo. 5–9 kl.: Programma dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fine Arts. Grade 5-9: Program for general educational institutions] / number of authors: V. S. Kuzin, S. P. Lomov, E. V. Shorokhov, S. E. Ignatiev, P. Yu. Kovalenko. Moscow: Drofa, 2010.

3. *Izobrazitel'noye iskusstvo i sreda (priroda, prostranstvo, arkhitektura). 1–11 klassy: Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fine Arts and Environment (Nature, Space, Architecture). Grades 1–11: Programs of general educational institutions] / author L. G. Savenkova. Moscow: Prosveshchenie, 2005.

4. *Izobrazitel'noye iskusstvo i khudozhestvennyy trud 1–9 klassy: Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fine Arts and Artistic Work 1-9 Grades: Programs of General Educational Institutions] / B. M. Nemensky. Moscow: Prosveshchenie, 2005.

5. *Izobrazitel'noye iskusstvo. Osnovy narodnogo i dekorativno-prikladnogo iskusstva. 5–9 klassy: Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fine arts. Fundamentals of folk and decorative arts. Grades 5-9: Programs of general educational institutions] / author's team under the leadership of T. Y. Shpikalova. Moscow: Prosveshchenie, 2005.

6. Ryzhkin A. N. *Kak risovat' figuru cheloveka: posobiye dlya postupayushchikh v khudozhestvennyye vuzy* [How to draw a human figure. Manual for applicants to art universities]. Moscow: Eksmo, 2014. 56 p.

7. *Sovremennyy plener v Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii im. A. L. Shtiglitsa, Peinture moderne en plein-air. Al'bom* [Modern plein air at the St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A. L. Stieglitz, Peinture moderne en plein-air. Album] / I. E. Gudova. St. Petersburg, 2012. 280 p.

8. *Traditsii shkoly zhivopisi Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii im. A. L. Shtiglitsa. Al'bom* [Traditions of the School of Painting of the St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz. Album]. editor V.S. Mironov. St. Petersburg: Nevsky Mir. Liki Rossii, 2010. 272 p.

9. *Traditsii shkoly risovaniya Sankt-Peterburgckoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii im. A. L. Shtiglitsa* [Traditions of the

drawing school of the St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz]. Ed. 2nd, ispr. et al. Otv. editor V. V. Pugin. St. Petersburg: Liki Rossii, 2009. 256 p.

10. Mogilevtsev V. A. *Osnovy uchebnogo risunka: uchebnoye posobiye* [Fundamentals of educational drawing: A textbook]. St. Petersburg: Artindex, 2007. 72 p.

11. Lee N.G. *Osnovy uchebnogo akademicheskogo risunka. (Klassicheskaya biblioteka khudozhnika)* [Basics of educational academic drawing. (Classical Library of the Artist)]. Moscow: EKSMO, 2003. 480 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Бочаров Сергей Александрович

Sergey A. Bocharov

кандидат педагогических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Pitirim Sorokin
Syktyvkar State University

167001, Россия, г. Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

27.04.2022
27.06.2022
17.08.2022

Научная статья / Original article

УДК 378.14

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-132>

**Актуальные проблемы подготовки педагогов
в области воспитания¹**

Сажина Светлана Дмитриевна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, kosp@syktsu.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема подготовки специалистов по направлению подготовки «44.03.01. Педагогическое образование», «44.03.02. Психолого-педагогическое образование» и «44.03.05. Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» в области воспитания в организациях высшего образования на современном этапе; рассматриваются трудности, возникающие в работе педагога с детьми в целом, и сделан акцент на актуальных проблемах, влияющих на профессиональную подготовку в области воспитания в организации высшего образования в частности, а именно: размытие основных ценностей и ценностных ориентиров у подрастающего поколения, проблемы с формированием самоидентичности у детей разного возраста, размытие русской идентичности, влияние гаджетов на взаимодействие между людьми и социализацию детей в обществе, влияние средств массовой информации (СМИ) на адекватную оценку информированности и эрудированности подрастающего поколения, возникающие проблемы в патриотическом, гражданском, семейном и др. видах воспитания. Определены основные акценты, которые должны быть учтены при преподавании дисциплины «Теория воспитания» студентам высших учебных заведений по указанным направлениям подготовки с учетом названных проблем. Сделан акцент на формировании у будущих педагогов знаний базовых основ воспитания с точки зрения психологии и физиологии ребенка, ценностных ориентиров, саморефлексии своей деятельности, самовоспитания в процессе жизнедеятельности. Отмечена важность педагогических отношений между преподавателем и студентом во время изучения курса.

В статье представлен обзор научной литературы по подготовке педагогических кадров в области воспитания в высшей школе, сформулированы проблемы и пути выхода из них.

Ключевые слова: педагогическое образование, воспитание, теория воспитания, проблемы воспитания, образовательная организация высшего образования

Для цитирования: Сажина С. Д. Актуальные проблемы подготовки педагогов в области воспитания // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 132–144. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-132>

Relevant Issues of Teacher Training in the Field of Education

Svetlana D. Sazhina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, kosp@syktsu.ru

Abstract. *The article raises the problem of training specialists in the field of training 44.03.01 Pedagogical Education, 44.03.02 Psychological and Pedagogical Education and 44.03.05 Pedagogical Education (with two training majors) in the field of education in higher educational organizations at the present stage. Issues affecting the causes of difficulties arising in the work of a teacher with children in general are pointed out and emphasis is placed on topical issues affecting vocational training in the field of education in the organization of higher education in particular, namely: the blurring of basic values and value orientations in the younger generation, problems with formation of self-identity in children of different ages, blurring Russian identity, the influence of gadgets on human interaction and socialization of children in the community, the influence of mass media (mass media) on the adequate assessment of the awareness and erudition of the younger generation, emerging problems in patriotic, civil, family and other types of education. The main focus that should be taken into account when teaching the discipline “Theory of Education” to students of higher educational institutions in these areas of training while taking into account the identified problems are determined. The emphasis is placed on education of future teachers in the basic foundations of education from the point of view of psychology and physiology of the child, value orientations, self-reflection of their activities, self-education in the process of life. The importance of pedagogical relations between a teacher and students during the course is noted.*

The article presents an analysis of the scientific literature on the training of teachers in the field of education in higher education, formulated problems and ways out of them.

Keywords: *pedagogical education, upbringing, theory of upbringing, issues of upbringing, educational organization of higher education*

For citation: Sazhina S. D. Relevant Issues of Teacher Training in the Field of Education. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:132–144 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-132>

Введение. Воспитательная система — это необходимое условие преобразования требований общества во внутренние регуляторы поведения и деятельности подрастающей личности, она призвана ориентироваться на формирование способности противостоять негативным влияниям внешней среды. Педагог должен учить обучающихся одновременно сопротивлению и адаптации к окружающей действительности.

Процесс преобразований, охвативший мир в настоящее время, закономерно отражается на профессиональной подготовке педагогических кадров и, следовательно, на содержании теоретических курсов, преподаваемых в высших учебных заведениях.

Одно из ведущих мест в трансляции педагогической культуры и превращении ее в профессиональную культуру педагога принадлежит курсу «Теория воспитания», содержание которого «должно представлять непротиворечивую концептуальную систему педагогических взглядов, идей, представлений, а также положений, формулирующих закономерности, принципы и способы осуществления воспитания в виде соответствующей модели на фоне определенной социокультурной ситуации» [1, с. 4].

Методы исследования, теоретическая база. Используя методы теоретического исследования, а именно: методы анализа и синтеза, позволяющие найти проблемы и определить пути их решения; методы индукции и дедукции, позволяющие раскрыть проблемы от частного к общему и наоборот; логическое обобщение, позволяющее осуществить переход от одной мысли к другой, от более частной мысли к более общей, нами был проведен анализ нормативно-правовой базы и обзор научных исследований в области воспитания и подготовки педагогических кадров.

Согласно Закону «Об образовании в Российской Федерации», воспитание — это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных

мы подготовки педагогических кадров, определяет роль педагога как ключевую для обеспечения будущего развития страны, делает акцент на реализации ценностно-смыслового подхода к подготовке учителей будущих поколений Российской Федерации. Основными задачами обозначено: «обеспечение единых подходов к процессу воспитания и результатам формирования социальной ответственности личности, гуманитарных, духовно-нравственных и гражданско-патриотических ценностей педагогического образования, а также к процессу подготовки педагога к осуществлению воспитательной деятельности...; формирование воспитывающей среды образовательных организаций, создающей условия для личностного и профессионального развития обучающихся, формирования у них социально значимых, нравственных качеств, активной гражданской позиции и моральной ответственности за принимаемые решения...»¹.

Таким образом, основные федеральные документы обеспечивают понимание процесса воспитания на современном этапе, определяют его базовое содержание, обосновывают усилия государственных и общественных институтов по социализации детей и их самоопределению в мире ценностей и традиций, нацеливают образовательные организации на создание единого воспитательного пространства, определяют ведущую роль педагога в воспитании личности ребенка. Именно поэтому особую важность для педагогов образовательных организаций приобретают специальные знания в области воспитания, понимание сути воспитания на современном этапе, возможностей реализации их в практической деятельности.

Говоря о необходимости подготовки педагогов в условиях высшего образования в области воспитания, отметим, что данный вопрос рассматривался разными исследователями: общенаучными критериями, определяющими статус теории воспитания как отрасли научного знания и трансформации его в учебный предмет занимались В. В. Краевский, А. И. Ракитов, В. И. Степин и др.; концепции формирования личности учителя посвятили свои работы В. А. Сластенин, А. И. Щербаков и др.; закономерности трансляции педагогической культуры при профессиональной подготовке буду-

¹ Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. URL: [5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwA5.pdf](https://www.gov.ru/gov-content/uploads/document_content_templates/2022/01/10/2022/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwA5.pdf) (government.ru) (дата обращения: 01.10.2022).

щего педагога исследовали А. И. Мищенко, Н. Ф. Талызина, А. И. Шиянов и др.; дидактическая концепция о соотношении науки и учебного предмета была определена в трудах В. В. Краевского, И. Я. Лернера и др.; исследованиями подготовки педагога к решению воспитательных задач в новых, противоречивых условиях социальной жизни занимались И. Д. Демакова, И. А. Колесникова, Л. И. Новикова, С. Д. Полякова, Н. Л. Селиванова и др.; становлению и развитию теории воспитания как учебного предмета в подготовке будущего учителя посвящено исследование Е. В. Кондратенко, а подготовке будущих педагогов к воспитательной деятельности в процессе профессионального обучения — Н. Л. Винниченко; о подготовке кадров в контексте реализации профессионального стандарта «Специалист в области воспитания» говорила И. В. Вагнер. Необходимо заметить, что на разных этапах развития теоретического знания, изменения социокультурной ситуации в России наполнение содержательного компонента теории в области воспитания изменялось. Это касалось и понятийно-категориального аппарата, испытывающего влияние общественно-политической жизни страны.

Теоретический анализ литературы по проблеме позволяет сделать вывод о том, что цели воспитания в историческом формате детерминированы уровнем цивилизации сообщества, темпами научно-технического и социального прогресса, его демократическими характеристиками, экономическими возможностями и т. п. Ретроспектива целей воспитания по эпохам позволяет определить, что целью воспитания при первобытно-общинном строе было вооружение человека опытом выживания; при рабовладельческом строе: для детей рабовладельцев — подготовка их к роли господ, а для детей рабов — формирование покорности и исполнительности в выполнении требований господина; целями воспитания в феодальном обществе являлись: овладение рыцарскими добродетелями — у детей феодалов и формирование навыков трудового воспитания и послушания — у детей крестьян; при капиталистическом строе доминировало экономическое воспитание, что, соответственно, и определяло основную цель воспитания будущего гражданина [2]. Целевые приоритеты также оспаривались разными авторами в разные эпохи, например: у Ф. Фребеля — это познание природы, Бога и самого себя; у В. Г. Белинского — воспитание борца с крепостничеством и царизмом, у В. А. Сухомлинского — воспитание граж-

данственности и т. п. В настоящее время нормативно-правовые документы в области воспитания определяют целевые приоритеты в рамках высоконравственности, созидания и гражданственности.

Между тем на современном этапе восприятие роли педагога лишь как транслятора определенного объема знаний является существенным недостатком. Зачастую студентами педагогического вуза воспитательная деятельность рассматривается как вспомогательная или, ещё хуже, как обуза. Причинами этого могут быть как непрофессионализм педагогов, так и противоречия между несформированностью базовых национальных ценностей у самих студентов и необходимостью транслировать такую информацию обучающимся.

Результаты исследования и их обсуждение. Подготовка педагогов к воспитательной деятельности в демократическом гражданском обществе должна быть направлена на достижение ведущей цели образования — подготовку обучающихся к жизненному самоопределению.

Согласно Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г.: «...содержание, технологии, управление и инфраструктура педагогического образования требуют постоянной трансформации, связанной с изменениями, происходящими в системе общего образования, с необходимостью обеспечивать опережающие темпы изменений системы подготовки педагогических кадров», одной из которых является «недостаточное соответствие результатов подготовки выпускника (молодого педагога) актуальным запросам отрасли образования, общества и государства»¹. В ряде случаев причиной этого является воспитание самих студентов, которое не всегда соответствует требованиям, предъявляемым к педагогическим кадрам.

Важно, чтобы самими будущими педагогами были осознаны и приняты демократические воспитательные ценности, гуманистическая парадигма воспитания, сопровождение обучающихся в их саморазвитии и др. У самого педагога должна быть сформирована воспитательная позиция, понимаемая как «совокупность ценност-

¹ Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 № 1688-р. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/76083.html?ysclid=18q9d4vw59693616784> (дата обращения: 01.10.2022)

ных его ориентаций — ценностное отношение к профессии, личности ребенка, воспитательные, духовно-нравственные, гуманистические ценности, которые педагог реализует в воспитательной деятельности; представления о своей роли в системе взаимодействия субъектов воспитания» [3], способствующая реализации воспитательных ценностей российского демократического общества в практике воспитания, влияющая на положительную мотивацию к воспитательной деятельности, активную субъектную позицию педагога в воспитательном процессе.

Нами определен ряд проблем, влияющих как на качество подготовки самого будущего учителя, так и на его последующую работу в рамках воспитательной деятельности с обучающимися:

1) размытие основных ценностей и ценностных ориентиров у подрастающего поколения через восприятие информации, подаваемой средствами массовой информации. В связи с тем что ребенок не может отделить виртуальную реальность от действительности и воспринимает изображаемое как идеал для подражания, могут формироваться определенные стереотипы поведения и общения, часто отрицательного характера (непристойное поведение, ненормативная лексика и др.). Это психологически обусловлено, так как быстрее и активнее человеком воспринимается негативная информация и наличие большого количества данной информации создает у детей тревогу и волнение. Отдельным аспектом рассматривается негативная информация о нашей стране, которую обучающиеся слышат с экрана и которая формирует у них антипатриотические чувства;

2) одно из ведущих мест в формировании самоидентичности современного ребенка занимает гендерная самоидентификация, которую продвигает массовая медиакultura, направленная на перестройку общественного сознания. Влияние гендерно-нейтральной модели воспитания на подрастающее поколение способствует формированию психологической травмы, когда человек с самого раннего рождения не имеет представления о том, кто он есть, а также о том, кем он хочет быть;

3) социальные проблемы выявляются и в семье как институте естественной биологической и социальной защиты ребенка. Превалирование комфортных условий существования с применением различных гаджетов над коммуникативным и социальным взаимо-

действием друг с другом приводит к появлению социальной дезадаптации у детей, формирует у них бедность и примитивность эмоциональной сферы, коммуникативных навыков, реакции на происходящее, искажает мировоззрение;

4) изобилие благ зачастую негативно влияет на понимание детьми стараний, которые были потрачены окружающими людьми для создания удобства, что приводит к идентификации жизни с повышенным комфортом и доставляет трудности при переживании даже небольшой стрессовой ситуации, а также напрямую влияет на доминирование такой черты личности у обучающихся, как эгоцентричность;

5) проблемы использования гаджетов для общения в современном мире отражаются на уровне адаптации обучающихся к коллективу, социальной приспособленности их в обществе, умении общаться с социальным окружением. Сочетание эгоцентричности и использования гаджетов как устройства, способствующего позиционированию личности в сообществе, приводит к нивелированию личности другого человека, использованию его как средства для достижения определенных целей;

6) на формирование мировоззрения обучающихся влияет и количество мигрантов, имеющих иные ценностные ориентиры, чем у граждан Российской Федерации. Интенсификация процессов миграции влияет на размытие русской идентичности, ценностных ориентаций, формирование этики поведения в многонациональной среде, воспитание межнациональной толерантности;

7) наличие агрессии в сторону России от представителей других стран, расширение зон конфликтов влияет на обострение конфликтной ситуации в государстве между сторонниками и противниками специальной военной операции (СВО), сказывается на формировании мировоззрений как самого обучающегося, так и всех членов семьи ребенка. Отсутствие специальных знаний, кругозора, сформированного критического мышления не позволяет обучающемуся своевременно определить правильность преподносимой информации СМИ, что в дальнейшем может сказываться на социализации его в сообщество, способствует более агрессивному поведению по отношению к окружающим, формированию у ребенка антигражданской позиции.

Современная миссия воспитания в кризисную эпоху, по мнению И. А. Колесниковой [4], состоит «в побуждении, поддержке, со-

хранении, удержании, развитии в людях человеческого начала», это так называемая педагогическая экология. То есть будущий педагог должен учиться не воспитывать набор каких-то определённых личностных характеристик у обучающихся, а, как отмечал В. В. Зеньковский, результатом должна стать «способность в кризисных условиях, в жесткой антигуманной социальной ситуации жить “по-человечески”, делая выбор в сторону добра» [4], в сторону русской идентичности, основных жизненных ценностей. Студента необходимо ориентировать на возможность создавать позитивный воспитательный контекст на фоне не совсем благоприятной жизненной ситуации.

В связи с этим возникает главенствующая роль опоры на научное понимание природы и механизмов процесса воспитания, его психофизиологических основ, формирование целостного взгляда на феномен воспитания, осознанную методологическую позицию, формирование у студента доминанты на человека, акцента на профессиональное самопознание и самовоспитание. В содержание дисциплины необходимо заложить изучение системы ценностей, служащей ориентиром для жизни каждого человека, а также ориентиром для целей воспитания; определить смыслы, направленные на работу с человеческими качествами; разобрать систему отношений, при которой воспитательные мероприятия будут приняты оппонентами; обучать умению оценивать и выбирать социокультурный контекст воспитательной деятельности, обосновывать данный выбор. Это будет способствовать пониманию, осознанию и принятию будущими педагогами значимости процесса воспитания, общечеловеческих ценностей, актуальных ценностных ориентиров, характерных для нашей страны в данный промежуток времени, положительной мотивации к воспитательной деятельности.

Оптимальной дисциплиной для подготовки в области воспитания является «Педагогика», которая включает в себя раздел «Теория воспитания», раскрывающий сущность воспитания, его закономерности, принципы, место в целостной структуре образовательного процесса, содержание, формы, методы, средства и технологии. Поэтому всё вышесказанное должно отражаться в содержании и примерах, раскрывающих основные теоретические аспекты данного курса; рассматриваться более подробно в темах, например «Виды воспитания», где акцент необходимо делать на умствен-

ное, нравственное, трудовое, половое, гендерное, патриотическое, гражданское, семейное воспитание; отдельно выделяется тема, связанная с работой детских общественных объединений (Российское движение школьников) и др.; дополнительно в рамках культурных практик рассматриваются реальные ситуации образования в образовательных организациях; определяется система педагогических отношений между преподавателем и студентом во время изучения теории воспитания с учетом понимания особенностей современного студента и современного обучающегося образовательной организации. Это позволит подготовить поколение специалистов, которые даже при изменяющейся образовательной ситуации, ситуации в стране и мире, будут конкурентоспособными, так как смогут осуществлять педагогическую деятельность не по заранее установленному шаблону, а на уровне смыслов и понимания логики происходящего.

Заключение. Таким образом, современность порождает принципиально новые воспитательные реалии и новые задачи для педагогов: поддержка самореализации обучающихся в социальной практике, создание условий для интенсивного развития у них актуального опыта, критического мышления, ценностных ориентаций, осуществление самостоятельного обоснованного выбора действий, принятия решений в соответствии с имеющимися целевыми ориентирами и изменяющейся обстановкой. Главная роль в этом принадлежит образовательной организации и непосредственно педагогу.

Новые вызовы диктуют новые подходы к воспитанию, а научное понимание изменений, происходящих в рамках современных социальных процессов, влияет на понимание фундаментальности воспитания в целом и процесс воспитания в частности. Профессиональное поведение в области воспитания должно осуществляться педагогом обоснованно и осознанно, с опорой на лично значимую систему ценностей, с использованием педагогического потенциала любой ситуации, с учетом проблем, особенно актуальных на современном этапе, и рефлексивного отношения к собственным действиям.

В связи с этим особое внимание уделяется подготовке будущих специалистов в области воспитания подрастающего поколения и переосмыслению содержания дисциплин, в частности курса «Теория воспитания».

Данный курс становится основополагающим при формировании не только знаний и умений в области воспитательной деятельности, но и создании благоприятных условий для развития личностных новообразований у самих студентов путем обеспечения гибкости в отборе содержания образования, приспособления программ к уровню базовой воспитанности студента, определения достаточной системы содержательных единиц, направленных на достижение комплексного результата.

Список источников

1. Кондратенко Е. В. Становление и развитие теории воспитания как учебного предмета в системе профессиональной подготовки учителя, 1920–1980-е гг. : дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 191 с.
2. Исаев И. Ф., Ерошенкова Е. И. Векторы развития современного воспитания: от осознания цели к профессионально-педагогической культуре учителя // *Research Jobs*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/312069689> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Вагнер И. В. Актуальные задачи подготовки кадров в контексте реализации профессионального стандарта «Специалист в области воспитания» // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-podgotovki-kadrov-v-kontekste-realizatsii-professionalnogo-standarta-spetsialist-v-oblasti-vospitaniya> (дата обращения: 01.10.2022).
4. Колесникова И. А. Смыслы и логика подготовки педагога-воспитателя (отклик на появление профессионального стандарта специалиста в области воспитания) // *Непрерывное образование: XXI век*. 2017. Вып. 1 (17). URL: <https://lll21.petrso.ru/journal/article.php?id=3404&ysclid=l8pvt5ffxm647267886> (дата обращения: 01.10.2022).

References

1. Kondratenko E. V. *Stanovlenie i razvitie teorii vospitaniya kak uchebnogo predmeta v sisteme professional'noj podgotovki uchitelya, 1920-1980-e gg. : dis. ... kand. ped. nauk* [Formation and development of the theory of education as an academic subject in the system of teacher training, 1920–1980s]. Moscow, 1998. 191 p. (In Russ.)
2. Isaev I. F., Eroshenkova E. I. Vectors of development of modern education: from awareness of the goal to the professional and pedagogical culture of the teacher. *Research Jobs*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/312069689> (accessed 01.10.2022). (In Russ.)
3. Vagner I. V. Actual tasks of personnel training in the context of the implementation of the professional standard “Specialist in the field of education”.

Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-podgotovki-kadrov-v-kontekste-realizatsii-professionalnogo-standarta-spetsialist-v-oblasti-vospitaniya> (accessed: 01.10.2022). (In Russ.)

4. Kolesnikova I. A. The Meanings and Logic of Training a Teacher-Educator (A Response to the Appearance of a Professional Standard for a Specialist in the Field of Education). *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Lifelong Education: XXI Century], 2017, Вып. 1 (17). Available at: <https://ill21.petrso.ru/journal/article.php?id=3404&ysclid=l8pvt5ffxm647267886> (accessed: 01.10.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Сажина Светлана Дмитриевна

Svetlana D. Sazhina

кандидат педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой педагогики
и психологии образования
института педагогики и психологии,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Head of
the Pedagogy and Psychology
of Education Department of the
Pedagogy and Psychology Institute
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University

167001, Россия, г. Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

03.10.2022

20.10.2022

12.11.2022

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ SCIENTIFIC DISCUSSION. CULTUROLOGY

Научная дискуссия / Scientific discussion

УДК 303.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>

**Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана.
Фундаментальные основания российской культурологии
(посвящается памяти профессора Ю. Н. Солонина,
к 80-летию со дня рождения)**

Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года)

Часть 1

Ведущий круглого стола: **Забулионите Аудра Кристина Иосифовна**, д-р филос. наук, доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Института музыки, театра и хореографии Российского го-

© Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н., Балакина Е. И., Барнашова Е. В., Винокурова У. А., Жерносенко И. А., Круглова Л. К., Коробейникова Л. А., Липский Б. И., Мамыев Д. И., Мосолова Л. М., Попова И. Ф., Рындина О. М., Тишкина А. Г., 2022

сударственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), zkristi@mail.ru.

Участники:

Ардашкин Игорь Борисович, д-р филос. наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бадмаев Валерий Николаевич, д-р филос. наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия);

Балакина Елена Ивановна, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия);

Барнашова Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, д-р социол. наук, канд. псих. наук, профессор Арктического государственного университета культуры и искусств (Якутск, Россия);

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, канд. культурологии, доцент Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Круглова Лариса Константиновна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия);

Коробейникова Лариса Александровна, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и музеологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия);

Липский Борис Иванович, д-р филос. наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Мамыев Данил Иванович, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» (Барнаул, Россия);

Мосолова Любовь Михайловна, д-р искусствоведения, почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Попова Ирина Федоровна, член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия);

Тишкина Анна Григорьевна, канд. филол. наук, доцент, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Ученый секретарь — В. С. Заборова (Москва, Россия).

***Аннотация.** Каждому этапу развития науки присущи свои проблемы и стратегические задачи. В период становления российской культурологии в 90-е годы XX века благодаря полемике Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана о системности и целостности были заданы те крайние полюса, которые во многом и ныне определяют развитие российской культурологии. Однако сегодня не меньше, чем в пору ее становления, культурология нуждается в критическом осмыслении ее дисциплинарности: как организовано фундаментальное знание науки о культуре, как мы работаем с уникальными характеристиками культур и цивилизаций, на каком основании структурируем универсум культур и Всемирную историю? Наконец, как мы понимаем единство науки о культуре?*

Дифференциация и углубление в исследованиях — естественный процесс развития науки, но он требует и дальнейшего развития понятийного аппарата, который был бы чувствительным к качественным характеристикам культур и цивилизаций и мог бы выразить уникальность их картин мира не на словах, а в понятиях. Не получившие до настоящего времени удовлетворительного решения эти проблемы ведут к углублению разрыва академических связей между разными ветвями культурологии, исследующими разные цивилизации. Эти проблемы требовательно возвращают нас к вопросам фундаментального характера о структуре дисциплинарности культурологии и ориентации научных программ на ту или другую парадигму философского знания. Культурология ныне, как и в первый этап формирования, снова нуждается в обсуждении ее фундаментальных оснований, вдумчивого их осмысления и критического анализа. Эти вопросы и обсуждаются участниками круглого стола.

***Ключевые слова:** дисциплинарность науки о культуре, механицизм, органицизм, системность, целостность, уникальность культуры, философия культуры, культурологические дискурсы востоковедения, региональные онтологии*

Для цитирования: Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Ч. 1 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>

**Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics.
Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th
Anniversary of Professor Yu. N. Solonin)**

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework
of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies
Symposium (November 20, 2021)

Part 1

Chairperson of the Roundtable Discussion: **Audra-Kristina I. Zabulionite**, PhD, DSc Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences Saint-Petersburg State University Professor of Department of the Performing Arts, Institute of Music, Theatre and Choreography Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia), zkristi@mail.ru

Participants:

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia);

Valeriy N. Badmaev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University (Elista, Russia);

Elena I. Balakina, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul, Russia);

Elena V. Barnashova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia);

Irina A. Zhernosenko, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Larisa K. Kruglova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Professor at the Department of philosophy, psychology and cultural studies, Admiral Makarov state University of Maritime and river fleet (St. Petersburg, Russia);

Larisa A. Korobeynikova, doctor of philosophical sciences, professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Boris I. Lipsky, Doctor of Philosophy, Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia);

Danil I. Mamyev, Ethno-Cultural Research and Educational Centre “AruSvati” (Barnaul, Russia);

Lubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture of Herzen State Pedagogical University of Russia, Honorary Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Irina F. Popova, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg, Russia);

Olga M. Ryndina, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Anna G. Tishkina, Candidate of Philoloical Sciences, Associate Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia);

Academic Secretary — V. S. Zaborova (Moscow, Russia).

***Abstract.** Each stage of science has its own problems and strategic aims. At the time when Russian Culturology was originating in 1990s due to polemics between Yu. N. Solonin and M. S. Kagan, the opposite themes that influenced development of Russian Culturology were being formulated. But today Culturology needs critical rethinking of its disciplinarity not less than at the time of its origin: how to organize fundamental knowledge of cultural science, how to work with the unique characteristics of cultures and civilizations, to structure the foundation to create the universum of cultures and civilizations as well as World history? Finally, how could we understand the unity of the science of culture? Differentiation and deepening of issues represent natural process of the development of science, but it requires further development of apparatus criticus that could be adequate to*

qualitative characteristics of cultures and civilizations, and could express their unique world pictures not only in words, but also in notions. These issues are not solved yet, and this results in the deepening gap between academic connections of different branches of Culturology that investigate different civilizations. These problems need solutions of the fundamental questions of the structure of Culturology disciplines and require orientation of the scientific programs toward one or another paradigm of philosophical knowledge. Today's Culturology needs discussion of its fundamentals, their understanding and critical analysis the same way it did from its origin. These questions are the subject of discussion between the Roundtable Discussion members.

Keywords: *disciplinarity of science of culture, mechanism, systematization, integrity, unique character of culture, philosophy of culture, oriental cultural studies, regional ontologies.*

For citation: Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 / A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:145–183 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>

А. К. И. Забулионите. Три десятилетия назад, в условиях эпохальных сдвигов в российском обществе, российская культурология оформилась как самостоятельная область научного знания. Она не пошла по пути уже признанных за рубежом cultural studies, но, выделяясь из дискурсов философии культуры, аккумулируя эмпирические базы самых разных областей гуманитарного знания и размышляя над своим собственным предметом исследования, российская культурология формировалась как самостоятельная область научного знания.

Развитие науки — не равномерно-кумулятивный процесс. На разных этапах ей присущи вполне определенные стратегические задачи и проблемные ориентиры. На этапе становления, как и любой другой области научного знания, культурологии предстояло совершить переход от стадии протонауки к зрелым формам организации научного знания. В 90-е годы, в пору формирования российской культурологии, вопрос о новой науке стоял в центре дискуссий, развернувшихся по всей стране. В петербургской дискуссии, инициированной Ю. Н. Солониным, который пригласил к поле-

мике М. С. Кагана, крупнейшего представителя системного подхода в российской культурологии, обсуждение фундаментальных оснований культурологии конкретизировалось как полемика о системности и целостности. Оппоненты исходили из разных философских традиций и предлагали разные онтологические гипотезы и логику конституирования базового понятия — «культуры». Петербургская полемика о системности и целостности на почве культурологии стала продолжением конкуренции двух альтернативных научных программ: *механицизма*, восходящего к метафизике практического разума, заложенного Р. Декартом и Ф. Бэконом, и *органицизма*, берущего исток в натурфилософии И. В. Гете и философии культуры И. Г. Гердера.

Каждая научная программа, как известно, обладая определенным эвристическим потенциалом, имеет и границы легитимации. В полемике Ю. Н. Солонин обратил внимание на дефицит критического отношения к системным подходам и, как следствие этого, переоценку их эвристического потенциала в культурологии. Он подчеркивал: понятийный аппарат системных подходов, которые сформировались в рамках механистической (квантитативной) научной программы, был нечувствительным к качественным характеристикам уникальных культур. Выступая с критикой системных подходов, Ю. Н. Солонин обратил внимание на альтернативную, качественную научную программу — органицизм, понятийный аппарат которой и ныне остается разработанным значительно хуже. Несмотря на это, органицизм имеет весьма интересный эвристический потенциал в познании качественных характеристик изучаемых явлений.

Обращение Ю. Н. Солонина к программе органицизма оказалось весьма своевременным. В XX веке, как известно, нерешенные вопросы теоретического и методологического европоцентризма привели к диверсификации некогда единого знания о культурах, к уходу востоковедения, африканистики и других исследований неевропейских культур из общего русла культурологического познания. Востоковедение отказалось от формационного структурирования универсума культур в пользу цивилизационного. С началом формирования российской культурологии была осознана необходимость формирования культурологических дискурсов неевропейских культур. Эвристический потенциал органицизма представлял-

ся весьма перспективным в аспекте работы с уникальными картинами мира разных цивилизаций. По инициативе Ю. Н. Солонина и Е. А. Торчинова была выдвинута идея формирования культурологических дискурсов востоковедения. На философском факультете Санкт-Петербургского университета открылась одна из первых в стране кафедр философии и культур Востока, взявшая курс на формирование культурологических дискурсов китаеведения, индологии и арабистики [1, с. 60–65]. Под руководством Е. А. Торчинова и М. Я. Корнеева развивались компаративные студии. Ю. Н. Солонин активно заботился об исследованиях типологического метода, выражающего органическую целостность и качественную определенность каждой культуры. Он предложил именовать органицизм гетеанским подходом в силу того импульса, который И. В. Гете сообщил научно-философским вариантам целостного подхода к пониманию природы и культуры в XIX веке, обеспечив тем самым сохранение этой методологической линии в условиях господства квантитативизма в науке XIX и последующего века [2, с. 21–22].

Таким образом, уже в начальный период формирования дисциплинарности российской культурологии были заданы две альтернативные научные программы, которые мыслились как дополнительные. Ю. Н. Солонин полагал, что до равенства сил еще далеко, но перспективы органицизма значительны и уже сейчас «можно говорить об ожидаемом философско-методологическом сдвиге, в котором место системной интерпретации реальности займет онтология целостности с вытекающей из нее научно-методологической программой. Задача методологов состоит в том, чтобы найти способы согласования обеих методологий...» [2, с. 26].

С дискуссий 90-х годов, первого этапа собирания и становления российской культурологии как самостоятельной области научного знания, миновали два десятилетия. В российской культурологии сформировались школы, устойчивые направления исследований, расширилась и обогатилась тематика. Но получили ли фундаментальные проблемы науки о культуре, обозначенные в этой полемике, дальнейшее осмысление и развитие? Были ли они восприняты в культурологической научной практике? Причем речь идет не только об эвристическом потенциале органицизма (гетеанства) как качественной научной программы в культурологии. Ю. Н. Солонин ставил и другой, не менее важный вопрос — о познаватель-

ных возможностях и границах научных концепций и методологических программ. Это вопрос о том, как реальность включается в научный дискурс, какова исследовательская оптика системного (системно-синергетического) и целостного подхода, какое содержание эти научные программы задают основополагающим понятиям и соответствуют ли эти понятия природе предмета науки о культуре, что есть предмет познания культурологии не в терминологическом, а в онтолого-объектном значении, наконец, как мы познаем и до каких глубин проникновения в сущность и достижения уровней обобщения мы доходим и что есть индивидуально несводимое [2, с. 18].

Представляется, что, признавая значимость работ Ю. Н. Солонина для культурологии, по сути, остаются без должного внимания фундаментальные вопросы дисциплинарности науки о культуре. И главная проблема даже не в том, что эвристический потенциал программы органицизма (гетеанства) в культурологии практически не востребован, а в том, что в науке о культуре отсутствует должная мера критически-конструктивного анализа фундаментальных вопросов, которые обеспечивают развитие ее дисциплинарности. Непосредственной реальности в науке нет. Факт в науке — это концептуально-онтологическая реальность, а не нечто непосредственно данное. Он определяется так или иначе организованной оптикой познания. К сожалению, вопросы о содержании понятий в разных научных программах и фундаментальные вопросы дисциплинарности остаются на периферии обсуждаемых вопросов современной российской культурологии. И это, при всем плодотворном развитии исследовательской практики, не идет пользу науке о культуре.

Каждому этапу развития науки присущи свои проблемы и стратегические задачи. Сегодня не меньше, чем в пору ее становления, культурология нуждается в критическом осмыслении своей дисциплинарности: как организовано фундаментальное знание науки о культуре, как мы работаем с уникальными характеристиками культур и цивилизаций, на каком основании структурируем универсум культур и Всемирную историю? Наконец, как мы понимаем единство науки о культуре? Дифференциация и углубление в исследованиях — естественный процесс развития знаний, но неразвитый понятийный аппарат, неспособный работать с качественными/уни-

кальными характеристиками цивилизаций, ведет к углублению разрыва академических связей между разными ветвями культурологии (я имею в виду связи с востоковедением и исследованием неевропейских культур). Эти и, возможно, еще не названные здесь проблемы требовательно возвращают нас к вопросам фундаментального характера о структуре дисциплинарности культурологии и ориентации научных программ на ту или другую парадигму философского знания. Культурология ныне, как и в первый этап формирования, снова нуждается в обсуждении ее фундаментальных оснований. Мы стоим перед вопросами, требующими вдумчивого осмысления и критического анализа.

В. Н. Бадмаев. К вопросам, предложенным для обсуждения, я подойду со стороны межкультурной философии, довольно нового направления, появившегося в 80–90-е годы и во многом связанного с развитием философского востоковедения и эволюции философской компаративистики. Новое направление предполагало трансформацию философии исходя из принципа «когнитивной скромности», то есть признания того, что западный тип философствования не может быть единственным [3]. И это, мне представляется, имеет эвристическое значение. Свое выступление я обозначил «Россия и Восток: от дихотомии к диалогу», несколько, может быть, амбициозно, но, тем не менее, это те мысли, которыми я хотел с вами поделиться.

Процессы глобализации изменяют устоявшиеся представления о центре мировой цивилизации и траекториях ее развития. Каждая точка в глобально-цивилизационном пространстве (в силу динамично изменяющейся рыночно-экономической конъюнктуры, технико-технологических, информационных обменов, международных миграционных потоков и так далее) в любой момент может быстро превратиться в мировой центр глобально-сетевое развития и так же стремительно исчезнуть. Указанные процессы демонстрируют глубокие противоречия в развитии современной цивилизации, некогерентность и негармоничность, нелинейность и турбулентность мировых процессов. Всё это требует переосмысления роли и места локального в глобальном, так же как и глобального в локальном. Именно в данном ключе возможен поиск наиболее перспективных вариантов синхронизации процессов глобализации

и этнокультурной локализации, диалога культур, конфессий, цивилизаций, их сохранение во всем богатстве их многообразия.

Объективная картина мира в XXI веке является действительно мозаичной, сложносоставной, и она уже не может быть только европоцентристской. В условиях кризиса глобальной экономики и модели однополярного мира вновь возрождаются идеи равноправного диалога. Темпы и специфика интеграции должны быть приведены в соответствие с особенностями каждой участвующей в ней стороны. Особого внимания в этом плане заслуживают взаимоотношения Европа — Азия, Запад — Восток, Запад — не Запад, которые имеют долгую историю эволюции и приобретают сегодня новые характеристики. Они могут быть осмыслены с учетом интеллектуально-духовных реалий современной жизни. За всей неоднозначностью и неопределенностью современной мировой ситуации можно усмотреть тенденции перехода прежде централизованной глобальной силы в другие регионы мира; формирование новых экономических центров в Азии; отход от прежней одно- и биполярной системы международных отношений. Мир оказался непредвиденно сложным.

Для современных цивилизационных исследований эвристическое значение имеют межкультурная философия и методы философской компаративистики, ставящие задачу постижения и достижения диалога, причем диалога не только как средства достижения взаимопонимания и взаимоуважения между народами и культурами, но и нахождения новых эффективных способов совместного решения мировых проблем, стоящих перед всем современным человечеством. В ситуации, когда европоцентристская позиция, согласно которой «мерилом» философии являлась исключительно западная мысль, была подвергнута критике и пересмотру и появилась межкультурная философия как новое направление в гуманитарном знании, важно обсуждение не только и не столько дихотомии Восток — Запад, сколько концепций ориентализма и оксидентализма, поскольку во главе угла должна находиться задача по поиску путей и способов восприятия Востока Западом и, наоборот, Запада Востоком. Напомним, что европейская трактовка Востока получила название «ориентализм»; она имеет негативные коннотации как на самом Востоке, так и среди критически по отношению к западной системе настроенных западных же ученых. А нередко упрощенное

и часто отрицательное изображение Запада восточными исследователями известно как «оксидентализм». В этой связи необходима актуализация фундаментальной научно-методологической проблемы: каким образом возможно адекватное представление одной культуры в другой, существенным образом от нее отличной?

Здесь, конечно же, следует отметить, чтобы не было ухода в другую крайность: от европоцентризма к востокоцентризму. Это то, от чего в свое время предостерегали евразийцы.

Необходима переоценка возможности рассматривать и оценивать наследие и традиции восточной философской мысли в контексте общечеловеческой культуры, всемирной истории философии. Философское востоковедение, вводя «восточный материал» в понятия историко-философские лексиконы, выявляя взаимодействие универсального и партикулярного (уникального), дает возможность интерпретировать его в общефилософских типологических категориях, расширяет повестку современной философской проблематики.

Отмеченная проблематика особенно актуальна для такого многонационального и поликонфессионального государства, как Россия. Россия имеет большой исторический опыт плюрализма идентичности (поликонфессиональность, многонациональность, культурное разнообразие). Российское государство, характеризующееся «евразийским месторазвитием» и потому рассматриваемое в рамках цивилизационной дихотомии (Европа — Азия, Запад — Восток), предстает как территория проживания разных народов, место, где происходит встреча различных цивилизаций, которое может превратиться в зону как их конфликта, так и сотрудничества. Поэтому особенно важно проведение исследований взаимоотношений России и Востока в контексте предотвращения сценария «столкновения цивилизаций» по конфессиональным разломам и дезинтеграционных тенденций, представляющих угрозу территориальной целостности российского государства.

Таким образом, на наш взгляд, постановка и исследование данной масштабной проблемы позволит расширить проблемное и предметное пространство философского востоковедения, сформировать новые научные направления философской компаративистики, опираясь на богатейший эмпирический материал из истории взаимоотношений России и Востока.

А. К. И. Забулионите. Валерий Николаевич, Вы говорите: выявляя взаимодействие универсального и партикулярного (уникального) возможно интерпретировать его в общефилософских типологических категориях. Вы подчеркнули: общефилософские типологические категории. Я разделяю Вашу точку зрения: типология для философской компаративистики, как известно, является методологическим фундаментом. Но тип культуры, как монада, выражающая целостность и уникальность культуры, ее тождественность при всех исторических трансформациях, всегда была весьма сложной проблемой, ибо такой тип предполагает дисконтинуальную метафизическую структуру (качественные разрывы в бытии). В этой связи у меня два вопроса: 1) полагаете ли Вы, что можно создать общефилософские типологические категории, позволяющие описать уникальные картины (модели) мира? 2) Как с точки зрения принципа «когнитивной скромности» представляется содержание понятия «тип культуры», ориентированного на выражение культуры как уникальной целостности (отход от европоцентризма), и как оно вводится в конкретные культурологические исследования?

В. Н. Бадмаев. Эти вопросы действительно очень сложные. Да, есть универсалии культур. Здесь следует упомянуть, наверное, известную работу В. С. Степина «Универсалии культур». Что касается того понятийно-категориального аппарата, который, скажем так, аутентично отражает ту или иную культуру — это действительно сложная проблема, и если мы говорим о том понятийно-категориальном аппарате, тех терминах, которые присущи той или иной культуре (западной, восточной культуре), то не всегда эти универсалии культур адекватно, равнозначно работают в совершенно другом культурном контексте и они по-разному воспринимаются. Я приведу конкретный пример. Мы с нашими монгольскими коллегами сейчас работаем над проектом «Философия монгольских этносов». Это действительно проблема — отразить мировоззрение, мировосприятие монгольских народов. В центре нашего проекта находятся монголоязычные народы: самой Монголии, калмыки и буряты — в России, Внутренняя Монголия — в Китае. Нами была разработана анкета, которую мы хотим запустить, перевести ее на несколько языков (естественно, на монгольский, китайский, английский) и провести экспертные интервью. В числе вопросов в эту ан-

кету мы включили такие понятия, как пространство и время. И наряду с теми общими, универсальными понятиями (общефилософскими, общекультурологическими терминами), мы еще включили термины, которые присущи сугубо для монгольской культуры. Один из таких терминов — «арга билиг». Говоря очень упрощенно, его можно сравнить с понятиями, терминами «Инь — Янь». В анкете, конечно, дается его более сложное объяснение. Данную анкету мы еще не запустили, но планируем провести такое экспертное интервью среди коллег, философов, культурологов, ученых России, Монголии, Китая, то есть среди тех, кто занимается философией этноса, культуры, религии. Надеемся получить ответы и представить их в будущем. Проблема действительно существует, так как уже устоявшиеся в рамках западной философии термины и понятия не работают в традициях восточной культуры, восточной интеллектуальной традиции.

А. К. И. Забулионите. В анкете, мне представляется, Вы обратили внимание на весьма сложный и очень актуальный для современной науки о культуре вопрос. Российская культурология, конечно, исходит из тезиса о целостности и уникальности культур, но в то же время она сегодня не имеет разработанного понятийного аппарата для выражения уникальных картин мира уникальных культур в регионалистике. Если смотреть еще глубже, то проблема сложнее даже философских концептов пространства и времени, известных в западной философской традиции, в рамках которой складываются оба упомянутые подхода российской культурологии. Уже не говоря о том, что культурологи ныне весьма мало обращают внимание на то — какими философскими концептами времени и пространства сегодня пользуется культурология, соответствуют ли они природе предмета культурологии? Эти вопросы даже толком не осознаются, а следовательно, и не обсуждаются. Понятийный аппарат, выражающий метафизику культуры, не разработан и не введен в дисциплинарность науки о культуре.

И. А. Жерносенко. Хочу начать с возражения: мне не совсем понятно утверждение о том, что нет научного или культурологического аппарата. На самом деле, он давным-давно создан в культурологии и разные культуры рассматриваются через их констан-

ты, через концепты, через определенные мифологемы, архетипы. Эти понятия универсальны, они присутствуют в каждой культуре: этнической, традиционной, западной и восточной. То, что они отличаются в зависимости от национального или этнографического контекста, так в этом и заключается их специфика. Но сами по себе эти концепты и константы, мифологемы и архетипы лежат в основе культурологических исследований в качестве научного аппарата или, так сказать, технологии исследования. Они уже давно сформированы, и, собственно, мы ими оперируем, когда изучаем эти культуры. И те же категории пространства и времени как аппарат исследования, действительно, абсолютно результативны. Когда начинаешь изучать пространственно-временной континуум представителя кавказской культуры или алтайской, или якутской — наглядно видишь эти специфические черты. Поэтому я не очень понимаю, в чем проблема, почему Вы говорите, что не сформирован культурологический инструментарий.

А. К. И. Забулионите Описывать уникальность культур на словах — это одно, а иметь содержательно разработанные понятия — совсем другое. Действительно ли мы имеем такой понятийный аппарат, или нам кажется, что имеем? Если мы имеем некий универсальный понятийный аппарат и универсальную методологию, так почему же из общего русла развития науки о культуре ушли востоковеды, которые отмечают, что есть «грубый» и «тонкий» европоцентризм? «Тонкий» европоцентризм я называю «методологическим» европоцентризмом, и он является одним из слабых мест системного подхода, ориентированного на рационалистическую традицию, понятийный аппарат которой разработан согласно принципам математического естествознания и физики (механики) как образцовой науки. Вы говорите о категориях пространства и времени? А какое содержание этих понятий Вы имеете в виду? Ведь это содержание определяется ориентацией научной программы на вполне определенную философскую традицию. Очевидно, что структура времени разная в мире физическом, биологическом и в мире человека. Если мы хотим работать с уникальной целостностью культуры (качественными характеристиками), то некое общее для всех, универсальное содержание понятий вряд ли будет обладать высокой мерой эвристичности для выражения уникальной модели мира

конкретной культуры и способа мышления ее представителей. На словах можно говорить об уникальности, но понятийный аппарат к качественным характеристикам не чувствительный. Тип-система есть конструкт, задающий жесткие рамки реальности и познанию.

И. А. Жерносенко. Разумеется, когда мы обсуждаем на быденном уровне, конечно, все зависит от культурного контекста, но если говорить именно об инструментарии научном, то он сформирован и хорош тем, что представляет собой универсальные категории, которыми можно пользоваться как неким инвариантным ядром. Но опять же в социокультурном контексте этот инвариант будет давать множество нюансов и дополнительных смыслов — компаративистика на этом и будет основываться. Так, если мы сравниваем пространственно-временной континуум западного человека — линейный и циклический — человека восточного, то мы можем здесь наглядно видеть, в чем особенность той или иной культуры. Поэтому сейчас наоборот, мне кажется, в культурологии наработан серьезный научный аппарат, который позволяет проводить достаточно результативный компаративистский анализ и выявлять особенное и уникальное на универсальных основаниях. И в этом смысле, конечно, интересен диалог культур, как синхронический, так и диахронический, позволяющий эксплицировать уникальные качественные характеристики даже у рядоположенных культур (как в пространственном, так и во временном аспектах). Например, когда мы сравниваем культуры сибирские (алтайская, бурятская, якутская и т. п.) — мы видим очень много общего, но тем интереснее выявить особенности, которые дают возможность не только прочувствовать специфику этих культур, но, самое главное, понять, почему и при каких условиях сформировалась эта специфика. И в связи с этим, мне кажется, необходимо учитывать еще один очень значимый инструмент выявления уникальной целостности культур — это гумилевская концепция вмещающего ландшафта. На основе своих многолетних исследований истории культуры Сибири и Алтая [4] я многократно убеждалась в правоте Льва Николаевича: действительно, каждый ландшафт формирует свой, специфический тип культуры, проявляющийся на всех уровнях бытия. Именно ландшафт определяет метафизику культуры: не только особенности восприятия пространства и времени, но и особенности на-

хождения человека в этом пространстве, как он себя оценивает, как ково его место в этом мире, как он взаимодействует с природными стихиями и как он взаимодействует с себе подобными, то есть как складываются коммуникации. Очевидно ведь, что в традиционном обществе сибирских народов и в традиционном обществе кавказских народов разительно отличается и тип ментальности, и бытовые реалии, и т. п. — именно ландшафт формирует их специфику, создает свою, особую целостность. Но при этом универсальные концепты их едины: категории пространства и времени, культ Великой Матери и культ предков, почитание гор, принципы гостеприимства и т. п.

В. Н. Бадмаев. Я могу согласиться с Вами, но хотел бы уточнить. Речь не идет о том, чтобы изобретать велосипед, новый инструментарий — ни в коем случае. Понятно, что есть та база, то знание (философское, культурологическое), на которое следует и нужно опираться, я полностью с Вами согласен. Не зря я упомянул в том числе и универсалии культур В. С. Степина. А другое дело, что и Вы правы, когда говорите об особенностях локальных, национальных, этнических культур. И для того чтобы их исследовать, нужно создать какой-то свой понятийно-категориальный аппарат. Например, вспомните образы мира Г. Д. Гачева: образ мира кочевника или образ мира скотовода. Это просто необходимо учитывать. То есть, конечно же, не ставить задачу изобретать совершенно новое, а естественно, опираться на тот большой потенциал, тот инструментарий, который есть.

О. М. Рындина. В дискуссии, которая уже развернулась, я буду участвовать как этнограф. И одновременно попытаюсь дать ответы на вопросы, которые были вынесены на обсуждение круглого стола: о перспективах разработки понятийного аппарата для выражения уникальной культуры, о том, как работать с характеристиками уникальных культур, и об исследовании культурной уникальности в современных условиях.

Первый вопрос: перспективы разработки понятийного аппарата для выражения уникальной культуры. Как эта проблема видится этнографу, который работает с этнической культурой? Определение этнической культуры уже включает в себя уникальные, сво-

еобразные черты, присущие той или иной культуре, которые выделяют ее на фоне остальных. Чтобы определиться с понятийным аппаратом применительно к этнической культуре, как мне кажется, нужно ориентироваться на образы, выражающие эту культуру. Образы — это результат отражения окружающего мира, и представлены они посредством конкретных материальных предметов. У каждой этнической культуры есть определенный набор таких базовых образов, базовых символов. Они очень легко вычленимы, потому что без этих образов, символов, конкретных предметов невозможно уловить своеобразие этнической культуры. Базовые символы отмечены печатью особой художественной отделки, например композиционной, текстологической, обыгрывающей структуру и т. д. Чтобы было понятно моим коллегам, приведу несколько примеров. Для якутов в роли базового символа выступает чорон — великолепный продолговатый сосуд, выдолбленный из дерева, без которого ни один ритуал не совершится по той простой причине, что там содержится молоко и молочные продукты, которые кропят духам, и это важнейшее действие в ритуале. Аналог чорона в алтайской культуре — это тажуур, кожаный сосуд, из которого тоже кропят молоко, посвященное духам. Но для обеих культур к базовым символам будут принадлежать конь, коновязь и плетка как знаки мужчины; однако плетка совершенно не сработает в культуре обских угров. Там знаком мужчины будет не плетка, а нож в ножнах. И так каждая культура вытягивает свой ряд этих базовых символов, и с опорой на эти базовые символы нужно и вырабатывать понятия.

Вопрос второй: как работать с характеристиками уникальных культур? На мой взгляд, их следует определять тоже на основе исследовательской дешифровки тех символов, которые мы выявляем применительно к конкретной культуре. И эта исследовательская дешифровка предполагает несколько, скажем так, шагов. Шаг первый, базовый, на нем мы все стоим (вольно или невольно) — это научная рефлексия. Мы находимся в кругу тех понятий, которые выработала наша дисциплина (у кого-то на протяжении столетий, у кого-то на протяжении десятилетий, у кого-то на протяжении тысячелетий), но у каждой науки базовые понятия и методология свои. Так вот, опираясь на них, мы вытягиваем те понятия, которые нас будут интересовать в изучаемой культуре. Ну, допустим, концепты *пространство, человек, душа*. Обращаясь к изучаемой культуре (ал-

тайской, якутской, тувинской, мансийской), мы сначала «вытягиваем» все те образы, символы, через которые эти понятия, эти концепты передаются.

Концепт пространства. Если обратиться к мифоисторической памяти обских угров, в частности манси, то окажется, что такого понятия, как *пространство*, у них по существу и не сформировалось, но наличествует целый ряд образов/символов, через которые это понятие раскрывается, причем самое интересное, что эти символы демонстрируют динамику насыщения смыслового поля от абстрактного к конкретному. Вот так развивался способ мышления в мифе: от абстрактного к конкретному, а не наоборот, как казалось бы. Так вот, на самом раннем этапе, выраженном в мифологии, пространство мыслится субстанционально, оно передается через такое выражение, как *вода*, причем *вода* мыслится как Мировой океан, как стихия водная. Далее, на следующем этапе, который представлен в волшебных сказках, вода уже мыслится в образе реки, это некая река вообще. Позднее эта река стала наделяться понятием Обь: Обь как главная река, как река вообще. И наконец, последний этап — это уже богатырский, героический эпос, там вода уже предстает как конкретные маленькие речушки-притоки, которые питают эту реку вообще, реку Обь. Таким образом, вода, река и конкретная река (допустим, Аган, Тромъёган, любая река) — вот осмысление пространства, которое представлено в мифологии обских угров, и те образы, которые передают представление о пространстве [5, с. 276–288].

Если мы возьмем такое понятие, как *душа*, то применительно к мировоззрению обских угров нужно вести речь не о нашей трактовке *души*, а о более точном эквиваленте — *жизненные силы*. Почему? Потому что *душа* в нашей традиции (и в научную традицию эта трактовка включена) включает в себя и этические моменты, нравственные императивы. А вот понятие *душа* у коренных народов, в частности у обских угров, этих нравственных императивов лишено, это *жизненные силы*, причем эти жизненные силы могут быть присущи как человеку и животным, так и тому, что мы традиционно именуем в нашей науке как *неживое*. Таким образом, работая с понятием, например базовым научным понятием *время, пространство, человек, жизнь*, применительно к конкретной культуре и вы-

являя выражающие его образы, мы приходим к иной трактовке этого понятия в рамках изучаемой культуры.

И последний этап — это уже компаративистика, это соотнесение понятий, которые существуют в нашем научном арсенале, и понятий, которые мы реконструируем применительно к изучаемой культуре.

Третий вопрос — это исследование культурной уникальности в современных условиях. И тут должна, конечно, согласиться с тем, что участники дискуссии неоднократно отмечали: культура уникальна, это — уникальная целостность. Но она сегодня предстает в виде фрагментов. По крайней мере, этническая культура сегодня фиксируется не как некая целостность, а как ряд фрагментов, оставшихся от этой целостности, то есть разбитый и треснутый колокол (по выражению К. Леви-Стросса). И эти фрагменты транслируются сегодня прежде всего силами национальной интеллигенции, причем национальная интеллигенция прекрасно осознает, что нужно выбирать базовые фрагменты среди этих осколков и транслировать их, потому что восстановить целостность невозможно — это нужно восстанавливать весь образ жизни, присущий, допустим, рубежу XIX–XX веков (на это сами коренные народы не пойдут: они уже вкусили плоды цивилизации, и они пытаются найти синтез между современной цивилизацией и традиционной культурой). И этот синтез возможен в трех вариантах, как мне видится (может быть, этих вариантов больше).

Первый вариант — это непрерывная трансляция каких-то элементов прежней некой культурной целостности. Такой вариант вполне приемлем, и он, кстати, сохраняется на уровне семейных обрядов. Даже в советское время в семейных обрядах сохранялось очень много традиционных черт, и они передавались непрерывно.

Второй вариант — это реконструкция базовых блоков на основе той информации, что сохранилась об утраченной, но некогда существовавшей культурной целостности. И эта реконструкция может быть, в свою очередь, в двух вариантах. Первый вариант — это реконструкция для себя. Например, праздники, знаменующие начало нового временного цикла-бытия у обских угров (хантов и манси), как и у многих народов в древности, отмечались дважды: год-зима — мужской год, и год-лето — женский год. Так вот, оба этих новогодних праздника сегодня силами национальной интеллигенции

реконструированы на основе сведений очевидцев, которые присутствовали при аутентичном исполнении этих праздников, на основе литературы (научная литература сегодня выступает как источник по некогда существовавшей уникальной культурной целостности). И на эти вот реконструированные праздники (или на некоторые их части) не все присутствующие допускаются — лишь члены определённого этнического сообщества.

И второй вариант реконструкции — это реконструкция для других, что называется, коммерческий вариант. Если реконструкция для себя — это неотрадиционализм, то реконструкция для других с целью получения прибыли, для извлечения выгоды (в денежном эквиваленте в том числе) — это перформанс [6, с. 132, 134–135]. А между неотрадиционализмом и перформансом может располагаться разнообразный ряд вариантов, современных форм реконструкции этнической культуры. И таких вариантов много. Только где-то со второй половины прошлого столетия этнография, этнология, обратилась к этим вариантам реконструкции, она посчитала их достойными научного анализа, поэтому здесь теория и методология в процессе становления, но это очень интересное поле исследований.

А. К. И. Забулионите. Как я поняла, Ольга Михайловна выделяет два разных вопроса: один из них — это трансформации традиционных культур в условиях современности. Это сложная тема, заслуживающая отдельного обсуждения. Другой вопрос напрямую связан с тематикой сегодняшнего круглого стола: мне представляются весьма интересными исследования базовых образов, базовых символов и то, что в этих образах этнографы «вытягивают», усматривают присущие этим культурам понятия, концепты *пространства, человека, души* и, возможно, другие, содержание которых раскрыла Ольга Михайловна. Содержания этих концептов, сложившиеся в конкретной этнокультуре, принципиально отличаются от содержания аналогичных концептов, присущих новоевропейской науке. Причем, когда Ольга Михайловна отмечает, что эти образы содержат смыслы, проистекающие от абстрактного к конкретному (а не наоборот) — у меня не остается сомнений, что исследователь улавливает самый фундаментальный уровень организации модели мира и способа мышления конкретной культуры (уровень ме-

тафизики культуры). Если выразаться понятиями органицизма И. В. Гете — это уровень прообраза (или типа). А в понятии «жизненные силы», присущим и живому и неживому, — также прямое совпадение с концептом «Природы» Гете и его пантеизмом. В понятиях Э. Гуссерля, мне представляется, это и есть уровень эйдетических понятий конкретной культуры, в которых и должна быть реконструирована конкретная региональная онтология *этой* культуры.

У. А. Винокурова. Вопросы, вынесенные на обсуждение круглого стола, — крайне сложные. Здесь в основном собрались философы, которые умеют рассуждать общими категориями, категориями, которыми я не пользуюсь. Понятие *региональная онтология* для меня совершенно непонятное. С одной стороны, как будто речь идет о междисциплинарных исследованиях, а с другой стороны, это какое-то прикрепление знаний к особенностям территорий.

Мы, коренные ученые, имеем собственный фокус восприятия всего того, что творится на исконных землях наших народов, а другие ученые используют эгоцентристские, может быть, постколониальные, даже имперские какие-то размышления, и вести с ними открытый диалог крайне трудно. В этом году я прочувствовала, что, оказывается, есть еще третья площадка, а именно исследователи, живущие на нашей территории, в данном случае — в Арктике, и изучающие Арктику именно с позиции интересов, потребностей этой территории, этого региона. Сколько я ни бываю на разного рода научных конференциях и форумах — никогда их не выделяла, мне всегда казалось, что они — чужие. Но, оказывается, есть и такие исследователи, с которыми можно и нужно вести научный диалог с позиций регионов и коренных этносов.

В сегодняшнем диспуте я так и не поняла: имеются ли в виду территориальные особенности онтологии в культурологическом дискурсе? Территориальные особенности, в которых константой является, так сказать, особенность естественного порядка. Поворот к региональным онтологиям, совершаемый Аудрой Кристиной Иосифовной [7, с. 40–54], развивающей в российской культурологии актуализированную Юрием Никифоровичем Солониным научную программу органицизма и выделяющей три характеристики понятия тип: целостность культуры, качественную определен-

ность и естественный порядок уникальной культуры, — этот поворот мне представляется интересным и перспективным. Эта триада характеристик типа культуры несёт огромный эвристический потенциал для социогуманитарных наук. К этим трем характеристикам, выражающим тип культуры, возможно, можно добавить также и влияние территориально-природных явлений, которые также оказывают воздействие на формирование культурного разнообразия человечества. Есть природное разнообразие и есть культурное разнообразие человечества, издавна выражаемое понятием «типы культур». К сожалению, идея региональных онтологий (тип культуры, выраженный в трёх своих характеристиках) до сих пор не может пробить себе методологическое признание, потому что, на мой взгляд, зачастую мы рассуждаем понятиями непосредственной реальности и испытываем страх утратить целостность российской общности. И мы все время находимся под прессингом этого страха, и поэтому понятие *целостность*, предложенное в органицизме — интеллектуальной традиции, актуализированной Ю. Н. Солониным и развиваемой далее обращаясь к идее региональных онтологий, не может прижиться. Ю. Н. Солонин обратил внимание на интеллектуальную традицию, ориентированную на выражение уникальности всякой культуры, но готовы ли мы освободиться от этого научного страха и принять понимание целостности культур, заданную в научной программе органицизма? Необходимо определить, что может дать применение органицизма для выхода на региональную онтологию. Мне кажется, мы можем применять эту методологию только в том случае, если мы освободимся от мнимого (мне кажется, мнимого, а может быть, и реального) страха потерять целостность имперской методологии. И потому обращение к этому методологическому прорыву, я бы сказала, это, на самом деле, может быть критерием, индикатором освобождения нашего мышления, нашего интеллекта, нашего духа. И здесь одним из действующих лиц могут стать *региональные* исследователи из числа некоренных народов. Я, допустим, в Якутии как-то даже не обращала внимание на методологические ориентации и приоритеты у наших ученых некоренной национальности. Казалось бы, с одной стороны, есть общая методология, а с другой стороны — позволяет ли эта общая методология приобщиться к ментальности, ко всем особенностям региональных интеллектуальных традиций? В Ямале я увидела эту

группу региональных исследователей из числа некоренных народов. Оказывается, есть такая особенная интеллектуальная группа. И поэтому я считаю, что вопрос о региональных онтологиях, поднятый сегодня, в том плане, в котором мне хотелось бы понимать, является исключительно актуальным и, возможно, даже исключительно продуктивным, прежде всего в плане обновления всего нашего методологического аппарата, способного ориентироваться на решение региональных проблем. Прежде всего — союзниками, партнерами мы можем вступить, наладить активный диалог и достичь взаимопонимания. Мне представляется, что так мы можем говорить о формировании арктического мышления, в котором константой, отправной точкой размышления является сама Арктика.

Второе, о чем я подумала. Возможно, что в этой региональной онтологии мы можем увидеть как раз механизм понимания разнообразия человечества, проживающего в данном случае на территории Российской Федерации. В целом, конечно, можно говорить и на философском уровне, о более высоких категориях, но я хочу рассуждать именно с позиции наших практико-ориентированных потребностей и найти методологию для их осмысления. Чтобы решать наши конкретные вопросы и проблемы: на что мы можем опираться, на какие категории, на какие понятийные, методологические подходы, которые позволят нам решать острейшие проблемы Арктики [8]. Поэтому, говоря о ценностях арктической циркумполярной цивилизации, отмечу неудовлетворенность методологией этнографической науки. Сейчас Ольгу Михайловну слушала как этнографа и этнолога, и у меня появляется неудовлетворенность этим постоянно используемым подходом, постулирующим потерянность целостности культурных ценностей и утверждающим, что с сохранившимися какими-то элементами этнокультуры коренные народы должны приспособиться к цивилизации большинства (доминирующей культуры) и т. д. Все эти клише не могут обслуживать наши актуальные интеллектуальные, культурные, цивилизационные потребности. Абсолютно ясно, что эти остатки формационного подхода для нас сейчас — это тормоз, мы таким путем далеко не уйдем, если мы отказываем коренным народам в их целостности. Потеря каких-то элементов ни в коем случае не может являться основанием для того, чтобы не признать их субъектами истории, не признать их онтологическую, региональную уникальность, за-

служивающую признания, причем признания на всех уровнях: и научном, и практическом, и образовательном. Поэтому меня это огорчает — такое воспроизводство знаний, давно отживших и не отвечающих потребностям саморазвития этносов. Вообще, считаю, интеллектуальная жизнь должна решать прежде всего вопросы воспроизводства лучших особенностей человеческого разнообразия. Поэтому, уважаемые коллеги, я считаю в высшей степени актуальным, что сегодня мы обратились к столь сложному вопросу, хотя, не будучи профессиональным философом, не могу в полной мере понять сам предмет нашего разговора и рефлексирую только по поводу того, что я прочувствовала и вынашиваю в течение своей продолжительной персональной и научной жизни.

О. М. Рындина. Ульяна Алексеевна, я двумя руками за сохранение уникальности традиционных этнических культур и занимаюсь этим уже не одно десятилетие. Но согласитесь и Вы, что та культурная целостность, которую мы фиксировали на рубеже XIX–XX веков и которая была связана с традиционным образом жизни, вот эта целостность сегодня разбита на фрагментики, и эти фрагментики нуждаются в сохранении, в восстановлении и, может быть, в трансляции с использованием новых форматов и новых форм. Вот о чем речь была, а не о том, что цивилизация поглощает своеобразие этнической культуры, что этого своеобразия не осталось. Речь идет просто о том, что как система этническая культура сегодня включается в более широкие культурные контексты.

А. К. И. Забулионите. Ольга Михайловна задала непростой вопрос: целостность ментальной матрицы (как модель мира и способ мышления этноса), сложившаяся на этапе мифологического восприятия мира, видоизменяется, трансформируется или сохраняется, когда этнические культуры включаются в современные цивилизационные процессы? Мифологическая картина мира никогда не исчезает окончательно, она скрыто присутствует в ментальности современного человека, если верить К. Г. Юнгу. Но что меняется (или не меняется) в ментальной матрице этноса, когда этносы включаются в современные реалии? И как исследователю работать с этой многослойной ментальной матрицей (многослойной метафизической моделью мира, этой целостностью)?

Что касается идеи региональных онтологий, на которую обратила внимание У. А. Винокурова. Это понятие я употребляю в гуссерлевском смысле, как оно раскрывается в его теории предметности. Введение идеи региональных онтологий в культурологический дискурс, я согласна, — вопрос непростой и заслуживающий отдельного обсуждения.

И. А. Жерносенко. Ульяна Алексеевна затронула очень важную проблему. Сегодня нельзя говорить только о музейном состоянии традиционных культур. Они точно так же продолжают жить, продолжают включаться в цивилизационные процессы. Еще в 90-е годы рабочие группы ООН, которая поднимала вопросы по коренным народам, отмечали, что знаниями коренного населения в конкретной природной среде, в которой они живут, в рамках ее использования в своей деятельности не владеет более никто, в том числе и наука. И я хотела бы как раз обратить внимание на то, что у коренных народов сегодня сохранилась та этноэкологическая модель взаимодействия человека с природой, которая утрачивается цивилизациями, особенно цивилизацией западного типа. И мы, с одной стороны, имеем глобальный экологический кризис, глобальный культурный кризис, кризис системы ценностей, традиционных ценностей, а с другой стороны, все эти ценности продолжают сегодня бытовать у коренных народов. И, как говорилось в документах рабочей группы ООН, как раз сегодня стоит обратиться к этой системе ценностей и на их основе выстраивать новую модель и футурологические стратегии, то, как мы будем строить наше будущее.

На протяжении ряда лет я занимаюсь исследованием этих процессов и, на мой взгляд, одной из продуктивных идей является как раз концепция выстраивания стратегии развития социума в ноосферной модели. Если еще в начале — середине XX века эта модель рассматривалась либо как утопичная, либо глубоко идеалистическая (и не увязывалась с материалистической доктриной), то сегодня мы видим, что как раз в коренных культурах присутствует ноосферная модель, которая предполагает эмпирический опыт взаимодействия человека с природой, когда он может на нее воздействовать не потребительски, как это делает западная цивилизация, а именно взаимообусловленно и взаимообогащаясь — то, что сегодня называется коэволюционным путем развития социума и приро-

ды. Такая модель коэволюционного развития всегда существовала у коренных народов. Причем и русский народ, пока он не был встроен в западные модели развития, тоже жил в этих ценностях и в этой модели. И мне кажется, сегодня как раз стоит говорить о том, что эта этноэкологическая форма бытия человека вполне может быть встроена в современные цивилизационные процессы, чтобы эти процессы были конструктивными, а не деструктивными. Ноосферная модель, концепция ноосферного развития достаточно глубоко прорабатывалась в русской философии (и в работах Вернадского, П. Флоренского), это вполне естественная для российской ментальности концептуальная схема, в которой мы можем выстраивать новые способы бытия, и именно эти способы конструктивные, они позволяют развивать социум не разрушая природы. Поэтому, мне представляется, стоит, наверное, говорить здесь о том, что коренные культуры в этом плане могут очень многое дать той же российской государственности для того, чтобы встраиваться в эту модель, и здесь только надо услышать их, надо с ними взаимодействовать, а не жить в той модели, в которой мы живем, что западная часть России живет одной жизнью, а восточная — совершенно другой. Причем трактуя восточную часть России как ресурсный потенциал движения России по европейскому пути развития. Может быть, стоит этот вектор развернуть и двигаться уже в направлении именно евразийском. И этот вектор понимать не как востокоцентричный, а именно как вектор естественных способов взаимодействия человека и природы. Он евразийский все-таки, а не чисто восточный. Я могу ошибаться, но мне кажется, что именно в традиционных культурах народов Севера, народов Урала, Зауралья, Сибири, Дальнего Востока, собственно, эти системы ценностей сохранились по сей день и не надо изобретать что-то новое. Стоит только к этому прислушаться, увидеть эти ценности и на них выстраивать уже новую цивилизационную стратегию.

А. К. И. Забулионите. Согласна полностью, что культуры, проживающие веками в конкретной природной среде, выработали и сегодня сохраняют этноэкологическую модель взаимодействия человека с природой, которая утрачивается цивилизациями, особенно цивилизацией западного типа. Модель западного типа сегодня стала доминирующей во всем мире, и, как признают сами западные

ученые, уже привела к крайне опасным экологическим последствиям для всей планеты. Поэтому интерес к формам гармонического существования человека/культуры и природы, которые сложились в культурах еще на доисторическом этапе, элементы которых сохраняются в этнокультурах как регулятивные идеалы, не вызывает сомнения. Ныне призыв к гармоническому сосуществованию человека и природы становится даже каким-то общим местом на конференциях, в обсуждениях и в программных документах разного международного уровня. Однако при всех благих пожеланиях ответа и ныне нет. Реалистична ли идея Ирины Александровны выстроить новую цивилизационную стратегию по образцу живущих ныне этнокультур? Таким уж простым может быть решение? Вопрос этот многомерный. Даже если подойти к нему с точки зрения наук, изучающих культуру, то как сегодня уже отметила Ольга Михайловна, и сами этнокультуры, включенные в контексты глобального мира, меняются. Традиционная культура, включенная в цивилизационные процессы, уже фрагментирована.

Изолированных культур и цивилизаций в современном мире практически уже не остается. Эту ситуацию перманентной коммуникации культур, мне представляется, можно описать концептом семиосферы Ю. М. Лотмана, который исследует механизмы порождения нового смысла. Если языки (фрагменты) традиционных культур функционируют в новом пространстве смыслов, то возникают вопросы: каковы механизмы взаимодействия традиционных форм с современными формами? Каковы механизмы рецепции цивилизационных форм, которые ускоренными темпами протекают в современных традиционных культурах, входящих в современную глобальную цивилизацию? Неотрадиционализм, по сути, и есть функционирование традиционных элементов в контексте иного семиотического пространства, например современного глобального пространства, что ведет к неизбежным трансформациям традиционных смыслов.

О. М. Рындина. Аудра Кристина Иосифовна, конечно, своей интерпретацией придала культурфилософское звучание моему выступлению. Я хочу отметить два момента. Первый — относительно термина неотрадиционализм. Этот термин ввела не я, он достаточно прочно вошел в научный обиход, и даже разработана структу-

ра определяемого им явления [9, с. 33–34]. Второй момент: степень сохранности этнической культуры совершенно разнообразна. Одно дело, когда мы говорим о части этноса, ведущей традиционный образ жизни, там степень сохранности этнической культуры одна. Другое дело, когда мы говорим о части этноса, которая живет в городских условиях, а урбанизованная часть у коренных жителей нашего региона стремительно нарастает. Я была крайне изумлена, когда по результатам предпоследней переписи ханты и манси оказались урбанизованным этносом, для меня это был нонсенс. Традиционные охотники и рыболовы в большей своей части уже, по итогам предпоследней переписи, проживали в городах за счет нефтегазового освоения Западной Сибири. И это тоже реальность, с которой мы вынуждены считаться. Это не значит, что в городах этнической культуры нет, это значит, что она там через иные ростки прорастает, вот о чем шла речь.

Л. М. Мосолова. Во-первых, странно, что ученых предлагают разделять на «коренных» и «пришлых», тех, что стали жить на территории «коренных» ученых. Это, конечно, мягко говоря, наивность. Научные принципы едины и не важно, где живет человек: в Париже, на Камчатке, в Петербурге или в Соединенных Штатах.

Вообще понятие «коренные народы» сейчас пересматривается. Понятие «малочисленные народы» имеет не только конвенциональное, но и достоверное значение. Это бесспорный факт, и он практически проверяем. Что касается понятия «коренные народы», то его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектоники существования этносов на разных континентах и во многих регионах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Дело в том, что в современных исследованиях истории миграций показано, что люди не жили с эпохи палеолита до наших дней на одном и том же месте, они всегда передвигались. Те, кто называют себя индусами, в значительной мере являются пришельцами из степной Евразии (ведические арии). Древние шумеры, жившие в Месопотамии, пришли неизвестно откуда. Те калмыки, которые живут сейчас в Прикаспии, пришли из Моголистана и живут четыреста лет в России. В эпоху Великого переселения народов чувашаи вместе с хунну (гуннами)

передвинулись от стен Китая к Волге и остались там, а венгры переместились с Енисея в Европу; русские переселялись в Сибирь с XIV века. В Арктическом регионе народы тоже передвигались, и якуты меняли территорию. Причем генетические исследования показали, что якуты вовсе не являются «чистыми тюрками», хотя говорят на одном из тюркских языков; в них присутствует немало генов финно-угорских народов и т. д.

Существенно, что от адекватности понимания или непонимания указанного термина зависит реальное существование конкретных народов, культура их жизнеобеспечения, ментальные ориентации, а также их взаимоотношения с соседями, роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами. Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории и зачастую связан с мифоконструированием национальных историй. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступать опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны. Так что представление о том, что «коренные ученые» могут найти научную истину о культуре своих народов, а «некоренные» не могут, способны находиться в указанном арсенале сил [10].

Во-вторых, я бы хотела Ольге Михайловне задать вопрос. Ольга Михайловна, Вы перечислили отдельные компоненты индивидуальной, неповторимой культуры конкретного этноса. Но скажите, пожалуйста, в чем суть целостности, о которой постоянно Аудра Кристина Иосифовна говорит? Ведь ее не составляет какая-то сумма компонентов? Есть философия целостности, согласно которой целостность не есть сумма частей. Целостность не возникает путем соединения, добавления друг к другу одного компонента и другого (материального, художественного, духовного и т. д.). В чем же тайна взаимосвязи всех этих компонентов? Этот вопрос действительно очень трудный.

Философию целого и части по-разному понимали. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что каждая эпоха, каждый народ имеют разные стороны в своей культуре, и, если затронуть одну сторону

культуры, это обязательно отзовется в другой стороне. Если что-то обедняется в духовной культуре, это обязательно отразится на других сферах культуры (сфере экономики, торговли и т. д.). Макс Вебер, например, с его учением о науках о духе и о науках о культуре вовсе не считал, что можно понять индивидуальность, уникальность как целостность какой-то конкретной общности или человека. Другой пример — введение понятия «гештальт» как попытку зафиксировать понимание целостности. Можно вспомнить и Лео Габриэля, холизм и т. д.

Мне представляется, что проблему целостности культуры в значительной мере разработал В. С. Степин. Я имею в виду его мысль о том, что сложные органические целостности внутри себя содержат особые информативные структуры, обеспечивающие саморегулирование. В биологии это информационные структуры любого живого организма. В культуре тоже есть культурно-генетические системы, информационные системы или, как их называл В. С. Степин, культурногенетические программы, которые передаются из поколения в поколение. Все эти культурно-генетические программы пожизненно обретаются, осваиваются. Есть культурногенетический код, через который передается массив культурного опыта в каждом конкретном народе. В. С. Степин предложил интересное учение об универсалиях. Он считает их константами, соединяющими части в целое. На каждом этапе истории у каждого народа формируются свои универсалии, которые становятся стереотипами и осваиваются всеми. Потом они видоизменяются и передаются — это базовые ценности, жизненные смыслы или, другими словами, концепты культуры. Сейчас и языковеды работают с понятием «концепты культуры», чтобы понять спектр качеств культуры, составляющих индивидуальность культуры. Мне кажется, что у них наметился некоторый прогресс в понимании проблемы целостности.

У народов, которые сейчас называют «коренными», близкая проблема: как, вписываясь в новые цивилизационные системы, сохранять уникальную целостность своей культуры? Ведь и народ меняется в истории. Те русские, которые жили в XVII в. или в XV в. при Иване Грозном, — совершенно разные. Народы постоянно находятся во взаимодействии друг с другом, постоянно меняются. Отчасти меняется и характер их культуры, но при этом нечто

глубинное не меняется, индивидуальность культуры даже при ее умножении сохраняется. Мне кажется, эта проблема нуждается в продолжении специального углубленного исследования.

И последнее, что я хочу сказать. Э. С. Маркарян, гениальный ученый и один из основоположников отечественной культурологии, тоже пытался определить локальный тип культуры, его уникальную целостность и принадлежность к какому-либо общему типу. У него есть концепция о том, как следует возводить культуру народа к общему типу и в то же время видеть целостность уникальной культуры. Кроме операции обобщения, есть еще одна операция, которую он называл «генерализующей индивидуализацией» [11, с. 371–382]. Аудра Кристина Иосифовна, «генерализирующая индивидуализация» — вот тот метод, который предложил Маркарян для познания уникальной целостности культуры. Определять эту индивидуальность можно по тем же признакам, что и общие черты культуры: отношение к жизни, к смерти, к пространству, ко времени, отношение к Богу, к самим себе, к природе, к другим этносам и т. д. Эффективность этого метода он продемонстрировал, исследуя культуру жизнеобеспечения одного из регионов в Армении. Такого рода исследования, к сожалению, пресеклись после смерти его ученика, ведущего основные полевые работы и их теоретическую проработку, а также после всех катастроф перестройки, которые пережила Армения. Мне кажется, что это направление и метод генерализирующей индивидуализации крайне необходимо возрождать и развивать.

А. К. И. Забулионите. Любовь Михайловна, хотела бы задать вопрос. Вы в своих тезисах отметили, что методологические программы М. С. Кагана и Ю. Н. Солонина отличаются. Сейчас Вы обратили внимание на культурологические идеи В. С. Степина, который, мне представляется, все-таки относится ближе к той философской парадигме, в которой работал и М. С. Каган. А идейная платформа Ю. Н. Солонина, как Вы видите перспективу развития методологической программы, актуализированной Солониным в науке о культуре?

Л. М. Мосолова. Если говорить о взаимоотношении Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана, о соотношении системного метода и организзма, целостного метода, они не так далеки друг от друга, а, нао-

борот, близки очень, они единомышленники. М. С. Каган очень часто пишет системно-целостный, системно-целостный подход, особенно в последние десятилетия своей жизни, может быть, под влиянием Ю. Н. Солонина. Но Ю. Н. Солонин так и не раскрыл секрета организмического подхода к культуре. Я думаю, что проблема целостности поставлена им на уровне философии, а вот на уровне культурологии, мне кажется, она недостаточно разработана. И мне кажется, нужно соотносить системный метод, системную интерпретацию, с онтологией целостности как научно-методологической программой. Эти две методологические программы нужно соотносить. Органическую целостность увидеть без системности тоже нельзя, потому что система и организм — это взаимосвязанное множество. Очень важно понять не только компоненты, и М. С. Каган не занимался кубиком-рубиком, он не слагал из отдельных кирпичиков никакую целостность, он как раз пытался понять взаимосвязи, компоненты взаимосвязи, так же, как Юрий Никифорович. Они близки, на мой взгляд, и надо дальше эти программы соотносить и развивать.

А. К. И. Забулионите. Любовь Михайловна, о дополнительности системного подхода и целостного подхода полемики нет. Могу согласиться и с тем, что проблему целостности Ю. Н. Солонин ставил на философском уровне, но не могу разделить Вашу точку зрения, что «органическую целостность увидеть без системности нельзя». Эти две научные программы предложили разные концепты и логические модели целостности. Как образуется системная целостность у М. С. Кагана — понятно. А идея о «генерализирующей индивидуализации» Э. С. Маркаряна, который выдвинул идею объединить выделенные В. Виндельбантом характерные различия наук о природе и наук духе (генерализацию и индивидуализацию) — не понятна, она не получила экспликации. О какой научной программе идет речь и что представляет собой этот метод как логические процедуры?

Если говорить о научной программе органицизма, создаваемой на онтологии целостности, то логика образования целостности была предложена И. В. Гете (это логика типологического метода). Она принципиально иная, чем логика системного. Системная целостность — эта целостность, опирающаяся на активный центр системы, функционально собирающий элементы на новом уровне

их единства. Органическая целостность образована по иной логике: прообраз (тип/инвариант) — метаморфоз (правило преобразования) — варианты. Познание строится на интеллектуальной интуиции (усмотрении прообраза, существующего только в своих вариантах).

Органическая целостность не через систему выражается. Ю. Н. Солонин это много раз подчеркивал, и поэтому заботился о главном методе органицизма — разработке типологии. Да, Ю. Н. Солонин онтологию целостности подчеркивал и на философском уровне, ибо за системно-квантитативной научной программой и органицизмом стояли разные философские традиции: по-разному ставились и решались вопросы онтологии, гносеологии — и отсюда методологии и логики образования понятия. Поэтому дополнительность двух альтернативных научных программ не должна нами пониматься упрощенно, без философских традиций, на основе которых они формируются.

Л. М. Мосолова. Я далека от простого решения этой проблемы. Разумеется, это самая сложная проблема — соотнести эти методологии и научные программы.

Л. К. Круглова. Полемика Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана о фундаментальных основаниях культурологии и обращение к ней в настоящее время позволяет поставить целый ряд вопросов и задач, решение которых имеет определяющее значение для развития культурологии. Я остановлюсь на принципиальном вопросе этой полемики: являются ли альтернативными или взаимодополняющими холистический и системный подходы, а также в каком соотношении они находятся с другими методами изучения культуры.

Холистический подход имманентен культурологии, поскольку главная задача культуролога заключается в том, чтобы видеть в культуре некую целостность. Этим культурологи отличаются от представителей других культуроведческих дисциплин — музыковедов, искусствоведов, литературоведов и т. д., которые изучают отдельные сферы культуры или отдельные её феномены. Однако некоторые радикально настроенные сторонники холистического метода склонны абсолютизировать его и противопоставлять другим методам и в первую очередь — системному. Ю. Н. Солонин к ним

принадлежал. Я не разделяю этой точки зрения, поскольку именно системная методология дала научные доказательства того, что целое больше суммы отдельных частей. Это свойство систем характеризуется в теории систем как эмерджентность. Разницу в содержании концепта «целостность» и понятия «система» в данном случае можно оставить в стороне, поскольку всякая целостность является в то же время и системой и, соответственно, на целостность распространяются и свойства системы.

Представление об альтернативности холистической и системной методологии зачастую является результатом отождествления системного метода со структурно-функциональным. Между тем структурирование на отдельные элементы и определение их функций, чего требует структурно-функциональный метод, является лишь одним из этапов реализации системной методологии. Этому предшествует процедура определения предметного поля исследуемого объекта. В культурологии эта процедура осуществляется как оценка основных подходов к определению культуры и выявление среди них того или тех, которые позволяют наиболее широко охватить «поле» культуры и наиболее глубоко постигнуть её сущность. Кроме того, необходимыми этапами изучения культуры с позиций системной методологии считаются выявление законов развития культуры, то есть построение историко-культурной типологии, и построение теоретической модели должного состояния культуры.

Выявление эвристического потенциала холистического и системного подхода в их взаимосвязи с необходимостью требует применения в процессе изучения культуры всего арсенала методологических средств: историко-генетического, феноменологического, компаративистского и других, среди которых особое место занимает герменевтика. Она позволяет «схватывать» образ целого, а при изучении отдельных частей «уловить» те черты, которые являются следствием принадлежности этих частей к целому, т. е. видеть образ целого за отдельными частями.

Применение всего арсенала методологических средств требуется уже на первом этапе изучения культуры, который является, как уже сказано выше, и первым этапом изучения объекта, согласно правилам системной методологии. Речь идёт об определении культуры, т. е. об определении границ исследовательского поля культурологии. Для решения этой задачи необходимо ответить на

вопрос, что является самой глубокой метафизической основой интеграционных процессов, образующих культуру как целостность и, соответственно, как систему. Используя герменевтический, феноменологический, историко-генетический методы, можно констатировать, что для культуры такой основой является онтологическая данность, фиксируемая в аксиоматическом положении «человек есть творец и творение культуры». Отсюда следует вывод о понимании культурологии как науки о человеке и культуре и, соответственно, о ведущем значении антропологического подхода в определении культуры и необходимости превращения его в антропологический принцип в культурологии. Исходное положение антропологического подхода к определению культуры — «культура есть способ саморазвития человека» — позволяет в процессе превращения его в антропологический принцип использовать эвристический потенциал всех других основных современных подходов к определению и изучению культуры: эвристического, аксиологического, деятельностного, функционального. Опора на антропологический принцип в культурологии даёт возможность эффективного решения фундаментальных теоретических и на этой основе — практических проблем. На всех этапах развития культурологической теории на основе антропологического принципа требуется применение всего арсенала общенаучных методов. Однако специфика культуры как объекта изучения сказывается в способах применения этих методов и в определённой их конфигурации относительно друг друга, то есть в увеличении значения одних методов и, наоборот, в сокращении значения тех методов, которые доминируют в других науках. Таким образом, я полагаю, следует не противопоставлять эти подходы, а ставить вопрос об интегративных основах культурологической теории.

А. К. И. Забулионите. Лариса Константиновна, я разделяю Вашу позицию относительно антропологических оснований культурологии, которую Вы последовательно проводите в своих основательных работах [12; 13]. Но в то же время, должна признаться, что я себя отношу к упомянутым Вами «радикально настроенным сторонникам». И хочу пояснить свою точку зрения. В антропологических основаниях культуры не сомневались ни М. С. Каган, ни Ю. Н. Солонин. Но следует отметить, что сам антропологиче-

ский принцип предопределен философской традицией и в альтернативных научных программах он принципиально отличается. Вопрос: *что есть человек* — один из четырех вопросов И. Канта — является и самым главным, или, иными словами, философская антропология является основой и внутренним центром метафизики. Ответ на этот вопрос ведет нас к фундаментальным основаниям мысли. Только раскрыв философские субструктуры научных программ (т. е. на какую парадигму философии ориентирована научная программа), можно понять не только способ конституирования базового понятия — «культуры как целостности», но и разную структуру дисциплинарности культурологии в системном подходе и в «геанской» линии (как ее называл Солонин), причем вплоть до таких понятий, как время, пространство, движение, причинность и др., которые в разных научных программах имеют разное содержание. Ориентация на философскую традицию объясняет и то, почему М. С. Каган предложил формационное структурирование Всемирной истории, а органицизм и концепции, развивавшиеся в его русле — цивилизационный подход, предполагающий дисконтинуальную метафизическую структуру, или иными словами — отказ от идеи бытия как единого. Дополнительность альтернативных научных программ, как я понимаю этот вопрос, не означает их сближения. Эти научные программы обладают разным эвристическим потенциалом. Поэтому альтернативность научных программ, мне представляется, не стоит сглаживать. Ее следует понимать во всей глубине, изучать и развивать, ибо их полемика в высшей степени полезна для развития культурологии как живой исток продуктивных поисков.

Список источников

1. Солонин К. Ю., Туманян Т. Г. Традиции изучения философии и культур Востока в Санкт-Петербургском университете // *Этносоциум*. 2015. № 7 (85). С. 60–65.
2. Солонин Ю. Н. Методологический кризис: его философские основания и перспективы // Забулионите А. К. И. Типологический таксон культуры. СПб., 2009. С. 21–22.
3. Степанянц М. Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука — Вост. лит., 2020. 183 с.

4. Жерносенко И. А. Метафизика Алтая: от сакрального ландшафта к ноосферной цивилизации. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ин-та культуры, 2019. 321 с.
5. Рындина О. М. Пространство и время в мифоисторической памяти манси // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 276–288.
6. Симонова В. В. Перфоманс обрядности как этнокультурный парадокс // Проблемы сибирской ментальности. СПб., 2004. С. 132, 134–135.
7. Забулионите А. К. И. Типологическая систематика в науке о культуре: основания и перспективы // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 40–54.
8. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
9. Лаамажа Ч. К. Эффекты архаизации и формы неотрадиционализма в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. Новосибирск, 2015. Вып. 10. С. 33–34.
10. Мосолова Л. М., Бондарев А. В., Зыкин А. В. Концептуализация понятия «коренные народы»: историография, интерпретации // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4(24). С. 50–59.
11. Маркарян Э. С. Системные принципы соотносительного анализа общего и локального в истории культуры // Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и составитель А. И. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 371–382.
12. Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб., 2017. 397 с.
13. Круглова Л. К. Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М.; СПб., 2018. 448 с.

References

1. Solonin K. Yu., Tumanian T. G. Tradition of oriental studies in philosophy and culture at Saint-Petersburg University. *Ethnosocium* [The Ethnosocium], 2015, no 7 (85), pp. 60–65. (In Russ.)
2. Solonin Yu. N. Methodological crisis: basis and prospects. Zabulionite A. K. I. *Tipologicheskiiy takson kul'tury* [Typological taxon of culture]. St. Petersburg, 2009. Pp. 21–22. (In Russ.)
3. Stepanianz M. T. *Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy* [Intercultural philosophy: genesis, methodology, problematic, prospects]. Moscow Nauka — Vostochnaya literatura, 2020. 183 p. (In Russ.)
4. Gernosenko I. A. *Metafizika Altaya: ot sakral'nogo landshafta k noosfernoy tsivilizatsii* [Metaphysics of Altai: from sacred landscape to noospheric civilization]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. in-ta kul'tury, 2019. 321 p. (In Russ.)
5. Ryndina O. M. Space and time in mythological and historical memory of mansi. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Issues of

Tomsk State University. Culturology and art studies], 2022, no 46, pp. 276–288. (In Russ.)

6. Simonova V. V. Representation of ceremony as ethnological and cultural dilemma. *Problemy sibirskoy mental'nosti* [Problems of Siberian mentality]. St. Petersburg, 2004. Pp. 132, 134–135. (In Russ.)

7. Zabulionite A.K.I. Typological systematization in cultural science: basis and prospects. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Issues of Tomsk State University. Culturology and art studies], 2021, no 43, pp. 40–54. (In Russ.)

8. Vinokurova U. A., Iakovez Yu. V. *Arkticheskaya tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya* [Arctic circumpolar civilization]. Novosibirsk: Nauka, 2016. 320 p. (In Russ.)

9. Laamaga Ch. K. Archaic effects and neo-traditional forms in Siberia. *Etnosotsial'nyye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik* [Ethnosocial processes in Siberia: problematic issues]. Vyp. 10. Novosibirsk, 2015, pp. 33–34. (In Russ.)

10. Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V. Conceptualization of the concept of “indigenous peoples”: historiography, interpretations. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Bulletin of Humanitarian Education], 2021, 4(24), pp. 50–59 (In Russ.).

11. Markarian A. S. Systematic principles of comparative analysis of general and local in culture. Markarian A. S. *Nauka o kul'ture i imperativy epokhi* [Selected works edition. Science of culture and trends of epoch], ed. and compiled by A. I. Bondarev. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014, pp. 371–382. (In Russ.)

12. Kruglova L. K. *Chelovek i kul'tura* [Man and culture]. Moscow; St. Petersburg, 2017. 397 p. (In Russ.)

13. Kruglova L. K. *Antropologicheskii printsip v kul'turologii: teoriya i praktika* [Selected works edition: Anthropological principle in culturology: theory and practice]. Moscow; St. Petersburg, 2018. 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	20.10.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.11.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	15.11.2022

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 4 (46) 2022

Редактор Л. В. Гудырева
Корректор Е. М. Насирова
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 16.12.2022. Дата выхода в свет 27.12.2022.

Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,7. Уч.-изд. л. 9,2.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81